

*Cogito,
ergo sum*

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ

Пьер Вилар

Университетская библиотека

Cogito, ergo sum

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ

Cogito, ergo sum

История Испании

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЬЕР ВИЛАР

Почетный профессор Парижского университета I

АСТ•Астрель
Москва
2006

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)
В44

Вилар, П.

В44 История Испании / Пьер Вилар; пер. с фр. И. Боровой. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — 222, [2] с. — (Cogito, ergo sum: «Университетская библиотека»).

ISBN 5-17-036605-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13794-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2 13 051585 1 (франц.)

В истории Испании был не один «золотой век»: с римских времен до арабского завоевания, с периода Реконкисты до Великого века, со времен колониальной империи до экономической экспансии последних лет. Испания не раз переживала и трудные времена: гражданскую войну; период франкизма. В этой книге, которая во Франции переиздавалась двадцать раз, история Испании изложена во всей ее полноте и сложности; это история земли, которую, по словам Пабло Неруды, все люди доброй воли хранят в своем сердце.

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 18.01.06.

Формат 76×100¹/₃₂. Гарнитура «Петербург». Бумага газетная.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 9,80. Тираж 3000 экз. Заказ 587.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, т. 2
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ISBN 5-17-036605-1
(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13794-5
(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2 13 051585 1(франц.)

ISBN 985-13-7299-4
(ООО «Харвест»)

© ООО «Издательство АСТ», 2006
© ООО «Издательство Астрель», 2006
© Press Universitaires de France, 2002

ГЛАВА I

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР И ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ

I. Природный фактор

Океан. Средиземное море. Пиренеи. Таковы достаточно четкие границы территории, на которой было предназначено жить людям, чью историческую судьбу можно назвать необыкновенной.

Особое расположение Иберийского (Пиренейского) полуострова, естественная граница, создаваемая цепью Пиренейских гор, своеобразие климата и рельефа, природные богатства — все это придавало Испании самобытность еще с доисторических времен. Кроме того, что бы ни говорили на этот счет, Иберийский полуостров нельзя считать «африканским». Природа распорядилась так, что этот полуостров — почти маленький материк — стал отдельным историческим организмом.

Из всего вышесказанного не стоит делать вывод, что Пиренейский полуостров представляет собой отдельный, автономный мир с особенно благоприятными для человека условиями жизни, мир, полный гармонии. С одной стороны, границы этого мира широко открыты для различных

внешних влияний, но, с другой стороны, те, кто хочет проникнуть в него глубже, мгновенно ощущают на своем пути множество препятствий: «сьерры» и плато, суровость климата и недостаточность ресурсов. В противоположность менее защищенной, но «прорезанной» многими реками Франции, Испания лишена естественной системы коммуникаций, которая бы сделала ее территорию единым целым. Ни один географический центр не может здесь играть ту роль, которая возложена, например, на Париж или Лондон. Узкие ущелья, ведущие к плоскогорьям, преграждают почти все большие долины. Иберийский полуостров часто называют «беспозвоночным». Но удачнее было бы сказать, что полуостров и его обитатели страдают из-за чрезмерно «костистого» рельефа, «скелет» которого развился в ущерб жизненно важным органам воспроизводства, усвоения, обмена. За грядой центральных Пиреней с высокими вершинами, нависающими над Гранадой (также Гренадой. – *Примеч. ред.*) и Альмерией, простирается гористая континентальная Иберия, для которой характерны *труднодоступность* и *суровые климатические условия*, затрудняющие добывание средств к жизни.

В современной литературе изоляция и бедность предстают как силы, определившие духовные ценности испанского народа. Вот в чем видит «суть» Испании Унамуно*, ее «глубины» Рене Швоб, ее

*Унамуно (Unamuno) Мигель, де (1864–1937) – испанский писатель и философ, один из главных представителей так называемого «поколения 1898 года». Автор романов («Мир и война», «Тетя Тула», «Туман», «Абел Санчес») и многочисленных эссе (*здесь и далее прим. ред.*).

«непорочность» – Ганивет* или Франк. Бесспорно, человек плоскогорья играет главную роль в том повествовании, которое я собираюсь вам предложить. И, конечно, именно природа одарила его стремлением к независимости, к политическому господству, сделала его бойцом и аскетом, заставила презирать жажду наживы. Природа наделила его стремлением к поддержанию единства среди тех, для кого Иберийский полуостров является родиной.

Но может быть, это стремление является на самом деле лишь смутным выражением жизненной необходимости? Будучи изолированной, центральная Испания узнала, что такое жизнь, полная случайностей. Здесь не хватало самого необходимого, не было налаженных связей с зарубежьем. Испания с опозданием адаптировалась к материальной и духовной эволюции мира. Для того чтобы не потерять контакт с миром, чтобы жить с ним в одном ритме и играть в нем какую-то роль, этой великолепной полуостровной периферии, такой живучей и восприимчивой, пришлось повернуться лицом к Старому и Новому Свету. Испания «сухая и воинственная», какой увидел ее Антонио Мачадо** с высоты плос-

*Ганивет (Ganivet) Анхель (1865–1898) – испанский писатель, «пророк испанского модернизма», отличавшийся радикализмом политических взглядов. Автор романов «Пио Сид», «Гренада прекрасная», пьесы «Скульптор своей души». Покончил жизнь самоубийством.

**Мачадо-и-Руис (Machado y Ruiz) Антонио (1875–1939) – испанский поэт. В поэме «Земля Альваргонсалеса», написанной в манере народного романса, он стремился возродить форму древнего эпического жанра испанской поэзии; впоследствии тяготел к наиболее лаконичным формам – сонетам, трёхстишиям и строфам фольклорного типа, к афористически сжатым эссе в прозе.

...сад Терра, может быть и богатой, и сочной, раскинутой всех плодов», античным фруктовым садом с виноградными яблочками и садом халифов для лю-дей Средневековья; этот образ Испании появляется и в фольклоре, и у романтиков. Как можно забыть золотой век иберийских портов, откуда отправлялись суда на завоевание Востока и Запада? Как можно забыть купцов и матросов из Каталонии, Андалусии, Португалии, Валенсии, Страны Басков, с Майорки?

Увы, активность и процветание Иберии слабо отражались на внутренней территории страны (это относится ко всем странам Средиземноморья). Рельеф, форма и расположение равнин, прибрежная зона очень различались на всем своем протяжении. Иберийский полуостров повернулся спиной к центральным плато. Т. Фишер давно говорил об этом относительно Португалии. Это справедливо (может быть, даже более справедливо, так как повышение уровня плато асимметрично) и для восточного побережья Испании. Вот почему приморские районы Иберийского полуострова в тот или иной исторический момент были практически автономными. Зато ни одно из этих маленьких преуспевавших экономически государств не обладало ни обширными территориями, ни политической энергией, которая могла бы сплотить всех обитателей полуострова. В связи с этим его история представляет собой бесконечную борьбу двух противоположных тенденций: стремления к воссоединению, характерного для центральной Испании, и тягу к раздробленности, истоки которой, несомненно, связаны с географическим фактором.

Итак, настоящее Испании, как и прошлое, зависит от природы, полной противоречий. Массивность центральной Испании, ее рельеф и сухость почв обусловили отставание в технической и социальной сферах, так что испанскому народу была навязана такая система, при которой урожайность зерна вплоть до 1960 г. *не превышала 10 центнеров с гектара*. Надолго ли этого могло хватить, тем более что численность населения за какие-то сто лет возросла с 17 миллионов до 35? Куда пропадают богатые дары орошаемых земель и плантаций? И что повлечет за собой архаичная экономика и духовный консерватизм отдаленных сельских районов или множество влияний, имеющих место в больших городах и портах? Не будем забывать, что каталонцы и баски, то есть испанцы, имеющие возможность контактировать с зарубежьем, вот уже около века стремятся отделиться от испанского национального сообщества. Это кризис, который необходимо разрешить, чтобы единство было восстановлено. Утверждения о национальной исключительности и самобытности испанцев (тенденции такого рода особенно заметны в Кастилии) не могут стать решением всех проблем; изоляции и замыканию в узких границах национально-исторического мира противится сама современная жизнь: Гибралтар и Танжер, Канарские и Балеарские острова, континентальные шельфы и аэродромы, медь Рио Тинто и калийные соли Сурии. По экономическим и стратегическим причинам Испания не может отгородиться от острых проблем современного мира. Находясь между Африкой и Европой, между океаном и Средиземным морем, Иберийский полуостров становится перекрестком, местом встреч. Да, это

чрезвычайно запруженный перекресток, почти препятствие. Однако он остается местом встреч различных эпох, людей и цивилизаций, которые сходятся здесь лицом к лицу и оставляют свои следы.

II. Заселение территории и рождение цивилизации

С антропологической точки зрения не существует ни испанской, ни французской «расы».

Заселение Испании было ранним. Многочисленные следы палеолитической культуры обнаруживаются иногда в прославленных городах, как, например, в Мадриде. В Кантабрии, в пещере Альтамира находится так называемая «Сикстинская капелла доисторического искусства» (памятник мадленской культуры). Впоследствии, на рубеже неолита и медного века, Андалусия снова стала заселяться людьми. На сегодняшний день нам остается только догадываться о том, что стоит за первыми именами и названиями, упомянутыми в текстах. Даже слово «иберы» остается для нас темным. Им называли африканский народ, родственник берберам, который проник вдоль испанского Леванта* вплоть до Пиреней; образ жизни этого народа мы можем описать в подробностях. Но иберов нельзя отождествлять с басками, появление которых восходит скорее к первым пиренейским цивилизациям. Наконец, изучая испанскую этнографию, нельзя пренебречь и кельтским

*Левант (от *франц.* Levant или *итал.* Levante – Восток) – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция и др.).

элементом: так, в северо-восточной Испании существовали племена кельтиберов, образовавшиеся от смешения иберов с кельтами, а чистый кельтский тип доминировал в «финистеррской»* Галисии.

Добавим, что на заре истории Левант повидал немало мореплавателей с другого конца Средиземноморья. Наконец, после Пунических войн Рим уже не расставался с мыслью о том, чтобы взять под контроль почти всю территорию полуострова. Однако ему потребовалось немало времени для того, чтобы захватить господство на плоскогорье. Риму оказали сопротивление «герильи» Вириата** и героические защитники осажденных городов: двадцать лет Нуманция – поселение, расположенное в верхней части Месеты*** – оставалась кошмаром для римских солдат. В итоге жители предпочли разрушить город (133 г. до н.э.), нежели сдаться. Быстро романизированные прибрежные районы постепенно распространили свое влияние на всю страну. Это был один из самых замечательных периодов в истории Иберийского полуострова, по крайней мере внешне.

«Золотой век» установился в течение двух первых столетий нашей эры. Испанские шахты эксплуатировались со знанием дела. Появились дороги и

*Финистерре (Finisterre, древн. Promontorium Nerium) – мыс на северо-западе Испании.

**Вириат (Viriathus) – пастух из иберийского племени лузитан, возглавивший восстание 147–139 гг. против Рима. В 139 г. до н.э. был убит своими приближенными, подкупленными Римом.

***Месета – плоскогорье в Испании и Португалии. Занимает большую часть Пиренейского полуострова.

мосты — и совсем простые, и величественные. По этим дорогам можно было добраться до Галисии, до Кантабрии. Римляне начали постройку оросительных сооружений, которые часто ошибочно приписывают арабам. Андалусия была житницей Римской империи. Богатая Испания отправляла в столицу своих лучших сынов: Квинтилиан, Марциал, Лукиан, Сенека, великие императоры Адриан и Траян происходили с Пиренейского полуострова. Однако сегодня напрашиваются вопросы: действительно ли римская надстройка изменила прежнюю жизнь племен и не понизилась ли рентабельность рабства раньше, чем обычно полагают? Тем не менее можно констатировать, что римская система, пусть она и проявляла признаки упадка уже с III века и была частично разрушена варварами в V веке, все же сохраняла свою суть и в смутные времена, окончательно пав только в 711 году под напором ислама.

Христианство и церковь в какой-то мере служили поддержкой этой системы.

Первые набеги завоевателей (аланов, свевов, вандалов) принесли большие разрушения, но быстро прокатились мимо. Вестготы, пришедшие из Галлии, в большинстве своем были вскоре романизированы. Внутренние противоречия получили свое продолжение в основном из-за их религии — арианства. Когда король вестготов Рекарред принял католичество, началась новая эпоха (587). Вестготские короли, избравшие город Толедо в качестве своей столицы, основали иберийское государство, независимое от империи. Латиняне и готы постепенно забыли свои первоначальные разногласия. Духовенство составило знаменитый кодекс законов — *Liber judiciorum*. Монархия оказалась под теократическим контролем

церковных соборов Толедо. В своем энциклопедическом труде* Исидор Севильский попытался спасти духовное наследие античности. Это было фактически прощальное сияние цивилизации, а не начало новой эры. Испанское общество вскоре оказалось расколото и политически, и социально. Рабы и колоны** влачили жалкое существование. Не прекращались религиозные и национальные распри. Евреи подвергались гонениям. Знать плела интриги. Наконец, африканские мусульмане, перейдя пролив, быстро установили свои порядки в Испании.

Нельзя было приступить к классическому периоду истории Испании, который начинается с вторжения ислама, не отметив следы предшествующих цивилизаций, существовавших на территории этой страны. Это и яркий доисторический период, и исключительно плодотворное и длительное влияние Рима, и активное участие в формировании христианского мира. Как и другие народы Средиземноморья, испанцы имеют древнюю историю, уходящую корнями в глубь веков.

*По-видимому, речь идет об «Этимологии», которая представляет собой своеобразную энциклопедию раннего Средневековья.

**Колоны — одна из категорий феодально-зависимых крестьян в средневековой Западной Европе; берут свое происхождение от мелких арендаторов Древнего Рима. •

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

I. Мусульманская Испания

1. Вторжение и отступление ислама. В 711 году на Иберийский полуостров вторглись берберы под предводительством полководца Тарика; к 718 году весь полуостров, за исключением небольшой части на севере, перешел в руки арабов, но ситуация не была стабильной. В Кордове, однако, прочно установилась их власть. Абдаррахман I (756–788), представитель свергнутой династии халифов Омейядов, бежавший в Испанию от преследований Аббасидов, оборвал связи Испании с Востоком. Абдаррахман III (912–961) провозгласил себя халифом, и Кордова стала столицей Запада. Несмотря на это, к концу X века христиане частично отвоевали север Испании. Примерно в 1000 году Альмансор «Победоносный» еще совершал на них разрушительные набеги. Но через тридцать лет после правления Альмансора халифат рухнул, распавшись на двадцать три мелких эмирата, которые представляли собой либо монархии, либо олигархические республики. Христиане не переставали наступать. Однако ислам еще дважды предпри-

нимал контратаки: перед угрозой дальнейших успехов Реконкисты* арабские государства призвали на помощь Альморавидов из Северной Африки, которые одержали победу в 1086 году при Салаке, а потом Альмохадов (1172). Именно они в 1212 году при Лас-Навас-де-Толоса потерпели поражение от объединенных сил Кастилии. Арагона и Наварры. С тех пор успехи Реконкисты стремительно возрастали. Тем не менее еще в XIV–XV веках в руках арабов оставался Гранадский эмират, расположенный у северо-западного склона Сьерра-Невады. Даже в полностью отвоеванной стране еще много веков продолжали существовать некоторые формы мусульманской жизни.

В разных районах Испании влияние ислама продолжало ощущаться в течение *трех-восьми столетий*. Но против мусульман было столько предубеждений, что их оценивали только в таких выражениях, как, например, «варвары с Севера», причем подразумевалось их противопоставление утонченным жителям Андалусии. А как же «варвары с Юга»? Что они принесли, если не разорение? Этот спор не представляет для нас интереса. К счастью, сегодня его можно считать фактически разрешенным. Научные исследования постепенно демонстрируют как длительность мусульманского влияния, так и его позитивную сторону.

2. Итоги влияния ислама. Нельзя не признать, что вторжение ислама было в каком-то смысле раз-

*Реконкиста (*исп.* Reconquista, от reconquistar – отвоевывать) – отвоевание народами Пиренейского полуострова в VIII–XV вв. территорий, захваченных арабами (точнее, арабами и берберами, впоследствии получившими общее название – мавры).

рушительным. Но кто может подвергнуть сомнению блеск, который приобрела Андалусия при новых хозяевах, пришедших с Востока? Как уже отмечалось, не они создали ирригационные сооружения и процветание в области сельского хозяйства, но именно они дополнили и улучшили то, что начали римляне. Арабы ввезли в Испанию неизвестные здесь виды фруктов из Африки и Персии, раскрыли испанцам секреты садоводства. И если жизнь городов во времена римлян была яркой, то во времена мавров она была триумфальной. Современные марокканские «медины» дают представление о том, какими были Кордова, Севилья, Толедо, Альмерия и Гранада в X–XIV веках: ремесленники работали здесь с медью, металлами, деревом, фаянсом, шелковыми и шерстяными тканями, причем рынок строго контролировался муниципальными властями. Вас ослепило бы великолепие дворцов, мечетей, школ и библиотек. Эта характеристика относится не только к короткому, но блестящему периоду существования халифата: географ аль-Идриси, философ Аверроэс жили не в X, а в XII веке. Именно в это время была возведена Хиральда* в Севилье. Дворец Альгамбра, который часто называют символом испано-мусульманской цивилизации, на самом деле является одним из ее последних отблесков и датируется XIV–XV веками.

Неужели этот период испанской истории, столь яркий и продолжительный, канул в Лету, не оставив следа? Можно указать на народные промыслы (ковры, керамика), на музыку, семейные нравы,

*Хиральда – мусульманский минарет, ставший впоследствии колокольней Севильского собора.

темперамент и некоторые черты религии андалусцев — все это говорит о не до конца утерянной связи с арабской культурой. Здесь, однако, следует быть особенно осторожными. Дело в том, что собственно арабское влияние было ограниченным. Напротив, иммиграция берберов, которые были гораздо ближе к древним испанским корням, оказала более значительное влияние на испанцев. Многочисленные браки способствовали возникновению относительно целостной «испано-мавританской» группы. Мавританская Испания на самом деле была тиглем, где разные культуры, сплаваясь, образовывали единое целое: это доказывают, например, такие архитектурные памятники, как мечеть в Кордове или Альгамбра в Гранаде — гармоничные, но композитные сооружения, которые в то же время являют собой два полюса эволюции мавританской Испании. Продукты этого своеобразного синтеза проникали в христианскую Европу, взаимодействуя со схоластической философией, романским искусством, медициной школы Монпелье, лирикой трубадуров и мистической поэзией Данте.

Как это стало возможным? Прежде всего два мира не были изолированы друг от друга. Да, христианские и мусульманские сообщества вели войны, но между ними были также и дипломатические отношения, соглашения, культурный обмен. Гарантировалось соблюдение определенных прав побежденных. И то, и другое общество строились в виде пирамиды. У мусульман эта пирамида выглядела так: арабские вожди, солдаты, берберы, обратившиеся в ислам христиане и, наконец, местные жители, оставшиеся верными христианству

(их называли «мосарабами»^{*}). У христиан существовала похожая иерархия: духовенство, знать, простолюдины-христиане, мосарабы, оказавшиеся на христианской территории, новообращенные христиане и, наконец, «мудехары»^{**}, верные своим правилам и законам. Сюда следует добавить и евреев, которых долгое время щадили. Нельзя забывать и о рабах. Культурный обмен между мусульманами и христианами продолжался. Существовали христиане-«альгарабиды», знавшие арабский язык, и мусульмане-«ладиносы», знавшие латынь. Под покровительством Альфонса X Мудрого (1221–1284) работали христианские, еврейские и арабские ученые.

Итак, в Средние века испанский ислам был оригинальным и жизнеспособным, а богатство и мощь мусульманской мысли, без сомнения, подготовили

^{*}Мосарабы (от араб. муста'риб – арабизировавшийся) – христиане Пиренейского полуострова, жившие на захваченной арабами территории и воспринявшие арабский язык и культуру. При Омейядах они имели особый суд, законы, свои церкви, монастыри. Многие мосарабы находились на службе у мусульманских правителей. При Альморавидах и Альмохадах положение мосарабов резко ухудшилось: их вынуждали принимать ислам, отказывавшихся казнили, изгоняли из страны.

^{*}Мудехары (исп. mudéjar, от араб. мудаджан – прирученный, домашний) – мусульманское население, которое оставалось на территории Пиренейского полуострова, отвоёванной испанскими государствами в ходе Реконкисты. Первоначально мудехарам было разрешено сохранять свои земли, законы и обычаи, исповедовать ислам. В ряде мест, однако, в нарушение договоров мудехары подвергались преследованиям (в частности, им предписывалась особая одежда, выделявшая их из остального населения). С падением в 1492 г. эмирата Гранады их насильственно стали обращать в христианство. С этого времени они известны как мориски.

будущие успехи Испании не в меньшей степени, нежели христианская Реконкиста.

II. Испания в эпоху Реконкисты

1. Ход Реконкисты. В первой половине VIII века после символической победы при Ковадонге (722) в горах Астурии, Кантабрии и Галисии было основано прочное христианское государство. Мавры расположились в небольшом количестве к северу от линии Коимбра – Толедо – Гвадалахара. Плоскогорья Леона и Бургоса были опустошены, и на них совершались частые набеги. Но с середины VIII до середины IX века внутренние раздоры принуждали астурийских королей к обороне.

Между 785 по 811 годами эта оборона содействовала движению Реконкисты, позволяя действовать франкам на востоке. Их действия были особенно эффективными на территории современной Северной Каталонии, где было основано франкское «движение», во главе которого встали графы Барселонские. В Пиренеях (об этом свидетельствует битва при Ронсевале*) группы басков и наваррцев вели борьбу независимо друг от друга.

После 840 года Астурийское королевство вновь улучшает свое положение. Его границы достигают

*Ронсеваль (*исп.* Roncesvalles, *франц.* Roncevaux) – населенный пункт и ущелье в Западных Пиренеях в провинции Наварра (Испания). 15 августа 778 г. здесь был уничтожен басками – союзниками арабов – арьергард франкских войск Карла Великого, отступавших во Францию после неудачной осады Сарагосы. В бою был убит военачальник Роланд, ставший героем французского эпоса «Песнь о Роланде».

Дуэро*, и столицей становится город Леон. В то же время усилиями графа Фернана Гонсалеса Бургос становится столицей основанного им королевства Кастилии (932–970). Наваррское королевство в Пиренеях достигает города Туделы на верхнем течении Эбро. Однако около 1000 года Альмансор останавливает успехи Реконкисты.

Падение Кордовского халифата, наконец, позволило Кастилии одержать триумфальную победу: христиане вышли за пределы центральной Сьерры и взяли Толедо (1080). Но затем нагрянули Альморавиды. Только Сиду** удалось оказать им сопротивление и захватить территорию вокруг Валенсии (1095). Однако после его смерти Валенсия была потеряна, и Кастилия вернулась к своим прежним границам.

XII век был ознаменован победами Арагона. Столицей этого маленького королевства в Пиренеях при Альфонсе I Воителе становится Сараго-

*Дуэро, португ. Дору (Duero, Douro) – река на Пиренейском полуострове. Длина 925 км (по другим источникам – 938 км), площадь бассейна около 95 тыс. км². Истоки в Иберийских горах, в Испании, в верхнем и среднем течении в глубокой долине пересекает Старо-Кастильское плоскогорье.

**Сид Кампеадор (*исп.* Cid Campeador, от *араб.* сиди – мой господин и *исп.* Campeador – воитель); настоящее имя – Родриго Диас де Бивар (между 1026 и 1043–1099). Это кастильский рыцарь, прославившийся своими подвигами в ходе Реконкисты. Он одержал победу над Альморавидами в битве за Валенсию, которой овладел 15 июня 1094 г.; правил ею до своей смерти как самостоятельный государь. Сид идеализирован в народном эпосе (см. «Песнь о моем Сиде»). Образ Сиды нашел отражение не только в литературных памятниках Испании, но и за ее пределами (произведения П. Корнеля во Франции, И. Г. Гердера в Германии).

са (1118). Альфонс овладел городами Калатаюд и Дарока, принадлежавшими маврам и расположенными на юге от Эбро. Династический брак, связавший Альфонса с родом графов Барселонских, способствовал объединению их владений (граница домена графов Барселонских доходила к тому времени до города Тортосы в устье Эбро). В 1170 году был основан город Теруэль. Однако впоследствии интересы арагонских властителей обратились к французскому югу.

Угроза, исходившая от Альмохадов в начале XIII века, привела к образованию христианского союза в 1212 году. Победа при Лас-Навас-де-Толоса, одержанная благодаря совместным действиям христиан, определила дальнейший ход Реконкисты. Португалия, королевство, расположенное на западе, смогла отвоевать свои южные провинции; святой Фердинанд Кастильский захватил Кордову в 1236 году и Севилью в 1248 году; Иаков I Арагонский, прозванный Завоевателем, между 1229 и 1235 годами захватил Балеарские острова, в 1238 году получил Валенсию, впоследствии — города Джативу и Альсиру, еще позже — область Мурсию. К 1270 году в руках мусульман осталась только Гранада и несколько клочков земли в районе Уэльвы.

С 1270 года до конца XV века движение Реконкисты приостанавливается. Португалия обращает свой взор к океану, Арагон — к Средиземному морю. Кастилия, которую раздирают династические войны, воюет с гранадскими и африканскими маврами, но решающая победа не дается кастильцам. Конец Средневековья уже не считается эпохой Реконкисты: этому времени присущи иные черты.

2. Наследие эпохи Реконкисты. Продолжительность Реконкисты придает этому явлению особую значимость. Быстрое изгнание неверных изменило бы судьбу Испании: она бы не обрела те нравы, обычаи и дух, которые сформировались в ходе многовекового крестового похода, который мы называем Реконкистой. Несомненно, вожди раздробленной Испании в ходе всех этих разрозненных событий *не могли иметь ясного осознания* преследуемых целей. Но под влиянием необходимости Реконкиста в этой бедной стране с растущим населением стала *безостановочной колонизацией и священной войной*. Испанское средневековое общество стояло на двух китах – на необходимости экспансии и на страстной религиозной вере.

Испания, и в особенности Кастилия, с 711 по 1492 год представляла собой общество, постоянно пребывающее в состоянии войны. «Класс, который сражается», естественно, занял первое место. Никогда еще аристократия не была столь могущественной; никогда еще дворянство не было столь многочисленным.

Представители родовитого испанского дворянства имели мало общего с ленным* дворянством французского типа: маленькие королевства, по-

*Лен (нем. Lehn), фео́д (позднелат. feodum, feudum), фьеф (франц. fief), фи (англ. fee) – в странах Западной Европы в Средние века земельное владение или фиксированный доход (в деньгах или в натуре), пожалованные сюзереном своему вассалу в наследственное владение под условием несения последним в пользу первого феодальных служб: прежде всего военной, а также придворной (участие в суде, в управлении сеньюрией и др.) и уплаты предусмотренных обычаем денежных платежей.

стоянно находящиеся в состоянии войны, не могли быть разделены подобным образом. Высшее дворянство в Испании составляли гранды*, спутники короля в битвах с неверными; власть военачальников и количество преданных им людей делали их гордыми и независимыми вождями, способными вести свою личную политику, иногда очень отважную – это касается и войны, и интриг против врагов. Так, граф Фернан Гонсалес стал основателем Кастильского королевства, а Сид – еще более яркая, почти символическая фигура – выступал арбитром в междоусобных распрях мавров и управлял Валенсией как король. Впоследствии, в конце XIII века, когда испанцы добились больших успехов (особенно это касается завоевания Андалусии кастильцами), положение высшей знати несколько изменилось: короли сами стали распределять огромные домены, раздавая целые деревни и значительные денежные средства. Представители высшей знати по-прежнему оставались крупнейшими землевладельцами, а также в силу традиции пользовались огромной властью при дворе.

Роль мелкой знати была не менее важной, хотя и носила иной характер. С начала Реконкисты не-

*Гранды (Grandes) – в средневековой Испании высшее дворянство, духовное и светское (в отличие от основной массы дворян – идальго и кабальерос). С XIII в. занимали высшие государственные должности, пользовались большими привилегиями: были освобождены от налогов, имели право отстаивать свои «вольности» вплоть до объявления войны королю и перехода на службу к другим государям. С расцветом абсолютизма в XVI в. гранды превратились в придворную знать.

большие армии «инфансонов»* и «кабальерос» сопровождали короля или больших вельмож. Эти дворяне были достаточно богатыми, чтобы приобрести экипировку, и владели небольшими землями («идальго» означает «сын имеющего нечто»), хотя и не обладали значительными богатствами. Они имели много общего с младшими сыновьями богатых семей, делавшими военную карьеру или пополнявшими ряды духовенства в соответствии с законом «майората»**. Именно они составляли фландрскую и итальянскую армии, они покоряли Индию. Единственным смыслом их существования была война, что, несомненно, явилось следствием средневековой Реконкисты. Именно представители мелкого дворянства впоследствии, когда начнется упадок средневекового испанского

*Инфансоны (*исп.* infanzones, от *лат.* infans – юный) – представители среднего и мелкого дворянства в Кастилии и Арагоне (X–XV вв.). Инфансоны как сословная группа возникли на раннем этапе Реконкисты и приобрели большое значение в XI–XII вв. Они не подлежали податному обложению, но были обязаны нести службу в королевских войсках. Короли Кастилии и Арагона, стремясь ограничить влияние знати, охотно включали в число инфансонов горожан. На территориях, отвоеванных у арабов, инфансонами часто становились колонисты из северных областей страны. В XIII–XV вв. этот титул постепенно выходит из употребления, и лица рыцарского звания получают наименование идальго.

**Майорат (*позднелат.* majoratus, от *лат.* major – больший, старший) – наследование недвижимости (прежде всего земли) по принципу первородства в семье или роде. В феодалном праве Англии, Франции, Германии и других стран Европы майорат был установлен в XI–XII веках с тем, чтобы избежать дробления земельной собственности. Наследником феода стал признаваться старший сын, остальные дети исключались из числа наследников.

духа, будут ощущать ностальгию и тоску по приключениям, гордость за свое прошлое и нежелание отдаться на волю истории. Они станут Дон-Кихотами или героями плутовских романов. Они станут живым анахронизмом, забавными персонажами романов XIX века. И даже сегодня в людях, причисляемых к «мелкой буржуазии» — в деревенском землевладельце, адвокате из маленького городка, в студенте или военном, которых использовал франкистский режим, — можно узнать черты «идальго». Этот класс, со всеми его надеждами, притязаниями, отношением к жизни и к труду, не сдается.

Подобные замечания можно отнести и к *духовенству*, которое за время Реконкисты стало идеологическим звеном общества. Как и знать, духовенство было представлено, с одной стороны, богатой и могущественной аристократией, а с другой — бедным большинством, которое, однако, было проникнуто сознанием своего авторитета. Испанское духовенство исторически было воинствующим, даже военным: священнослужителей не страшила (скорее, привлекала) идея вооруженной борьбы за веру и за интересы верующих. Духовенство считало, что оно отвечает за духовное (и отчасти материальное) состояние общества.

Нужно уточнить, что доминирующая роль духовенства и знати в эпоху Средних веков отнюдь не означала ущемления других классов ни в социальном, ни в политическом плане. Несомненно, это равновесие было многим обязано *экспансионизму* Реконкисты. Постоянные *военные действия* и *необходимость заселения* отвоеванных территорий придали испанскому обществу эпохи

Реконкисты любопытные черты. С одной стороны, война поддерживала королевский престиж, что замедляло процесс формирования феодализма. С другой стороны, такая ситуация благоприятно сказывалось на положении и правах народа. Необходимость обработки земли и защиты территорий стала причиной возникновения многочисленных «бегетрий»* (группа людей избирала сеньора, который был обязан их защищать в обмен на определенные повинности), а также раздачи «картас-пуэблас» (это были грамоты, дающие право на заселение некоторой территории). Таким образом, даже при вполне сформировавшейся феодальной системе крестьянские и городские общины оставались сильными и относительно свободными. Позже, когда Реконкиста распространилась на новые территории, различные общественные группы, жившие на завоеванных землях (мосарабы, евреи, мудахары), в свою очередь получили «фуэрос»**, оставшиеся по себе дол-

*Бегетрия (исп. *behetría*) – полунная крестьянская община в средневековой Испании. Бегетрии получили распространение в Кастилии и Леоне главным образом в период Реконкисты. Бегетрия имела право избирать (а также и менять) сеньоров, иметь самоуправление и другие вольности. По призыву короля или сеньора члены бегетрии должны были нести военную службу во время войны; обязаны были по отношению к своему сеньору сравнительно небольшими платежами и повинностями. Сеньор же оказывал им военную защиту. С завершением Реконкисты, в связи с общим наступлением феодалов, на права крестьян бегетрии стали приходить в упадок и постепенно исчезать.

**Фуэрос (испанское *fueros*, множественное число от *fuego*, – право, привилегия) – в средневековых государствах Пиренейского полуострова: 1) собрание законов общего характера, относящихся ко всем подданным королевства (пер-

гую память. Следует добавить, что в XII веке возникает новый феномен: в то время как природная экономическая слабость Кастилии тормозила экспансию средних классов, по всему периметру Иберийского полуострова – в Португалии, Каталонии, Валенсии, на Балеарских островах, – напротив, формировалось ядро буржуазии, появлялись торговые республики итальянского типа. Отметим некоторые аспекты этих процессов, в результате которых простолюдины получили возможность активной деятельности и которые продолжают сказываться на жизни Испании до сих пор.

вое фуэрос такого типа – Вестготская правда, получившая в XIII в. название Фуэро Хузго). 2) Хартии феодальных вольностей отдельных провинций, сословий или фамилий. 3) Муниципальные фуэрос (самые многочисленные) – пожалования, как правило, от лица короля, фиксировавшие права, привилегии и обязанности жителей городских и сельских общин. В начальный период Реконкисты муниципальные фуэрос фиксировали лишь местонахождение и границы поселения. В дальнейшем в них определялся статус поселенцев, оформлялось их освобождение от барщины, устанавливались нормы податного обложения, общине предоставлялось право на самоуправление (избрание магистрата, изъятие из сеньориальной юрисдикции, содержание собственной милиции и др.). Фуэрос определяли также права сеньора в данном населенном пункте. Изменить содержание фуэрос сеньор имел право лишь с согласия всех жителей поселения. Почти каждый город и прилегающие к нему деревенские общины, местечки, селения имели свои фуэрос. До XIV в. в государствах Пиренейского полуострова фуэрос всех типов являлись основной формой законодательства. В XIV–XV вв. местные фуэрос действовали наравне с королевскими сводами законов. Они подтверждались королем, к ним добавлялись новые. С усилением королевской власти в процессе централизации государственного управления фуэрос все более теряли силу, а в объединенной Испании совсем ее утратили.

Прежде всего обратим внимание на экономический уклад жизни сельских общин: леса и дороги находились в общем владении, периодически проводились разделы полей и урожая. Существовали пастушеские общины, члены которых обитали в высокогорных долинах или перегоняли скот с одного горного пастбища на другие, и «гидравлические общины» с удивительно прочными обычаями. Испанский «аграрный коллективизм» противостоял современному индивидуализму вплоть до XIX века. И в XX веке это противостояние все еще не нашло окончательного разрешения.

Теперь рассмотрим административные традиции деревень, городов и поселков. Сначала административные вопросы решались на «консехо», то есть на независимом собрании граждан; позже на смену «консехо» пришли ассамблеи, собиравшиеся в более узком составе и имевшие тенденцию к объединению в союзы. Так, существовали «эрмандады» (союзы городов) в Кастилии, союзы кантабрийских и баскских портов, а вокруг Барселоны группировались каталонские поселки, которые в юридических текстах именовались «улицами» столицы. Эта *прочность жизни на местах*, своеобразный «кантонализм» и стремление к объединению всегда были характерны для испанской политики. Наконец, обратимся к знаменитым Кортесам, то есть сословно-представительным собраниям, благодаря которым к воле народа вынуждены были прислушиваться короли и их советники из знати и духовенства. Кортесы, этот типичный институт средневековой Испании, явились первой формой сословно-представительных собраний в Западной Европе. Кортесы зародились в Леоне в

конце XII века, а с середины XIII столетия они уже функционировали во всех королевствах Испании: Кастилии, Арагоне, Валенсии, Каталонии, Наварре. Более регулярные и менее революционные, чем французские Генеральные Штаты, Кортесы следили за соблюдением порядка престолонаследия, принимали клятву короля относительно «фуэрос» страны, решали вопросы о субсидиях и (до или после голосования о субсидиях, в зависимости от региона, что было небезразлично) выражали жалобы населения (*agravios, quejas*). В связи с этим можно говорить о средневековой «демократии» в Испании. Безусловно, существуют некоторые оговорки, но, тем не менее, следует признать, что немногие народы принимали столь же непосредственное участие в управлении своей страной, как испанцы в эпоху Средневековья. Об этом можно говорить с полным основанием. И в том, что касается политической психологии, этот факт был далеко не ничтожным.

В сущности, XIII век был исключительно гармоничным временем в истории Испании. В Кастилии с 1230 по 1252 год правил святой Фердинанд, который был столь же ревностным христианином, как и его кузен, святой Людовик, но зато более реалистичным: он ограничил идею Крестовых походов границами Испании. Кроме того, это был человек широкого кругозора – недаром его называли «королем трех религий». В Арагоне правил решительный каталонец «Хайме» (Иаков) Завоеватель, воин и поэт, жестокий и галантный, не знавший сомнений и колебаний (проще сказать – бессовестный). Однако его окружали святые: Раймонд Пеньяфортский, Петр Ноласко,

Раймонд Луллий (исключительно незаурядный человек). Ислам отступил, повсюду возвышались соборы. Это было время триумфа христианского мира на всех фронтах.

Сделаем оговорку. В национальном плане Испания эпохи Реконкисты была скорее раздроблена, нежели едина. Правители Леона (с IX по XI век) и Кастилии (до середины XII века) не переставали считать себя наследниками вестготских королей и именовали себя «императорами всей Испании». Но эти декларации не соответствовали реальности. С географической точки зрения борьба изначально велась в горах, то есть на изолированных территориях. С исторической точки зрения война против мавров рождала дух независимости: Кастилия отделилась от Леона, Сид чуть было не создал государство Валенсию, Португалия развивалась независимо. На востоке Реконкиста в XIII веке приняла федеративную форму: Валенсия и Майорка, как и объединившиеся на основе личной унии Арагон и Каталония (Барселонское графство), обрели статус королевств. Разделение мавританской Испании на «эмираты» также благоприятствовало дроблению. Астурия, Леон и Кастилия, Галисия и Португалия, Наварра, Собрабье, Арагон, Рибаторса, Каталония в течение долгих веков объединялись или дробились в соответствии с брачными союзами правителей и превратностями престолонаследия.

В итоге каждая область стала гордиться своим статусом и победами в сражениях, а также питать недоверчивое отношение к соседям. Авантюристически настроенные сеньоры и независимая ад-

министрация возбуждали дух сепаратизма. Конечно, на единство веры, дух Крестовых походов, сплоченность христиан в их борьбе против мавров не могли повлиять отдельные инциденты и случайные союзы. Но мы видим здесь, возможно, один из главных источников двойственности, появившейся в испанском обществе. С одной стороны, это тяготение к сепаратизму, к возникновению, так сказать, *внутринациональных* связей, а с другой — стремление к универсализму, к *наднациональным* идеалам. Испанское национальное сознание с трудом определяет себя относительно этих двух крайностей, причем этот феномен имеет место до сих пор.

Итак, в XIII веке территорию Испании по-прежнему разделяют многочисленные границы, несмотря на союз Арагона и Каталонии, заключенный в 1137 году, а также Леона и Кастилии (1230). Даже если пренебречь Наваррой (которая слилась с Францией в связи с заключением династического брака) и еще не отвоеванной Гранадой, следует констатировать, что Иберийский полуостров был разделен на три части: мы имеем в виду Португалию, Кастилию и союз Арагона, Каталонии и Валенсии на востоке. Этот факт представлял тем большую угрозу для будущего единства, что такое деление соответствует трем человеческим темпераментам и трем географическим направлениям: океан, плоскогорья, Средиземное море. Конец эпохи Средневековья оказал сильнейшее влияние на будущее испанской нации, так как именно в это время наметилось трехчастное деление Иберийского полуострова.

III. «Осень Средневековья»: факторы дробления и факторы объединения

1. Факторы дробления в XIV веке. В XIV столетии будущее Реконкисты и национального объединения оказалось под угрозой. Только Кастилия продолжила борьбу с маврами. Но ее политику сковывали династические кризисы и восстания знати. Борьба между наследниками Альфонса X (1275–1295), периоды регентства при Фердинанде IV и Альфонсе XI (1312–1325), трагическая дуэль между Педро Жестоким и его незаконнорожденным братом Энрике, графом Трастамаре (1350–1369), претензии Ланкастеров на кастильский трон – все это подрывало эффективность завоевательной политики Кастилии.

Португалия в это время развивалась совершенно независимо. В 1383 году здесь произошла революция, которая вознесла на престол великого магистра Ависского ордена* Жуана. В 1385 году Жуан I отстоял независимость Португалии, разгромив кастильские войска в битве при Алжубарроте. С этих пор начинается эпоха великих морских экспедиций, организованных представителями португальской династии.

Королевство Арагон, которым правили каталонцы и в состав которого входили также богатые приморские регионы (поэтому это название – Арагонское королевство – не вполне верно), тоже испытало искушение морскими странствиями. Развитие портов, левантийская торговля, которая в

*Ависский орден – португальский духовно-рыцарский орден. Основан в 1147 или 1148 г. (по другой версии, в 1162 г.) для борьбы с маврами. В 1166 г. получил от Альфонса I во владение крепость Авис (Aviz) – отсюда его название. С 1789 г. перестал существовать.

XIII веке буквально расцвела, удивительные удачи при наследовании престола (с 1276 по 1410 год семь талантливых монархов беспрепятственно сменяли друг друга на троне) – благодаря всему этому Арагон вскоре стал могущественной средиземноморской державой. Арагонские короли завоевали Тунис (1280), отправили войска на Сицилию, заявили о своих правах на Сардинию и Корсику, сражались вместе с Венецией против Пизы и Генуи, имели множество факторий* на Левантийском побережье, получили Морею и Афинское герцогство с помощью каталонских наемников, находившихся на службе у византийского императора. Барселона с ее собором и церковью Санта Мария дель Мар, с великолепным залом «Совета ста» (Consell de Cent) и «лоджией» Морского консульства, с дворцом Генералидада, находящимся неподалеку от дворца арагонских королей, хранит память о славном прошлом, которое и сейчас питает гордость регионалистов. Экспансия Арагонского королевства является исходным пунктом испанских интересов в Неаполе и Италии. Не следует забывать о событиях XIV столетия, иначе неясными окажутся многие факты, касающиеся будущего Испании, как то: независимость Португалии, образование Испанской колониальной империи, нежелание каталонцев признать первенство Кастилии.

2. Факторы унификации в XV веке. Период процветания Леванта был, однако, недолгим. Эпидемии чумы и голод (1333–1436), война с Генуей,

*Фактория – торговое поселение европейцев в странах Азии, Африки и Америки.

народное движение против евреев, появление ту-рок и берберских пиратов — все это нанесло ущерб экономике Майорки, а затем и экономике Каталонии.

В 1410 году грянул политический кризис. Каталонская династия пресеклась со смертью Мартина I Гуманного, и в 1412 году в результате «соглашения в Каспе» королем Арагона был избран Фердинанд Антекерский, член Кастильского королевского дома. С этих пор плодотворное сотрудничество королей и барселонской торговой буржуазии было подорвано. Альфонс V будет править в Неаполе, предоставив каталонцев самим себе. Хуан II, который захочет восстановить здесь авторитет королевской власти, наткнется на сопротивление. В течение десяти лет каталонцы будут безуспешно пытаться сменить короля. Хуан II, наконец, утвердит свою власть (1472) и, будучи великим политиком, подготовит брак своего сына Фердинанда с наследницей кастильского королевского рода, что обеспечит единство Испании. Но Каталония превратится в провинцию и с трудом смирится с этим положением.

Кастилия, напротив, в XV веке готовится взять на себя ведущую роль. Конечно, если судить по внешним признакам, нужно признать, что она все еще страдала от беспорядков. Король Хуан II Кастильский (1406–1454) был человеком утонченным и слабым. Его сын Энрике IV (1454–1474) был не вполне нормален, и при его дворе царили странные нравы. Но двор и королевство — это не одно и то же. Королевство окрепло в период этих двух долгих правлений. Южные территории, захваченные в ходе Реконкисты, вносили серьезный

вклад в экономику; кроме того, и на севере, и на юге королевства теперь простиралось океанское побережье (кантабрийское и андалусское). Эпидемии чумы, свирепствовавшие в XIV веке, тормозили происходившие изменения. Но сокращение численности населения благоприятствовало экспорту товара, производившегося на плоскогорьях и находившего сбыт на международном уровне. Речь идет о шерсти «мериноса»*. Экспорт этого товара способствовал укреплению внутреннего рынка (так, например, Бургос стал крупным экономическим центром) и развитию портов, например, Бильбао. «Места»** пользовалась поддерж-

*Мериносы (*исп. merinos*) – породы овец с однородной тонкой шерстью. Родиной тонкорунных овец считают Переднюю Азию, где они разводились с III–II вв. до н. э. Впоследствии они появились в средиземноморских странах, а с середины XVIII в. быстро распространились в страны Западной Европы, Северной Америки, Австралии.

**Места (*mesta*) – организация крупных овцеводов (преимущественно феодалов) в Испании в XIII–XIX вв. Возникла в 1273 г. в Кастилии, пользовалась королевскими привилегиями. Огромные стада овец, принадлежавшие членам Месты, осенью перегонялись с севера страны на южные пастбища, а весной обратно по специальным дорогам, проложенным через возделанные поля, луга, виноградники. Места добилась права на порубку лесов по пути следования стад, на использование пастбищ городских и сельских общин; крестьянам же было запрещено возводить изгороди для защиты полей. В конце XV–XVI вв. в связи с увеличением экспорта шерсти королевскими указами пастбища Месты были расширены за счет пахотных земель; за ее членами были навечно закреплены арендованные ими земли. Деятельность Месты явилась одной из причин общего упадка сельского хозяйства Испании в XVI в. Во второй половине XVIII в. привилегии Месты были ограничены, а затем отменены, но сама Места существовала до 1836 г.

кой королей. Численность населения росла. Роль средних классов становилась более значительной. Члены городского ополчения, духовенство, мелкая знать были решительно настроены против мятежной высшей знати, ее легкомысленных нравов и тех беспорядков, что творились при дворе. На их стороне выступал министр Хуана II, Альваро де Луна (1445–1453)*, но попытки одержать верх над аристократией были явно преждевременными. Мавританское и иудейское влияние, достаточно сильное при дворе, способствовало тому успеху, которым пользовались в народе проповеди о единстве веры и гордости христианством. Женщина воспользовалась этими тенденциями: речь идет об Изабелле, сестре короля Энрике IV, претендовавшей на престол после смерти брата. Общественное мнение предпочло ее Хуане, дочери Энрике: ходили слухи о том, что Хуана является внебрачным ребенком.

Изабелла была олицетворением монархического порядка, ломающего сопротивление феодальной знати, морали, уничтожающей дурные нравы, и Реконкисты, направленной против евреев и мавров. В 1474 году, после смерти Энрике IV,

*Луна (Luna) Альваро де (1388–1453) – граф, коннетабль (верховный главнокомандующий) Кастилии (с 1423 г.). Фаворит кастильского короля Хуана II. Будучи фактическим правителем Кастилии, Луна вел борьбу с крупными феодалами за укрепление королевской власти. Стремился усилить центральный аппарат государства, повысить значение королевских чиновников, подчинить церковь королевской власти. В 1445 г. одержал победу над восставшей знатью в битве при Ольмедо. Под нажимом знати Луна несколько раз отстранялся от власти, в 1453 г. был обвинен в колдовстве и казнен.

она приобрела еще больший вес в испанском обществе: к тому времени она уже пять лет была замужем за наследником арагонского престола. Изабелла объявила о единстве Испании. В это же время король Португалии просил руки Хуаны, другой наследницы. Это был решающий момент. Какой будет история Иберийского полуострова? Каковы будут географические ориентиры нового исторического периода: Восток или Запад? Атлантический океан или Средиземное море? На исходе десятилетия напряженной борьбы (1469–1479) выбор был сделан. Единство современной Испании стало возможным благодаря интересам Арагона на Средиземном море, которые и предопределили исторический выбор. Португалия же, благодаря великой колониальной авантюре, которая начинается как раз в этот период, станет отдельной империей.

Триумф Кастилии был очевидным. Ослабление Каталонии, упадок средиземноморской торговли, кастильские корни Фердинанда и политический гений Изабеллы не позволили Леванту сыграть ту роль в процессе испанского объединения, которую могла бы сыграть динамично развивающаяся Португалия в случае победы сторонников Хуаны. Отныне испанский дух будет определять Месета, ее пастухи и воины, причем наследие Реконкисты станет органической составляющей национального характера. В образе жизни и направлении мысли испанцев в эпоху «Нового времени» (в частности, это касается колониальной политики Испании) все еще господствует наследие долгой средневековой борьбы, *территориальная и религиозная экспансионистская мо-*

дель, а не торговые или экономические амбиции.
Этот дух – дух кастильских средневековых воинов, который практически несовместим с капитализмом, – определяет оригинальность Испании, ее величие и в то же время ее слабости.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИСПАНСКОЙ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: НОВОЕ ВРЕМЯ

1479–1598. Три правления, период немногим больше века. Этого времени было достаточно для того, чтобы Испания одержала такой блестящий успех, который едва ли раньше знала история. События развивались так стремительно, что этот успех не мог быть прочным; вслед за взлетом в стране наступил глубокий упадок. Но и в эпоху упадка эта нация ощущала гордость (которая еще и сейчас чувствуется в испанской политике) тем, что Испания – это не только могущественная держава, но и первая (и по хронологии, и по значению) колониальная империя Европы.

I. Политическое устройство

1. Апогей единения и его непрочность. Брак и доброе согласие между Католическими Величествами обеспечили союз Арагона и Кастилии. В 1492 году испанцы захватили Гранаду. В 1515 году, то есть всего за год до своей смерти, Фердинанд нанес решительный удар по Наварре. За границей теперь говорили о нем не иначе как о «короле Испании». Их Величества не забывали и о Западе. Не по их вине два брака их

старшей дочери Изабеллы с португальскими королями* дали единственного наследника, который умер в младенчестве. Но благодаря тому, что Карл V женился на португальской инфанте, его сын Филипп II сможет объединить под сенью своего скипетра весь Иберийский полуостров и две самые большие империи в мире. *Итак, 1580 год можно считать кульминационным в истории Иберийского полуострова.*

Но не следует питать иллюзии: этот союз был весьма хрупким. С 1479 по 1580 год Португалия вела завоевательную политику и обладала большим влиянием. Но в результате объединения с Кастилией Португалия лишалась всех завоеванных территорий. Вот почему она взбунтовалась в 1640 году. Может быть, собственно испанское единение было прочнее?

На самом деле двадцать пять лет правления Католических Величеств не могли перечеркнуть прошлое с его сепаратистскими настроениями. Несмотря на заключение брачного союза Изабеллы и Фердинанда, Кастилия дорожила своими правами: «*Tanto monta, monta tanto Isabel como Fernando*»**; она намеревалась приберечь для себя все выгоды, открывающиеся в результате совершенных географических открытий: «*A Castilla y a León, Nuevo mundo dió Colón*»***. После смерти королевы кастильская знать изгнала Фердинанда, который впоследствии вновь захватил власть, став регентом при своей сумасшедшей дочери. Арагон сохранил прежнюю ад-

*Имеются в виду короли Афонсу Ависский (1475–1491) и Мануэл I Великий Ависский (1469–1521).

**Непереводимая игра слов. Приблизительно означает равноправие венценосных супругов и их единство.

***«Государствам Кастилия и Леон даровал Новый мир колон».

министрацию, оставшись своего рода федерацией государств, в составе которой Каталония, Балеарские острова, Валенсия имели свои «фуэрос», свои Кортесы, таможи, денежные единицы, налоговые органы, системы мер и весов. Даже при Карле I Испанском (императоре Карле V), когда Испанией правил единственный суверен, в прежних столицах существовали «вице-короли». Бывшие королевства никогда охотно не принимали «иностранных» чиновников и солдат, то есть *выходцев из Кастилии*. Этот дух был совместим с сохранением единства Испании при соблюдении двух условий: во-первых, центральная власть должна была быть не слишком требовательной, а во-вторых, она должна была стоять выше всякой критики. Так было при Карле V и частично при Филиппе II. Но они не воспользовались этим ни для того, чтобы разрушить старые установления, ни для того, чтобы обеспечить себе контроль и укрепить королевскую власть. Испания не имела ни своего Ришелье, ни своего Людовика XIV. После первых разочарований в Филиппе II Арагон и ему решительно напомнил о своих прерогативах. Первая серьезная попытка централизации была предпринята Оливаресом*

*Оливарес (Olivarez) Гаспар де Гусман (1587–1645) – граф, испанский государственный деятель. Фаворит Филиппа IV. Герцог (с 1621 г.). Первый министр в 1621–1643 гг., сосредоточил в своих руках всю власть. В условиях экономического и политического упадка страны пытался укрепить административный аппарат, подавлял сепаратистские тенденции провинций. По его инициативе Испания возобновила в 1621 г. войну с Республикой Соединённых провинций, участвовала в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. Усиление экономического и политического гнёта в правление Оливареса привело к восстанию в Каталонии (1640–1652), Португалии (завершилось её отделением в 1640 г. от Испании). В 1643 г. получил отставку.

в XVII веке, когда экономические и военные ресурсы центральной Испании были уже на исходе. Для решительных мер было уже слишком поздно. Португалия взбунтовалась. Каталония отошла к Франции.

Таким образом, эти два события 1640 года выявили одну из существенных проблем испанского государства. *Органическое* единство провинций так и не было достигнуто к тому моменту, когда общий упадок посеял зерна раздора. Периодически всплывали воспоминания о славе и независимости испанских государств в эпоху Средневековья.

2. Актив и пассив религиозной унификации. Несмотря на сложившуюся ситуацию, Католические Величества в основном уделяли внимание другой проблеме: они опасались смешения религий, нравов и рас. Это смешение, обусловившее динамичность и гибкость Испании XIII века, теперь уступило место религиозной однобокости и установке на однородность, отныне ставшие характерными для испанцев. Как и почему это произошло? Это длинная история, которая началась отнюдь не с Католических Величеств (этот процесс вообще слишком часто упрощают).

К тому времени, когда они вступили на трон, влияние евреев в высших сферах и то более скромное место, которое занимали в обществе мавры — крестьяне и ремесленники, обслуживавшие знать, уже около полутора веков вызывало зависть христиан из народа. Испытываемая ими национальная гордость, ощущение «*limpieza de sangre*»* уравнивали тот факт, что чужаки, побежденные в ходе Реконкисты, находились теперь в материально бо-

*Чистота крови (*исп.*).

лее благоприятном положении. Церковь боялась за чистоту веры, так как мир наводняли ереси, а Испания была глубоко проникнута мавританским и иудейским духом. Высшее духовенство полагалось на ученые диспуты, но монахи, более близкие к народу, предпочитали политику массового принудительного обращения в христианство. Так, насильственные действия 1348 года, пришедшие на смену чуме, погромы 1391 года, захлестнувшие Левант. и проповеди Викентия Феррера* сопровождали кампанию по христианизации и народные движения. Но меры, предпринятые королями для поддержания порядка и защиты иудеев и мавров, только усилили закрытость и отчужденность различных групп населения. «Новые христиане» казались испанцам подозрительными; они действительно не покорились до конца.

Правление Фердинанда и Изабеллы, таким образом, не явилось началом процесса религиозной унификации, однако это было время кризиса и выбора. В 1478 году был учрежден инквизиционный трибунал, чьи действия были направлены прежде всего против обращенных в христианство евреев, которые оставались подозрительными. В 1492 году происходит массовое изгнание евреев. В 1499 году в

*Св. Викентий (Висенте) Феррер (1350–1419) вступил в орден доминиканцев в 17 лет. Прославился как проповедник; он переходил из города в город, и толпа кающихся следовала за ним. Он проповедовал в Генуе, Фландрии, Савойе, и всюду его сопровождала слава чудотворца. Впрочем, один из биографов Висенте считал, что его «величайшим чудом» была проповедь против тщеславия, в результате которой знатные дамы Лигурии перестали носить пышные прически.

Гранаде Циснерос* разворачивает ожесточенную кампанию по христианизации. Происходит восстание мавров. Фердинанд встает во главе репрессий: В 1502 году все мавры и иудеи, не обратившиеся в христианство, были изгнаны из Кастилии.

Однако проблема не была исчерпана; с ней столкнулся и Карл V. Религиозные противоречия были одним из важных элементов народного восстания «херманий» (братств) в Валенсии и на Баlearских островах. В 1525–1526 годах Карл V попытался искоренить нравы и язык неверных по всей Испании. Тщетно. «Мориски» не ассимилировались. Их обычаи, мировоззрение, стремления, установления (они делали коллективные денежные подношения королям) сплотили их в той же мере, что и религия. Испанцы опасались их связей с берберскими пиратами и Францией. Мориски были «национальным меньшинством», и с ними боролись различным оружием: речь идет о пропаганде, разделении детей и родителей, полицейских мерах, конфискации имущества и т.д. Инквизиция не добавила к этому ничего нового. Однако при Филиппе II разгорелась ужасная война на юге Андалусии. Финал ее известен: при Филиппе III вос-

*Циснерос Франсиско Хименес (1436–1517) – испанский государственный деятель, монах-францисканец, духовник Изабеллы Кастильской, архиепископ Толедский и великий канцлер Кастилии, один из яростных преследователей еретиков. В 1507 г. папой Юлием II возведен в сан кардинала. В 1509 г. снарядил экспедицию в Африку для обращения мавров в христианство. Принимал личное участие в завоевании Орана. После смерти Фердинанда в 1516 г. назначен регентом несовершеннолетнего короля Карла, но вскоре был отстранен от управления государством. В 1509 г. учредил университет.

торжествовала идея массового изгнания. С 1609 по 1611 год из Испании были изгнаны многие тысячи морисков. Все это обернулось большими материальными потерями для страны. Но на этот раз прочное единство было установлено.

Однако с религиозными противоречиями все еще не было покончено: в умах испанцев переплелось множество философских и мистических течений, искажающих католическую веру. Мистическое учение «иллюминатов», эразмизм (движение сторонников Эразма Роттердамского), смелые мысли испанских реформаторов, например Вальдеса* или Сервета**, доказывают, что и на Иберийском полуострове были попытки осуществить религиозную революцию. Но последовала жестокая реакция. Народ и низшее духовенство расправлялись с инакомыслящими не менее сурово,

*Вальдес (Waldéz) Хуан (1500–1544) – испанский богослов, перенес в Испанию сочинения Меланхтона и других реформаторов, придерживался учений, осужденных католической церковью. Оставил несколько богословских сочинений.

**Сервет (Servét) Мигель (1509 или 1511–1553) – испанский мыслитель, врач, учёный. С позиций пантеизма выступил с резкой критикой догмата христианства о «троичности» Бога. Отрицал также учения о предопределении, о «спасении верой», обличал папство. Вступил в острую полемику по богословским вопросам с Ж. Кальвином. Подвергался преследованиям как со стороны католиков, так и со стороны кальвинистов. Свои философские и естественнонаучные взгляды изложил в анонимно изданном в 1553 г. труде «Восстановление христианства». В 1553 г. по доносу Кальвина был арестован инквизицией в г. Вьенн (Дофине). Ему удалось бежать, но по пути в Италию он был схвачен в Женеве и обвинён кальвинистами в ереси; после отказа отречься от своих взглядов Сервет был сожжён.

чем с евреями и маврами. При Филиппе II утвердилась мысль о том, что *канонический католицизм тождествен величию и силе испанской державы*. Таким образом, церковь получила совершенный инструмент борьбы: короли поддерживали инквизицию, и к 1535 году были уничтожены приверженцы эразмизма. Позже, при Филиппе II, окончательно была прекращена деятельность протестантов. К концу XVI века восторжествовал унитаризм: были уничтожены как многообразные религиозные течения Нового времени, так и те, что были унаследованы от эпохи Средних веков.

Каков же итог? Даже сегодня имеют место живые, подчас мучительные споры на эту тему. В религиозном унитаризме испанцы привыкли видеть залог своего величия; остальные считают его причиной упадка Испании. Но не стоит забывать важную вещь. Дело в том, что на рубеже XV–XVI веков народное чувство, церковная мысль и государственная воля были слиты воедино и направлены на обретение религиозного единства, которое, без сомнений, было исторической необходимостью. Вера Изабеллы не исключала благоразумия. И жестокость Фердинанда проистекала отнюдь не из фанатизма. Циснерос, безжалостный к неверным, был в то же время одним из великих участников Препреформации: он провел монастырскую реформу, учредил Университет Алькала и осуществил издание Библии, включавшей, помимо оригинального текста на древнееврейском, греческий и латинский переводы (Септуагинту и Вульгату). Правление Католических Величеств подготовило великий век: Испания приняла Карла V, так как почва была подготовлена заранее. Испанцы завосвывали мир, про-

поведовали Евангелие и стояли у руля Контрреформации как и в материальном, так и в духовном плане — и все эти великие часы Испания пережила благодаря духовному единству, возникшему в конце XV века.

Но психологический механизм, приведенный в действие стремлением к объединению, имел и иные результаты. Мир вокруг менялся, а Испания не могла приспособиться к переменам. Отчасти это связано с религиозным унитаризмом. Он отрицательно отразился как на финансовой деятельности евреев, так и на сельском хозяйстве, которым занимались мавры Леванта и Андалусии. Триумф христианства означал презрение к алчности и даже к производительной деятельности как таковой, а также способствовал возникновению кастового духа. В середине XVI века цехи и корпорации стали требовать, чтобы их члены доказали свою «*limpieza de sangre*»; тем самым отодвигалось наступление эры капитализма. С другой стороны, позиция церкви не благоприятствовала производству и циркуляции богатств. Увеличение числа клириков и благотворительных учреждений обременяло экономику существованием классов, не занятых в производстве; конфискации имущества, проводимые инквизицией, дары общинам бесконечно увеличивали количество собственности, не подлежащей отчуждению. Государственные финансы будут, наконец, разрушены тщетной погоней за гегемонией в области духа. Испания, которая могла занять первое место в мировой экономике Нового времени благодаря открытию Америки, упустила свой шанс, что во многом объясняется религиозной психологией, унаследованной от Средневековья периода заката и прояв-

лявшейся в экономической и расовой политике Испании. Нельзя забывать о пассивном балансе духовного объединения, подготовившего период упадка и обусловившего те проблемы, которые по сей день ждут своего разрешения.

3. Государственное устройство Испании Нового времени. Католические Величества сломали сопротивление мятежных грандов и попытались «приручить» их, направили авантюрный дух мелкого дворянства на военные подвиги, получили власть над духовно-рыцарскими орденами, превратили «эрмандады» (городскую полицию) в полицию государственную. Они назначали «коррехидоров» осуществлять надзор за местной администрацией, исключительно редко созывали Кортесы (они не собирались ни разу с 1480 по 1497 год) и превратили «прокурадоров» (депутатов) в чиновников. Взамен они основали «советы» (Кастилии, Арагона, финансов, Индии), тем самым положив начало бюрократии. Занявшись судебной системой, Фердинанд и Изабелла учредили центральную «канцелярию» и «судебные округа». Проведенная ими денежная реформа, привилегии, которые они дали «Месте», вмешательство в войну за освобождение каталонских сервов* – все это говорит об их озабоченности социально-экономической сферой. В любом случае, они серьезно повлияли на будущее страны.

*Сервы (от *лат.* *servi* – рабы) – категория непосредственных производителей в средневековой Западной Европе: В указанный период сервы были феодально-зависимыми крестьянами, наиболее ограниченными в своих гражданских и хозяйственных правах.

Карл V, столкнувшийся с пережитками Средневековья, подавил восстание «комунерос»*, разбив их армию в битве при Вильяларе (1521). Абсолютизм был окончательно установлен. Официальное введение звания гранда и иных титулов закрепили иерархию знати. В Кортесах теперь заседали только «прокурадоры» городов. Наконец, международный престиж Карла и его искреннее стремление быть испанцем во всем обеспечили авторитет королевской власти не в меньшей мере, чем перечисленные меры.

Филипп II довел абсолютную власть до предела. Он перенес административный центр империи в Мадрид, а затем в монастырь-дворец Эскориал. В некоторых владениях Испании власть Филиппа казалась невыносимой. Он непомерно раздул бюрократический аппарат и создал настолько запутанную

*Комунерос (*исп.* comuneros, от *comuna* – община) – восстание средневековых самоуправляющихся городов Кастилии в 1520–1522 гг. против королевского абсолютизма, в защиту городских вольностей. Восставшие города (Толедо, Сеговия, Мурсия, Авила, Бургос, Мадрид и др.) объединились в июле 1520 г. в «Святую хунту» (с центром в г. Авила); к ней присоединилась значительная часть дворянства, а также часть среднего и низшего духовенства. Восставшие настаивали на том, чтобы король (ставший императором Священной Римской империи) жил в Испании; требовали отстранения иностранцев от управления, регулярного созыва Кортесов, расширения городского самоуправления, запрета вывоза золотой монеты за границу и др. Широкий размах движения, принявшего с 1521 г. антидворянский характер, побудил дворянство перейти на сторону короля. В битве при Вильяларе (23 апреля 1521 г.) силы комунерос, возглавлявшиеся Хуаном Падильей, были разгромлены, сам он и другие вожди Хунты взяты в плен и казнены. В 1522 г. сопротивление восставших было окончательно сломлено. Правительственные репрессии продолжались до 1526 г.

систему управления, что она была не в состоянии работать эффективно. Секретариаты, советы, муниципалитеты, канцелярии, судебные заседания дорого обходились государству и были разорительными для подданных. Кастилия, которая была менее защищена, нежели прежде автономные государства, была раздавлена налогами и задушена бюрократией и коррупцией. При преемниках Филиппа II слишком быстро построенная государственная система Испании превратилась лишь в красивый фасад, скрывавший ветхость всего строения.

4. Внешняя гегемония. Уже достаточно поздно, в 1643 году в битве при Рокруа сдается «грозная пехота испанской армии», сформированная во времена Католических Величеств, когда «Великий Капитан» Гонсалво де Кордова осознал возможности использования воинственных «идальго» в боевых действиях.

Происхождение испанской экспансии хорошо известно. Матримониальная политика Католических Величеств и серия случайностей привели к тому, что единственный наследник Карл Гентский должен был отвечать и за Арагон с его итальянскими и средиземноморскими интересами, и за Кастилию и ее первые колониальные завоевания, и за Бургундско-Фландрский дом, и за Австрию, и, наконец, за Священную Римскую империю. Эта история настолько хорошо известна, что я позволю себе опустить ее. Я упоминаю о ней только для того, чтобы показать, как она отразилась на будущем Испании: с одной стороны, она связала ее политику с идеей империи, с другой – рассеяла силы Испании и разорила ее.

Вполне естественно, что Карл V, видя размеры своих владений, постоянно возвращался к идее империи, о которой грезил Гибеллины. И логично, что, воплощая свои идеи, он действовал в духе испанской традиции: принял на себя роль крестоносца, защитника и объединителя христианского мира, вел войны, которые должны были распространить на земле католичество, и руководствовался юридическо-теологическими тезисами университетов.

Но достаточно сравнить юного блестящего триумфатора при Павии с беспокойным и усталым победителем в битве при Мюльберге, а также с затворником монастыря св. Юста для того, чтобы осознать, что Карл исчерпал свои силы в погоне за воплощением мечты о всемирной империи. Испанский народ испытывал ту же усталость. Несколько десятков тысяч хороших солдат было мало для того, чтобы захватить и удержать под властью императора весь мир. Нужно было платить наемникам, оплачивать путешествия императора, содержать дворы вице-королей, поддерживать престиж верховного суверена XVI века. Что же могло после этого случиться со скромным бюджетом «*al modo de Castilla*», который постоянно обсуждался на Кортесах? Приходилось делать займы под гарантию индийских доходов. В 1539 году долг Испании банкирским домам Фуггеров, Вельзеров, Шатца, Спинола составил 1 миллион дукатов, в 1551 году – 6 800 000 дукатов. В 1550 году оказалось, что доходы, получаемые от американских колоний, не могут быть использованы в течение многих лет. Налоги становятся огромными. В аренду отдаются колонии, а на территории самой

Испании – горы Маэстрасто и рудники Альмадена. В 1556 году Карл V отрекается от престола и делит империю между сыном и братом, тем самым признавая свое политическое и экономическое поражение. В день великой победы при Сен-Кантене (август 1557), которая открывает царствование Филиппа II, в переписке нового монарха постоянно присутствует мысль о том, как он сможет выплатить жалованье солдатам. Король Испании, который, как считалось, купался в золоте, на самом деле был парализован этой нищетой. В 1557 году он объявил о банкротстве казны. Идея всемирной империи уже не отвечала духу времени. Наступала эра национальной политики.

Но Филипп II не хотел этого признать. Войну с Францией он считает борьбой с протестантизмом. Он защищает Средиземноморье от турок и одерживает знаменитую победу при Лепанто. Но в это славное десятилетие (1571–1580), которое открывается победой при Лепанто и завершается установлением единства Иберийского полуострова, две опасности уже угрожают владениям Филиппа. Одна опасность внутренняя – восстание в Нидерландах, другая внешняя – зарождение английских амбиций. Несмотря на суровость принятых мер, восстание гезов* не было подавлено; в 1597 году

*Гезы (*голл.* *geuzen*, от *франц.* *gueux* – нищие) – в период Нидерландской революции XVI века: 1) прозвище членов Союза дворян, образованного оппозиционной знатью в 1565 г. с целью защиты «законными средствами» вольностей страны от посягательств испанского абсолютизма; 2) прозвище народных партизан, которые на суше (лесные гезы) и на море (морские гезы) вели борьбу против испанцев и их пособников в Нидерландах. Взятие морскими гезами 1 апреля 1572 г. Бриля послужило сигналом к всеобщему восстанию в Северных Нидерландах.

разделение Нидерландов* фактически завершилось. Был нанесен страшный моральный удар — победа Реформации. В материальном плане потеря северных Нидерландов также была серьезным ударом, так как общность экономических интересов Кастилии и Фландрии была разрушена, Амстердам стал городом-пакгаузом вместо Лиссабона и Севильи, а португальские колонии перешли к Нидерландам. Со стороны Англии опасность казалась более далекой, но с вступлением на трон Елизаветы соперничество разгорелось в полной мере. Оно длилось веками, и Испания была вынуждена постепенно сдавать свои позиции. Создание «Непобедимой армады»** свидетельствовало о желании Испании покончить с противником одним ударом. Разгром армады в 1588 году обеспечил северным нациям первенство на море и означал триумф протестантизма и капитализма. Иберийскому полуострову отныне не суждено было иметь власть над миром.

*Северные Нидерланды обрели независимость, а Южные Нидерланды остались под властью Испании.

**«Непобедимая армада» (исп. «La Armada invencible») — крупный военный флот, созданный Испанией в 1586–1588 гг. для завоевания Англии во время англо-испанской войны 1587–1604 гг. В Ла-Манше английский флот под командованием Ч. Хоуарда и Ф. Дрейка неоднократно атаковал «Непобедимую армаду» и нанёс ей значительные потери (около 20 кораблей). Испанский флот, не достигнув своей цели, был вынужден двинуться вокруг Британских островов обратно в Испанию. На пути около Оркнейских островов и берегов Ирландии свыше 40 кораблей погибли от шторма, и в сентябре 1588 г. в Сантандер вернулись лишь 65 кораблей с 9–10 тыс. чел. Гибель «Непобедимой армады» подорвала морское могущество Испании.

II. Колониальный и экономический прорыв

В то же время колониальная политика Испании оставалась важнейшим фактом эпохи Нового времени. Никто не мог отказать ей в величии, и это сильно сказалось на самосознании испанской нации.

Отнюдь не поверхностный романтизм был причиной того ореола, которым окружены имена первооткрывателей (Колумба, братьев Пинсон, Хуана Ла Косы, Охеды, Бальбоа, Орельяны, Мендосы, Магеллана, Элькано) и конкистадоров* (Кортеса, Писарро, Альмагро, Вальдивия, Монтеро). Их страсть к морским странствиям, неожиданностям, золоту, их стремление проповедовать Евангелие составили «самую необычную эпопею в человеческой истории». В путешествия их гнала не только страсть к наживе или простой авантюризм, но и вера. Открытия и завоевания сформировали дух XVI столетия – научный дух: в «*Relaciones de Indias*»** первооткрыватели проявили дар замечательных наблюдателей. Это был также имперский дух: несмотря на раздоры и личные амбиции, завоеватели заверяли свои территориальные приобретения у нотариуса, признавали верховную власть испанского короля над завоеванными землями и отдавали ему «quin-

*Конкистадоры (от *исп.* conquistador – завоеватель) – участники испанских завоевательных походов в Южную и Центральную Америку в конце XV–XVI вв. Походы конкистадоров сопровождались истреблением и порабощением племён и народов Вест-Индии, Центральной и Южной Америки, опустошением и разграблением целых областей, актами вандализма, насилий и массовых пыток. Награбленное золото, рабы и земли делились между конкистадорами. Наиболее известные предводители: К.-П. Альварадо, П. Вальдивия, Д. Веласкес, Г. Х. Кесада, Э. Кортес, Ф. Писарро.

**«Отчеты из Индий».

то» (пятую часть добычи). Величайшие искатели приключений Колумб и Кортес по праву были пожалованы дворянскими титулами и званиями. Колониальная система просуществует три века.

Колонизаторы внесли большой вклад в экономику открытых и завоеванных территорий: они использовали новые орудия труда, технику, методы и приемы. Они тщательно заботились о растениях и животных, привезенных из Европы: именно отсюда берут свое начало все поля и стада Америки. В то же время американские шахты изменили европейскую экономику (не следует при этом забывать, что здесь использовался принудительный труд индейцев). Благодаря использованию новых технологий амальгамации (это способ извлечения благородных металлов из руд при помощи ртути), в середине XVI века шахты Потоси* приносили огромную прибыль.

Однако чаще всего речь идет о наиболее спорных аспектах колонизации – моральном и социальном. При их изучении необходимо четко различать теорию и практику, доктрину и возможности ее реализации.

Жизненная практика может смягчить закон: так, некоторые абсурдно запрещенные книги попадают иногда в американских библиотеках. Очень часто, увы, законы достойны восхищения, но на практике едва ли соблюдаются. Местные жители сильно

*Потоси (Potosi) – город на юге Боливии, на склонах горы Потоси в Андах, административный центр департамента Потоси. Основан испанскими конкистадорами в декабре 1546 г. на месте, где в 1545 г. было открыто богатое месторождение серебра. В XVII–первой половине XVIII в. рудники Потоси давали около половины мировой добычи серебра, а его население превышало 160 тыс. чел. В связи с хищнической эксплуатацией и истощением месторождений серебра во второй половине XVIII в. начался упадок Потоси.

страдали от порядков эксплуатации островов колонизаторами. В связи с этим были созданы «энкомьенды»: индейцы, номинально считавшиеся свободными, передавались на «попечение» испанским колонизаторам (энкомендерос), которым они были обязаны платить оброк (одеждой, золотом, продовольствием), отбывать барщину в рудниках и в имениях энкомендерос. Постоянные реформы этой патерналистской системы, проводившиеся с хорошими намерениями, на практике оказались фактически безрезультатны. Интересы влиятельных лиц обусловили ее основные недостатки. «Мита»* (принудительный труд) тоже была негуманной. По крайней мере, испанские правители предприняли какие-то меры: 20 июня 1500 года Изабелла освободила рабов, подаренных ей Колумбом. Она объявила, что индеец, обращенный в христианство, абсолютно равен в своих правах испанским подданным. Это было основной идеей «*Leyes de Indias*»**. С 1500 по 1542 год, когда были введены «*nuevas leyes*»***, испанские законы, касающиеся

*Мита (*исп.* mita, на языке индейцев кечуа – обязательная очерёдность) – одна из форм принудительного труда в сельской общине древнего Перу, при которой выделение лиц на общественные работы (в рудниках, в сельском хозяйстве, на строительстве) производилось путём жеребьёвки. Испанские завоеватели Латинской Америки сделали миту составной частью системы феодально-крепостнической эксплуатации в своих колониях. Мита была формально отменена в XVIII в., но фактически сохранялась и в дальнейшем, что явилось одной из причин массовой смертности среди индейского населения.

**Имеются в виду королевские указы, относящиеся к Индии.

***«Новые законы».

Индии, демонстрируют дух высокой справедливости и даже иногда напоминают современные законы, которые регулируют социальные отношения. Размышления о колонизации привели богослова Витория* к идее международного права. Доминиканец Бартоломе де Лас Касас**, более близкий к индейцам, не был теоретиком, но зато был большим гуманистом; его пылкие тексты питали антииспанские настроения. Прекрасно, что в рядах нации колонизаторов нашелся такой человек, но он был бессилён в своей борьбе со злоупотреблениями. Конечно, его кампания не увенчалась успехом; теологи нашли аргумент в защиту сложившейся ситуации – «несовершенство человеческой природы».

Итак, язык, религия, «стиль жизни», полное отсутствие расовых предрассудков – все это позволило Испании создать колониальную империю, которая в течение трех веков была базовым элементом испанской жизни, и сформировать характер народов, несущих на себе ее отпечаток.

Трудно оценить непосредственное влияние колонизации на экономику метрополии. Апогей кас-

*Витория (Vitoria) Франсиско де (1483–1546) – испанский богослов и юрист, профессор теологии Саламанкского университета. Основатель так называемой испанской школы в науке международного права, занимавшейся вопросами территориальных приобретений, права войны и международного обмена. Основная работа – «Теологические рассуждения» (опубликована посмертно в 1557 г.).

**Лас Касас (Las Casas) Бартоломе де (1474–1566) – испанский гуманист, историк и публицист. Окончил Саламанкский университет. С 1502 г. как миссионер жил на Гаити, Кубе, в Венесуэле, Гватемале, в 1544–1550 гг. был епископом в Мексике. Активно выступал в защиту угнетённых индейцев, обличая жестокость колонизаторов и рабство.

тильской активности в XVI веке, экономический «бум», который можно объяснить повышением цен и потребностями заморских колоний, до сих пор мало изучен. Но монополия Севильи, где концентрировалась колониальная торговля и администрация (*Casa de la Contratación**), обеспечила Андалусии важную роль в мировом порядке; некоторое время Испания извлекала из этого большую прибыль. Однако экономика быстро пришла в упадок, предвосхитив общий декаданс, наступивший в стране. Но вплоть до середины XVII века этому упадку противостояла испанская культура.

III. Апогей духовного развития. «Золотой век»

«Золотой век» испанской цивилизации был результатом долгого развития, а не мгновенной вспышкой. Он был подготовлен XV столетием – совершенствованием языка и литературных жанров, развитием искусства платереско**. Изабелла по-

**Casa de le Contrataciyn* – Торговая палата, которую также называют Индийской палатой, *Domus indica*, или *Casa del Oceano*. В ней хранятся все донесения, отчетные карты и записи купцов и мореходов.

**Платереско (*исп.* *plateresco*, от *platero* – ювелир) – архитектурный стиль испанского Возрождения. Основой стиля платереско, возникшего в конце XV в., является тончайшее архитектурное узорочье, крайне детализированное по формам и имеющее плоскостный, ковровый характер. Не затрагивая конструкции зданий в целом, декор платереско первоначально накладывался на позднеготические, а позднее – и на ренессансные формы. В раннем платереско (архитекторы Х. Гуас, Х. де Колония, Э. де Эгас) сплавлены воедино мотивы готики и мудехара; в поздний платереско (с 1530-х гг.) проникает всё больше орнаментальных мотивов

кровительствоваала ученым, содействовала развитию науки и книгопечатания, возродила Саламанкский университет с его семьюдесятью кафедрами. Циснерос основал университет Алькала. Всем известен блеск испанской Предреформации, гуманизм Луиса Вивеса*. Контрреформацию также возглавляли выдающиеся умы эпохи. Кроме того, католический универсализм в испанской культуре этого времени не выражался, как во французском классицизме, с помощью других универсальных формул, заимствованных у Античности. Здесь обнаруживались *средневековые, национальные, народные* черты. «Золотой век», яркий и разнообразный, нельзя соотносить только с узким кругом элиты; это было общенациональное явление.

Для испанского «Золотого века» характерен некоторый мистический налет, связанный с именами первых изобретателей духовных упражнений. Наиболее известны Гарсия де Циснерос, наставник святого Игнатия, Антонио Ибаньес, Доминго Баньес (исповедники святой Терезы), Алонсо Мадридский, Хуан Авильский, Педро де Алькантара. На менее высоком уровне речь идет о тонком поэте Лу-

итальянского ренессанса (гирлянды, медальоны и т. д.), а также ордерных элементов, вносящих известную упорядоченность, но не нарушающих общего впечатления нарядной живописности. Во второй половине XVI в. в большинстве районов платереско вытесняется аскетически-суровым стилем «десорнаментадо» (или «эрререско»).

*Вивес (Vives) Хуан Луис (1492–1540) – испанский философ, гуманист и педагог. Профессор в университетах Лувена и Оксфорда. Автор около 60 работ на латинском языке. Был в дружеских отношениях с Эразмом Роттердамским и Т. Мором, во многом предвосхитил опытный метод Ф. Бэкона, проложил новые пути в психологии («О душе и жизни», 1538) и педагогике.

исе де Леоне, на более высоком – о святой Терезе и святом Иоанне Креста, в чьих произведениях мистический опыт находит совершенное выражение.

Мистический язык имеет соответствия в изобразительном искусстве. Испанский художник греческого происхождения сотворил в Толедо чудо – синтез византийской торжественности со смелыми нововведениями позднего Тинторетто и с кастильским неистовством. Чистота форм, свойственная произведениям Эль Греко, делает его великим мастером, отразившим свою эпоху во всей ее полноте. Когда в часовне Сан Томе мы видим картину «Погребение графа Оргаса» – соответствие земного порядка небесному, устремленность изображенных людей к Богу, напряженность лиц, – перед нами предстает внутренняя жизнь целой эпохи. Творчество Эль Греко было квинтэссенцией «Золотого века».

Но мистические веяния не уничтожили стремление к познанию. Менендес-и-Пелайо, совершивший грандиозную работу по пересмотру литературного наследия старой Испании, впервые критически осветил целые эпохи ее истории и воздал должное (может быть, с некоторыми преувеличениями) испанским ученым «Золотого века». Инженеры, медики, астрономы, ботаники, филологи (как, например, Небриха и Ариас Монтано), историки (Сурита, Мариана) сменяли друг друга с середины XV до середины XVII века, причем пик их деятельности пришелся на 1580 год. «Упадок» вызовет тысячи запутанных рассуждений на тему экономики, но уже к 1550 году повышение цен заставит Мартина де Аспилькуэта сформулировать количественную теорию денег.

Суарес* и Витория также были представителями интеллектуализма и рационализма. Исходя исключительно из богословских посылок, они создали политическую доктрину о правах и возможностях людей, которая до сих пор не потеряла своего значения, хотя витиеватая латынь Суареса была мало понятна публицистам, пытавшимся сослаться на его труды в 40-х годах. Но эти ссылки все же не лишены интереса.

Наконец, литература Золотого века также носит отпечаток интеллектуальной утонченности. В XVII веке в особенности ценились страсть и горечь Кеве-до, мистика Кальдерона, поэтичная чувствительность Гонгоры. Маньеризм** был весьма популярен

*Суарес (Suárez) Франсиско (1548–1617) – испанский теолог и философ, представитель поздней (так называемой второй) схоластики; иезуит. В спорах о соотношении свободы воли и божественного предопределения, обострившихся в полемике с концепциями протестантизма, Суарес перенёс акцент с предопределения на божественное предвидение: Бог не обуславливает свободный выбор человека, но предвидит его и в соответствии с этим предзнанием пути человека к Богу сообщает благодать. Учение Суареса вызвало оппозицию со стороны официальных кругов церкви, но впоследствии получило значительное распространение среди католических теологов. Основное философское сочинение Суареса «Метафизические рассуждения» (1597) пользовалось большим влиянием и оставило заметный след в творчестве даже некоторых антисхоластических философов, в том числе Р. Декарта и Г. Лейбница. Тракаты Суареса, излагающие принципы естественного права, оказали значительное воздействие на Г. Гроция.

**Маньеризм (*итал.* manierismo, от *maniera* – манера, стиль) – направление в западноевропейском искусстве и литературе XVI в. Основные черты литературы маньеризма – отказ от изображения реальной действительности, идеализация аристократии и особый утонченный

в Испании, причем его влияния не избежали даже Сервантес и святая Тереза.

В то же время умозрения узких кругов элиты не заглушали проявления народного духа в искусстве. Религиозные проповеди, театр, танцы, песни играли не меньшую роль в эпоху Нового времени, чем в Средние века. Высокая духовность «Золотого века» отразилась в популярных трактатах П. Луиса де Гранады*, в многоцветных скульптурах, вырезанных из дерева учениками Педро Берругете** (по большей части барочных, иногда же исполненных в духе классицизма) и в произведениях их подражателей, находящихся в алтарях деревенских церквей и изображающих истекающие кровью, исходящие в муках фигуры. Политические конструкции Суареса не в меньшей мере отвечали наивной и жизненной народной психологии: христианская свобода, честь, мораль подразумевали и сопротивление тирании, и воззвания к королю, дабы тот устранил имеющиеся место беспорядки и бесчинства. В произведениях гениев ис-

стиль, отличный от обыденной «вульгарной» речи. Вычурность, словесная игра, орнаментализм, тяготение к пасторальным мифологическим сюжетам характерны, в частности, для испанской придворной поэзии XVII века — так называемого гонгоризма или культизма (*culto* — утонченный). Испанский маньеризм нашел свое выражение в творчестве Гонгоры, Парависино, Рока и Серна, Вергары, Розас и др.

*Луис де Гранада (1504–1588) — испанский мистик, автор трактатов «Наставление грешников» (1556) и «Символ веры» (1582).

**Берругете (Berruguete) Педро (около 1450–1504) — испанский живописец. Сочетал средневековые архаизмы (статичность и разномасштабность фигур) со знанием перспективы (циклы картин из жизни святого Фомы).

панского «Золотого века» – Лопе де Веги, Сервантеса, Веласкеса – становится возможным синтез народных традиций с мистическими и интеллектуальными прорывами.

Что касается театра, то все еще популярными были средневековые «священные действия», или «мистерии», исполнявшиеся теперь в несколько упрощенном виде. Театр Лопе де Веги сочетал чистейший лиризм с замысловатой, отчасти условной интригой, с религиозными, патриотическими, иногда квазиреволюционными идеями: всем известные пьесы «Овечий источник» или «Перибаньес и командор Оканьи» возвеличивают борьбу с тиранией.

Наследие Сервантеса менее хаотично. Сама его жизнь есть синтез. Солдат, участвовавший в битве при Лепанто, пленник мавров, освобожденный за выкуп, более или менее щепетильный королевский чиновник, честный католик, отличавшийся в то же время сомнительным конформизмом (он был все же человеком Возрождения), Сервантес размышлял о своей стране и своей эпохе. Духовное величие и экзальтация, доведенная до крайности, неиссякающий источник народного здравого смысла – вот что подсказывает ему оппозиции: Кихот – Санчо, мечта – реальность, индивидуум – конкретное общество. Гений Сервантеса не был чужд комизму, и его роман заставляет нас смеяться. Сервантес умел передать нюансы, и контрасты обретают у него амбивалентность. У него был универсальный ум, поэтому сказка приобретает философский характер. Но его произведение является в то же время памятником *национальной литературы* и продуктом *своего времени*. Дон Кихот живет в изменившемся мире по средневековым правилам:

Крестовые походы, приключения, таинственность мира, который приобретается оружием и получает ценность благодаря завоеваниям духа – все это здесь опоэтизировано. Дон Кихот – сумасшедший, *но только в силу анахронизма*. Это символ бездействующей, не адаптировавшейся к новым условиям Испании, а доспехи Дон Кихота – атрибуты шута – демонстрируют отказ от обуржуазивания: исторические повороты, вечное произведение. Сервантес был наиболее тонким летописцем упадка: он отразил самую суть истории испанской нации.

Позже Веласкес предложит свое видение Испании, стоящей на краю пропасти. Как и Эль Греко, этот «чистый» живописец придаст символическое значение отчасти условным темам, как бы небрежно передав пейзажи Сьерры, изобразив последний триумф Испании в «Сдаче Бреды», показав народ – «прях», «пьяниц», кузнецов, нищих – в различных бытовых и жанровых сценах. Все эти картины и сегодня можно увидеть в Испании. Вакх и Аполлон, беседующие с андалусским крестьянином или с кастильским ремесленником, символизируют само искусство Веласкеса, берущее начало из двух источников – из классического и народного, воображения и реальности. Но в этом искусстве отражается беспокойство художника: вырождение элиты, запечатленное на портретах придворной знати, и вырождение низов, являющее себя в портретах пикаро (плутов) и шутов. Здесь гений отражает историю без всякой системы, но с великой трезвостью.

Однако Испания в эпоху Веласкеса была еще полна очарования и величия, которые станут источником вдохновения для французского «великого века». В 1650-году кастильский язык повсемест-

но считался языком знати. Во время заключения Пиренейского мира* на острове Фазанов (в Версале есть гобелен на этот сюжет) утонченность древней кастильской знати затмила безвкусную роскошь двора Людовика XIV. Нувориши Англии, Нидерландов и даже Франции долго не смогут простить Испании ее превосходства. Испании же, находящейся в состоянии упадка, останется только ее надменность. Но «Золотой век» всегда будет восприниматься как славная эпоха. В унижениях XIX века испанские интеллектуалы смогут утешаться только этими воспоминаниями о великом прошлом. Духовной пищей «поколения 1898 года» станут достижения «Золотого века», а «Дон Кихот» — их Библией. Самые молодые обратят свои взоры к Гонгоре и Кеведо. В современной испанской мысли до сих пор различимы отзвуки «Золотого века».

IV. Упадок великой империи

Самолюбие современных испанцев заставляет их отрицать упадок Испании XVII века. «No hay tal decadencia»**, — сказал Асорин***. Однако упадок Испании в названную эпоху — это бесспорный

*Пиренейский мир был заключен между Францией и Испанией 7 ноября 1659 г. на маленьком острове Фазанов пограничной речки Бидассоа. Служа показателем падения Испании и могущества Франции, Пиренейский договор восстановил мир в Южной Европе, но лишь на короткое время: притязания на «испанское наследство» стали руководящей нитью внешней политики Людовика XIV.

**«Никакого упадка не было».

***Асорин (настоящее имя и фамилия Хосе Мартинес Руис; 1874–1967) — испанский писатель и литературовед. В молодости был близок к анархизму. В 1907–1919 гг. депутат Кортесов.

феномен, хотя его интерпретация может быть различной.

Воображение склонно преувеличивать демографический спад; в результате получается неразрешимая статистическая головоломка. Но в том, что количество населения сократилось, нет никаких сомнений, как, впрочем, и в том, что промышленность, животноводство, торговая монополия Кастилии лежали в руинах. Политический кризис тоже давал себя знать. Короли (Филипп III, Филипп IV и особенно Карл II) были бедняками, а их фавориты – посредственными интриганами (на этом фоне выделяется Оливарес, который при своем неудержимом стремлении к власти обладал некоторым величием). Этикет, коррупция, интриги снижали эффективность центральной власти. Пострадало даже национальное единство (я уже называл критическую дату – 1640 год). Португалия потеряна. Восставшая Каталония будет побеждена, но вскоре вновь поднимет голову (1700–1714). За пределами Иберийского полуострова происходят необратимые изменения. Союз с Австрией, направленный против Ришелье и Мазарини, только терпит поражения. Мирные договоры 1648 года знаменуют независимость Голландской республики, потерю Артуа и фламандских местностей. В соответствии с Пиренейским мирным договором Испания передает Франции Сердань и Руссильон. Франш-Конте и другие территории Фландрии поте-

сов от консервативной партии. Представитель испанского литературного течения «поколение 1898 года»; испытал воздействие сюрреализма. Автор романов («Воля», «Антонио Асорин», «Белое в синем») и литературно-критических работ («Испанские чтения», «Классики и современные писатели», «С разрешения сервантистов», «Поколение 1898 года» и др.).

ряны в борьбе против Людовика XIV. Наконец, когда права на испанский трон переходят к внуку «Короля-Солнца», итоги «войны за испанское наследство» оказываются ужасающими: Испания теряет католическую часть Нидерландов, Люксембург, свои итальянские владения, Менорку, Гибралтар, причем морские соглашения знаменуют победу Англии над ее соперницей на море. 1713 год отмечает низшую точку испанской истории. Какое падение, особенно в сравнении с триумфальным 1580 годом!

Это падение поразило мир. Монтескье сравнивает его с падением Римской империи. Но славное прошлое Испании было тогда еще столь живо в памяти европейцев, что их реакция нередко сводилась к дискредитации недавнего грозного противника. «Причины упадка» часто влекут за собой возникновение «черной легенды», а ее восприятие редко бывает объективным. Целью этой книги не является углубленное изучение экономического кризиса в его связи с устаревшей социальной структурой испанского общества или исследование того, как коллективная психология, унаследованная от далекого прошлого, повлияла на политические неудачи Испании Нового времени. Мы только отмечаем проблемы, поставленные в историографии.

Демографический спад был очевиден, но причины его недостаточно объяснены. Какова причинно-следственная связь: нищета ли явилась результатом сокращения населения либо, наоборот, уменьшение населения было следствием нищеты? Существуют данные об эмиграции за океан (они точны, но отражают картину лишь частично). Цифра не такая уж устрашающая. Но необходимо помнить о том, что 90% эмигрантов составляли активные молодые мужчины. Таким же образом следует поставить во-

прос об эмигрантах, вынужденных оставить Испанию по причинам религиозного толка. Было ли разорительным изгнание морисков? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего знать, что большинство переписей тех времен не учитывали морисков; кроме того, опять же встает вопрос о качественном составе. Важнейшие тенденции не могут быть выражены в цифрах; так, например, целые классы (в частности, младшие сыновья дворян, лишённые наследства в соответствии с законами майората) никак не проявляли себя в демографическом или экономическом плане, выбирая «церковь, море, военную службу». Другие элементы общества также с трудом поддаются классификации и учету: бродячие «студенты», нищие, слуги, в чьей авантюрной жизни не было места ни для производительного труда, ни для воспитания потомства.

На сегодняшний день лучше всего проанализирован *чисто экономический фактор*: так, работы Хэмилтона* и Каранде** дополнили высказанные Геблером*** и Зотбером**** соображения о драгоцен-

*См.: Hamilton E. J. American treasure and the price revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, 1934; Hamilton Earl J. Money, prices, and wages in Valencia, Aragon, and Navarre, 1351–1500. Cambridge, 1936; Hamilton Earl J. War and prices in Spain, 1651–1800. Cambridge, 1947.

**Carande R. Carlos V y sus banqueros. Madrid, 1949; Carande R. El crédito de Castilla en el precio de la política imperial, un discurso. Madrid, 1949; Carande R. Notas para un estudio sobre la naturaleza económica del trabajo. Madrid, 1916.

***Häbler K. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im 16. Jahrhundert und ihr Verfall. Berlin, 1888.

****Sötbeer A. Edelmetallproduktion und Wertverhältniss zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerika's bis zur Gegenwart. Gotha, 1879.

ных металлах и экономике Испании. В общих чертах речь идет о том, что феномен инфляции, вначале способствующий экономической активности, затем разрушает производительную деятельность. Повышение цен в Испании начинается относительно рано (оно было связано не только с драгоценными металлами). Итак, на повышении цен сколачиваются целые состояния сначала в Испании, а потом и за границей, затем монеты с малым содержанием драгоценных металлов вытесняют прежнюю полновесную монету, создаются все условия для контрабанды, производство катастрофически снижается. Невозможно назвать точную дату смены экономической конъюнктуры. Тем не менее трудно сказать, насколько бы изменилось положение, если бы географическое положение Испании и психология нации были бы иными.

Могла ли Кастилия взять на себя ведущую роль в экономике Испании Нового времени? Люди, способствовавшие географическим открытиям *по экономическим причинам*, были генуэзцами, фламандцами, евреями и земляками Фердинанда Арагонского, пользовавшимися расположением короля. Но монополия на торговлю с Новым Светом превратила колонизацию в достояние идальго Эстремадуры, животноводов Мессы, представителей севильской администрации. Прибыль не «инвестировалась», как это происходит при капитализме. Эмигранты, надеявшиеся на милости Фортуны, мечтали о сокровищах, о покупке земель и строительстве замков. В драматургии той эпохи, в «Дон Кихоте» Сервантеса показаны эти надежды крестьян и идальго. В одном произведении, прославляющем Мадрид, благородство этого города доказывается

следующим образом: вся страна работает на Мадрид, который бездельничает. Не так давно появилась теория, согласно которой слабость капиталистических тенденций в Испании признается достоинством последней. Но это обрекло страну на бездеятельность и отставание от других европейских государств.

И последнее. Не был ли «упадок» одновременно кризисом равновесия? С XV по XVII век центральные провинции не только играли руководящую роль — они также отличались наибольшей численностью населения и объемом производства, занимая доминирующую позицию как в *демографическом*, так и в *экономическом* плане. Это был исключительный момент, когда политическая воля центра была в согласии с его реальной силой. Но недостатки географического положения и наследие прошлого привели к тому, что вся страна была низвергнута с вершин триумфа в бездну. От последствий этого падения Испания страдала до тех пор, *пока периферийные районы не компенсировали своего упадка в XV веке*. Однако следует учитывать, что эти районы (особенно Левант) менее пострадали в общей разрухе; общеиспанские проблемы — эмиграция, повышение цен, бюрократия и огромные налоги — почти не затронули эти местности. С конца XVI века эти районы, расположенные на оси Барселона—Генуя, стремились унаследовать денежные потоки, которые ранее шли по направлению Кастилия—Фландрия (их циркуляция была прервана войной с Англией и Нидерландами). В XVIII веке именно эти регионы были лучше всех подготовлены к возрождению. В стране вновь установилось равновесие, но в иной форме: демография и эконо-

мика работают сегодня на приморские районы Иберийского полуострова. Существует ли формула сочетания этой доминирующей активности и настойчивой воли к руководству, характерной для Мадрида? Это одна из самых важных проблем нового – современного – этапа развития страны.

ГЛАВА IV

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ

I. XVIII век и просвещенный абсолютизм

Новейшая история испанской нации начинается с первых попыток адаптации к новым условиям и обстоятельствам. Эти попытки натолкнулись на определенные общественные установления и особенности национального менталитета, зародившиеся в эпоху Реконкисты, закрепившиеся во время Контрреформации и заострившиеся в период «упадка». Этот конфликт так и не был разрешен, о чем свидетельствуют кризисные события недавнего времени. Испания эпохи «Просвещения» пережила первый из таких кризисов, который был, пожалуй, и самым плодотворным.

1. Демографический и экономический рост в XVIII веке. С 1700 по 1800 год население Испании возросло с 6 до 11 миллионов (это очень значительная цифра). Факторы, приведшие страну к упадку, постепенно исчезли: драгоценные металлы поступали теперь в Европу не через Испанию, а другими путями. Внешняя политика Испании приобрела четкие цели. Религиоз-

ные гонения практически прекратились. Классовое равновесие изменилось в пользу производителей.

Претерпело ли какие-то изменения сельское хозяйство, этот базовый элемент экономики? Некоторые документы говорят о процветании каталонских деревень в XVIII веке. В Кастилии, где крестьяне выступали против привилегий животноводов Мессы, все осталось без изменений. Почти везде понемногу шла распашка новых земель, «колонизация», строительство деревень; работа снова кипела.

Торговля тоже ожила. Рос товарооборот испанских портов. Маленькие порты вокруг Барселоны снаряжали торговый флот, причем торговля велась не только со странами Средиземноморья, но и с Америкой.

Торговля с Америкой была большим достижением века. Чтобы приобрести на нее право, торговые корпорации различных портов делали все возможное и невозможное. С 1728 года компания «Real Cia Guipuzcoana de Caracas» получила монополию на торговлю какао. Существовала барселонская компания, торговавшая с Антильскими островами, и, кроме того, друг друга сменили две компании по торговле с Филиппинами. В 1778 году была, наконец, установлена свобода торговли испанских портов с колониями. Кадис, лишенный монополии, которую унаследовал от Севильи, сохранил свое благосостояние. Под властью великих вице-королей Амата, О'Хиггинса, Гальвесов, Севаллоса процветала и Америка. Барселонские коммерсанты предложили составить колониальный пакт, благоприятствующий развитию промышленности. Премьер-министр, граф

Аранда*, выработал план федерации, который должен был искоренить дух свободы, уже захвативший Северную Америку. Идея империи как государственно-политического образования уступила место идее экономической эксплуатации. Несмотря на несовершенство монополии и зарубежную контрабанду, XVIII век – об этом часто забывают – был для Испании *великим колониальным веком*.

Формируется капитал, поступают товары, происходит рост населения: в Испании XVIII века, наконец, начинается индустриализация. Политика меркантилизма сыграла в этом свою роль: внутренний рынок ограждался от ввоза иностранных товаров, поощрялось «народное образование» (ремесленное и техническое). Помимо королевских мануфактур, на которых производились предметы роскоши, индустрия развивалась там, где формировался капитал. В Каталонии хлопок вытеснил шерсть, технические нововведения были не менее востребованными, нежели в Англии, а одна торговая фирма

*Аранда (Aranda) Педро Пабло Абарка де Болса, граф де (1718–1798) – испанский государственный деятель. В 1766–1773 гг. возглавлял испанское правительство при короле Карле III; добился изгнания иезуитов из страны (1767) и ограничил деятельность инквизиции; пытался провести аграрную реформу (раздел части общинных земель между крестьянами), но встретил сопротивление со стороны феодальных кругов и вышел в отставку. В 70–80-х гг. Аранда был послом во Франции. В 1783 г. участвовал в подготовке выгодного для Испании и Франции мира с Англией. В 1792 г. снова глава правительства. В конце 1792 г. был отстранён от власти и в 1794 г. сослан в Гранаду за возражения в правительственном совете против продолжения войны Испании с революционной Францией.

задалась целью использовать американский хлопок. Это была маленькая «промышленная революция», которая поразила бы всех, если бы не ее не связывали с двумя значительными явлениями века – демографическим ростом и преобразованием колониального пакта. Верно ли, что Испания благополучно вступила в индустриальный век? В какой-то момент в это можно было поверить.

2. Политическое возрождение. С 1717 года Альберони* демонстрировал силу. Семейная политика восстановила испанское влияние в Италии. В 1739 году испанские моряки отразили внезапную атаку английских сил. Пакт 1761 года**,

*Альберони (Alberoni) Хулио (или Джулио) (1664–1752) – испанский государственный деятель, по происхождению итальянец. С 1712 г. был представителем герцога Пармского при дворе испанского короля Филиппа V, с 1714 г. фактически перешёл на службу к испанскому королю. В 1717 г. получил сан кардинала. В 1717–1719 гг. первый министр испанского двора. Альберони стремился укрепить административный и судебный аппарат государства, провёл ряд мероприятий для улучшения состояния промышленности и торговли, усиления флота. Добивался возвращения Испании владений, утраченных ею по Утрехтскому миру. С этой целью пытался расстроить антииспанскую коалицию (Австрия, Англия, Голландия), проводил политику поддержки Турции, воевавшей с Австрией. Внешняя политика Альберони привела Испанию к неудачной войне с Англией и Францией (1717–1719). По настоянию английского и французского правительств Филипп V был вынужден в 1719 г. изгнать Альберони из Испании. В 1735–1740 гг. Альберони был папским легатом в Равенне, с 1740 г. в Болонье.

**Фамильный пакт 1761 года (семейный договор 1761 г.) – заключенный во время Семилетней войны (1756–1763) договор между французскими и испанскими Бурбонами (включая пармскую и неаполитанскую ветви испанских

заключенный с Францией, повлек за собой неблагоприятный для Испании Парижский договор*, но война с Америкой позволила компенсировать эти неудачи. Испания снова заполучила Менорку, Флориду и ряд иных территорий и преимуществ: политика министров Патиньо и Энсенеды принесла свои плоды. Эти внешнеполитические успехи благоприятствовали внутреннему единству нации. Централизация – таково было внутриполитическое кредо Бурбонов. Каталонское восстание 1700 года послужило предлогом для начала действий. Исчезли локальные привилегии. Благодаря

Бурбонов) о взаимной вооруженной помощи в случае нападения на одну из сторон. Направлен против Великобритании. Согласно заключённой одновременно секретной конвенции, Франция передавала Испании захваченный у англичан остров Менорку, а Испания обязывалась объявить войну Великобритании, если последняя до 1 мая 1762 г. не заключит мира с Францией. Фамильный пакт вызвал объявление Великобританией 4 августа 1762 г. войны Испании. Сохранял своё действие до 1789 г.

*Парижский мирный договор 1763 г. – мирный договор между Великобританией и Португалией, с одной стороны, и Францией и Испанией – с другой, завершивший участие этих стран в Семилетней войне. В соответствии с этим договором Великобритании отходили от Франции в Америке – Новая Франция (Канада), остров Кап-Бретон, все земли к востоку от реки Миссисипи (Восточная Луизиана), за исключением Нового Орлеана, в Вест-Индии – острова Доминика, Сент-Винсент, Гренада и Тобаго, в Африке – почти вся захваченная ранее французами территория Сенегала, в Индии – почти все французские владения. Франция возвратила Великобритании остров Менорку, захваченный в 1756 г. Испания передавала Великобритании Флориду, за что получала от Франции Западную Луизиану и денежное возмещение. Французские войска должны были оставить территорию Ганновера, а также (вместе с испанскими войсками) территорию Португалии.

«регализму»* юристов, в особенности поддержанному «Советом Кастилии», «капитании», «интендантства» и «судебные округа» заменили прежние органы местного управления. Но все это удается только потому, что настроения такого рода испытывают правящие круги наиболее активных провинций. Благодаря умелому ведению переговоров барселонская торговая корпорация получает от Мадрида право защиты индейцев и свободной торговли с Америкой; кроме того, происходит восстановление Морского консульства. В Стране Басков просвещенная элита основывает первое «Экономическое общество друзей страны», которому начинают подражать во всех концах Испании. В Вергаре приверженцы «патриотической школы» превозносят технику, промышленность, несут дух энциклопедистов. Провинции взрастили величайших государственных деятелей эпохи «просвещенного абсолютизма»: это были и высокообразованные дворяне, как, например, уроженец Арагона Аранда или астуриец Ховельянос**, и простые «лет-

*Регализм (от *лат.* *regalis* – царский) – 1) религиозная политика европейских монархов XVII–XVIII веков, направленная на контроль над церковью. Для регализма характерны заявления, что «церковь Иисуса Христа подчинена гражданской власти» и что церковные иерархи «не имеют права божественного и независимого от светского начальства; 2) в феодальной Европе монопольное право верховной власти на получение определённых видов доходов. Главные регалии были: монетная, горная, соляная, лесная, судебная, рыночная и др. Здесь – prerogatives королевской власти, которые не могут осуществляться никакой другой инстанцией.

**Ховельянос-и-Рамирес (Jovellanos y Ramírez) Гаспар Мельчор де (1744–1811) – испанский просветитель, государственный и политический деятель; поэт, драматург, эконо-

радос» (образованные, ученые люди), как, например, Флоридабланка* или Кампоманес**. Среди государственных деятелей Испании этого периода были также выходцы из Италии, уроженцы Барселоны, Севильи (Патиньо, Ла Энсенада).

мист, философ, историк. Принял участие в проведении ряда реформ в духе просвещенного абсолютизма. Активно участвовал в работе «экономических обществ друзей страны», созданных Кампоманесом. В 1795 г. опубликовал проект аграрного закона, имевший целью ограничение крупного землевладения, постепенное освобождение испанской экономики от феодальных пут, защиту мелких крестьян-собственников. Противник феодально-клерикальной реакции, Ховельянос неоднократно подвергался преследованиям. В период Испанской революции 1808–1814 гг. Ховельянос был членом Центральной хунты, возглавлял в ней либеральное меньшинство.

*Флоридабланка (Floridablanca) Хосе (1728–1808) – испанский государственный деятель, сторонник просвещенного абсолютизма. В 1777–1792 гг. первый министр при дворе испанских королей Карла III и Карла IV. Провёл реформы, направленные на усиление централизации государства, ослабление влияния провинциальной знати, развитие экономики страны, добивался укрепления испано-французских отношений, выступал в поддержку английских колоний в Америке в их войне за независимость 1775–1783 гг. В феврале 1792 г. в обстановке усилившейся оппозиции его политике Флоридабланка был отстранён от должности и отправлен в изгнание. В изгнании написал 13 мемориалов по различным отраслям государственного управления Испании, составивших его «Политическое завещание». Был избран президентом Центральной хунты, которой была передана верховная власть в стране после отречения Карла IV (1808).

**Кампоманес (Campanes) Педро Родригес (1723–1803) – испанский государственный деятель, экономист, историк, один из видных проводников политики просвещённого абсолютизма в Испании. В 1763–1789 гг. министр финансов, в 1789–1791 гг. председатель Королевского совета Кастилии, в 1791–1798 гг. государственный секретарь. Стремился освободить испанскую экономику от

Таким образом, идея централизации поддерживалась лучшими умами испанской провинции. Утверждалось единство.

3. Испанская мысль XVIII века. Испанцы-патриоты относятся к XVIII веку с некоторой долей презрения. Его называют «французским веком» в истории Испании. Но так ли было на самом деле? Кабаррус, который хотел «за двадцать лет исправить ошибки, совершаемые в течение двадцати веков», был только исключением. С другой стороны, далеко не все испанцы разделяли воззрения Диего Кадисского, который выступал против новой ереси с яростью, напоминавшей о религиозных преследованиях XV века. Но существовало социальное большинство (идадьго, низшее духовенство, крестьяне), не воспринимавшее новые идеи и определявшее атмосферу в испанском обществе – атмосферу, враждебную ко всему новому. В то же время меньшинство, открытое духу века, двигалось навстречу обновлению весьма умеренно и робко. «Просвещенные» классы отнюдь не стремились подорвать престиж королевской власти; они выступали против финансовой мощи церкви, против иезуитов, высмеивали ханжество,

феодалных ограничений: ввёл свободную торговлю хлебом, облегчил торговлю с колониями. Содействовал упорядочению государственных финансов, поощрял создание мануфактур, технических училищ, способствовал улучшению дорог, средств сообщения и пр. Стремился ограничить привилегии церкви в пользу короны и выступал за изгнание иезуитов из Испании (что и было осуществлено в 1767 г.). Положил начало деятельности «экономических обществ», обсуждавших проблемы экономического развития Испании.

уважая при этом основы религии. Моратин* больше напоминает Мольера, чем Вольтера. Короли и министры позволяли приходящей в упадок инквизиции судить даже высокопоставленных лиц. Таким образом, духовное обновление имело свои границы.

Но это обновление все же имело место: прежняя картина мира потеряла свою убедительность; человеческая мысль обратилась от небесных дел к земным. В начале века Фейхоо* предпринял пересмотр ложных верований. Великие труды XVIII века по политической экономии были далеки как от теологии, так и от рационализма и теории «естественно-

*Фернандес де Моратин (Fernández de Moratín) Леандро (1760–1828) – испанский драматург. Во время войны за независимость 1808–1814 гг. сотрудничал с французскими властями; в 1817 г. пересехал во Францию. Его эстетические воззрения отразились в пьесе «Новая комедия, или Кафе» (1792), в которой Моратин выдвинул программу просветительского искусства. Испытал влияние Мольера. В комедиях Моратина «Старик и девушка» (1786, изд. 1795), «Барон» (изд. 1803), «Святоша» (1791, изд. 1804), «Когда девушки говорят «да» (1801, изд. 1806) принципы французского просветительского классицизма сочетаются с элементами испанской классической драматургии.

**Фейхоо-и-Монтенегро (Feijóo y Montenegro) Бенито (1676–1764) – испанский писатель, профессор философии и теологии, монах-бенедиктинец. Оставаясь правоверным католиком, он сочувственно относился к европейской Реформации, резко выступал против злоупотреблений духовенства, против общественной затхлости и политической отсталости. В «Критическом театре» (1726–1739) и «Научных и любопытных письмах» (1732–1760) Фейхоо ратовал за освобождение науки от схоластической догматики, за развитие научно-философской мысли, за коренные реформы в педагогике и научной работе, за важность изучения естественных наук, за историческую критику.

го права». Испанская социально-экономическая и политическая мысль была весьма оригинальной: Кампоманес, которого считают одним из основателей либерализма, переиздает труды «арбитристов»* XVII века и в то же время извлекает из теории меркантилизма собственные идеи относительно модернизации промышленности и образования; Капмани, знаток новой экономики, высказывается в защиту корпораций. Аграрный индивидуализм, направленный против Месты и права «мертвой руки»**, натолкнулся на сопротивление не только крестьян-традиционалистов, но и таких новаторов, как Аранда и Флоридабланка. Соблюдение традиций, уважение к опыту, *исторический дух* придали испанскому интеллектуальному творчеству XVIII века равновесие и чувство меры, но лишили его той мощи и уверенности, которые во Франции привели к революции.

4. Границы преобразований XVIII века. Как мы уже отмечали, в конце века Испания в какой-то мере адаптировалась к капитализму: между 1787 и 1797 годами число фабрикантов и коммерсантов достигло 250 000, значительно увеличившись за счет классов, не участвующих в производстве.

*Арбитристы (от *исп.* «arbitrio» – средство) – те, кто предлагал те или иные средства для выведения страны из состояния упадка; это слово имеет преимущественно отрицательные коннотации.

**Право мертвой руки (*лат.* manus mortua – мёртвая рука) – одна из норм феодального права в странах Западной и Центральной Европы. Согласно праву мертвой руки, феодал имел право изъять после смерти крестьянина часть его имущества или её стоимость в деньгах.

Законодательство поддерживало это движение, обрушившись на внутренние таможи, на импорт машин, на обилие регламентации. Корпорации отныне не должны были требовать доказательств «*limpieza de sangre*». Что касается сельского хозяйства, то здесь законодательство благоприятствовало огораживанию земель под сады и виноградники, продаже королевских земель, «дезамортизации» имущества церкви (ликвидации неотчуждаемости феодальной собственности церкви). В 1805 году в результате «дезамортизации» было получено 6 400 000 реалов церковных доходов. Десятью годами раньше знатым семьям было предложено отказаться от майората взамен на ренту. Но все эти меры были каплей в море. В 1787 году в Испании еще насчитывалось 17 городов, 2358 поселков, 8818 деревень, находящихся под юрисдикцией сеньоров, и 3 города, 402 поселка, 1280 деревень, над которыми осуществлялся патронаж церкви. Огромные состояния знати соседствовали с нищетой крестьян. Количество собственников и *арендаторов* земли достигало 907 000, тогда как число *поденщиков* превышало 947 000, что составляло одну из основных проблем сельского хозяйства. Именно бедностью объясняется приверженность испанских крестьян общинным традициям. Кроме того, насчитывалось около 150 000 нищих. Последствия упадка все еще не были преодолены. К счастью, Карл III ограничил проявления nepотизма, коррупцию и этикет, но провинциальные и колониальные круги, низшее духовенство, сельская знать были привержены прежним нравам и придерживались старых порядков. Испанский народ был предрасположен к фанатичному традиционализму и практически не воспринимал отчасти педантских наставлений просветителей.

Любой кризис мог свести на нет все завоевания столетия. Слабость Карла IV способствовала возникновению кризисной ситуации, особенно ввиду экспансии наполеоновской Франции. В 1790 году Испания колебалась между модернизацией и новым падением. Это был волнующий момент, который запечатлел гений. Франсиско Гойя сумел отразить жизненную силу, чувственные радости века, народный дух на картонах для гобеленов и на многочисленных полотнах, посвященных «махам»*, «играм», «праздникам», тавромахии, которую Гойя чуть ли не первым стал рассматривать как искусство. Он был смелым человеком, который высмеивал инквизицию и писал портреты испанских просветителей-«аfrancesados»** , Моратина, послов-революционеров. Но в то же время он писал картины, исполненные мистического духа, как, например, «Последнее причастие святого Хосе де Каласанса», а в серии офортов «Капричос» художник изобразил дьявольские козни (вполне средневековый сюжет). Как и Веласкес, он видел убожество низов испанского общества, изображал нищих и трущобы; но это же убожество, признаки вырождения он читал на лицах «семьи Карла IV».

Недальновидные советники Наполеона отмечали только эти черты вырождения. Они не брали в расчет ни древнюю безотчетную мощь испанского народа, ни недавнее возрождение в экономической и интеллектуальной сферах. Но какой из этих двух

*Маха (*исп.* *maja*) – типичная представительница мадридских кварталов, населенных ремесленниками, в XVIII–XIX веках.

***Afrancesado* – «офранцузенный», «подражающий французам».

элементов, одинаково враждебных по отношению к Наполеону: инстинкта сопротивления и стремления к обновлению — в итоге определит судьбу нации? Это была драма войны за независимость.

II. Война за независимость

Карл IV был посредственным правителем. Его фаворит Мануэль Годой, красивый гвардеец из Эстремадуры, в 1792 году, то есть двадцати пяти лет от роду, стал очень влиятельной фигурой благодаря благосклонности королевы. Его деятельность особенно губительным образом сказалась на внешней политике. Он не смог ни избежать конфликта с революционной Францией, ни разрешить его в пользу Испании. Согласно Базельскому договору 1795 г., Испания была вынуждена передать Франции Сан-Доминго. Заключенный вскоре оборонительный и наступательный союз с Францией тоже оказался неблагоприятным для Испании и стоил ей Тринити, Луизианы и, наконец, *Трафальгарской катастрофы* (1805), в результате которой колонии были предоставлены сами себе, а испанский мир был раздроблен. Трафальгарское сражение во многом определило ход будущих событий.

Ввиду страшного поражения франко-испанских сил Годой решил совершить резкий поворот: в октябре 1806 года он призвал к войне против французов. Но вскоре одержанная императором победа при Йене убедила Годоя в том, что его собственная судьба неизбежно находится в руках Наполеона. Он снова перешел на его сторону и начал переговоры о разделе Португалии, желая стать наследным принцем. Однако французы, захватив Лиссабон, за-

няли также Каталонию и Наварру, так что независимость Испании оказалась под угрозой. Оппозиция не дремала: возник придворный заговор, имевший целью сместить короля и посадить на трон его сына Фердинанда. Будучи разоблаченным, Фердинанд подло отрекся от своих друзей, но в глазах широких общественных кругов он продолжал быть героем-мучеником. Сложная политическая ситуация (Мюрат* шел на Мадрид, а Годой и Карл IV уже помышляли о бегстве) спровоцировала Аранхуэсский мятеж 17 марта 1808 года, в результате которого Фердинанд был провозглашен королем. Мюрат не знал о том, что произошло. Обещаниями и угрозами он заставил королевскую чету отправиться к императору в Байонну, где Наполеон должен был решить испанский вопрос. Однако осознав, что членов королевской семьи заставляют покинуть Испанию, мадридская толпа подняла бунт против мамелюков Мюрата. Это было 2 мая 1808 года: так началась война за независимость.

*Мюрат (Murat) Иоахим (1767–1815) – маршал Франции (1804), герцог Бергский и Клевский (1806), король Неаполитанский (1808). Отличился при подавлении роялистского мятежа 4 октября 1795 г. и стал адъютантом Наполеона Бонапарта. Командуя гренадерами, содействовал Бонапарту в захвате власти 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. В 1800 г. женился на сестре Наполеона Каролине. Участвовал во всех Наполеоновских войнах, проявив выдающиеся способности в командовании кавалерийскими соединениями и исключительную храбрость. В 1808 г. жестоко подавил восстание в Мадриде. Во время «Ста дней» выступил на стороне Наполеона, был разбит в Италии и бежал на Корсику; позже с небольшим отрядом высадился в Калабрии, намереваясь вернуть престол, но был схвачен, осуждён австрийским военным судом и расстрелян.

1. Характер вооруженного восстания. Нас интересует именно «стиль» этого восстания, не раз проявлявшийся в последующих событиях того же характера. Восстание 1808 года было первым из грозных народных выступлений, которые много раз потрясали Испанию в XIX и XX веках, чередуясь с периодами депрессии и безразличия, и которые всегда были неожиданными для правительства. Между 20 и 30 мая 1808 года Астурия, Арагон и Галисия отказались подчиняться властям, «сотрудничавшим» с французскими войсками. В начале июня еще немногие знали, что Жозеф Бонапарт был провозглашен королем, а французы потерпели поражение в Каталонии и подвергались нападениям на Гвадалквивире. Был ли это заговор или единый порыв испанского народа? Это не так уж важно. Движение было сильным и охватило все провинции и все общественные классы, хотя и не в равной степени. Жозеф скажет: «Честные люди верны мне не больше, чем негодяи». Испания проявила свою сплоченность, национальное единство.

Однако это движение было направлено не только против иностранной интервенции. Оно было продолжением Аранхуэсского мятежа, выражавшего *внутреннее* недовольство, и питалось надеждами на легендарного изгнанника, принца Фердинанда. Следует отметить, что надежды и упования испанцев были неодинаковы. Одни считали необходимым продолжать дело XVIII века и подражать Франции, одновременно сопротивляясь ее экспансии. Для других Фердинанд был олицетворением патриархального абсолютизма, гарантом соблюдения традиций, сохранения «фу-

эрос», средневекового экономического коллективизма, нерушимого единства религии и политики. Таким образом, выделились позиции, равно непримиримые по отношению к врагу и в то же время несовместимые друг с другом: «либеральная» Испания – Испания «карлистская», «Испания красная» – «Испания черная».

Испанцы в массе своей воевали с французами-«безбожниками». На первый план опять выступила религия. Партизаны были очень набожными. Дева Мария дель Пилар «не хотела становиться французской». Тем не менее эти религиозно-национальные веяния не были пассивным конформизмом. С первых дней войны за независимость восставшим доставляло явное удовольствие убийство представителей государственной власти; шествие победителей Байлена* отнюдь не успокоило высшее общество Мадрида, которое народ обвинял в пассивности. Жозеф сравнивал испанское движение с событиями II года Французской революции. Чувствовалось, что народная борьба в защиту религии и традиций в итоге может повернуться против них же, что и произошло в следующем столетии.

Парадоксально, что управление этой народной массой выпало на долю узкого круга людей, пропитанных духом Просвещения. Дело в том, что почти не было политиков, способных подняться над уровнем движений местного значе-

*Байлен (Bailén) – город на юге Испании. В июле 1808 г. у Байлена произошла битва между испанскими и французскими войсками. 22 июля французы вынуждены были подписать акт о капитуляции. Разгром французов у Байлена способствовал усилению освободительной борьбы испанцев.

ния. В связи с этим оказались востребованы сторонники «просвещенного абсолютизма». Старик Флоридабланка и Гаспар Ховельянос, известный своей прямоотой и упорством, возглавили Центральную хунту сопротивления, находившуюся в сложных отношениях с провинциальными хунтами. В Кадисе состоялись Учредительные Кортесы, но это было искусственное образование: настоящих выборов не было; адвокаты, интеллектуалы, купцы, «американцы», либералы составляли здесь большинство и издавали законы от имени всей Испании. Представители Кортесов в осажденном Кадисе не имели никакого контакта с партизанскими кругами. Карл Маркс однажды отметил, что партизаны действовали, не руководствуясь никакими идеями, а Кортесы выдвигали множество идей, но при этом бездействовали. Эта несогласованность между народом и политиками будет характерна для всего XIX века. Другая черта войны за независимость состояла в том, что Испания вернулась к характерной для нее децентрализации, к тому «инстинктивному федерализму», о котором говорил Менендес-и-Пелайо. Мэр деревни Мостолес объявил войну Наполеону. Хунта Астурии вела переговоры с Англией как «высокая договаривающаяся сторона». Создание Центральной хунты породило курьезные предложения о *федеральном* устройстве. Власть дробилась, и это мешало Наполеону в его действиях. Но Веллингтон, командующий союзными войсками в войне против наполеоновской Франции на Пиренейском полуострове, скептически относился к эффективности испанского метода.

Некоторая доля фарисейства заставляла англичан говорить о «жестокости» испанских партизан, которые вели войну так, словно это было личным делом каждого, чем-то вроде мести (что, кстати, вполне объясняется бесчинствами французов). С эпохи Средневековья Испания сохранила вкус к мрачным зрелищам, к коллективным галлюцинациям. Но каково благородство Ховельяноса! Каково величие Кортесов, которые строили законодательство будущей Испании всего лишь на клочке свободной территории! Сколько юмора и остроумия в эпиграммах и песнях! Испания открывает себя Европе, романтизму и Стендалю. Удивительный успех этого исторического момента на миг побеждает комплекс неполноценности испанцев, появившийся во времена упадка. Но глубоких преобразований не происходит.

2. Провал созидательных усилий. Со стороны «просвещенных» испанцев, придерживающихся традиций космополитизма и авторитаризма, было логичным ожидать от Наполеона деспотизма в духе Карла III. И все же, когда началось народное движение, «аfrancesados» влились в его ряды. Наполеон и Жозеф были разочарованы: они надеялись на то, что их сторонников будет больше.

Намерения Наполеона вполне объясняют то недоверие, которое питали к нему испанцы. Реформы были пронизаны завоевательным духом. Император парализовал добрые намерения своего брата, а генералы, грабившие Испанию, парализовали усилия администрации.

Возрождение по Наполеону не могло состояться. Но было возможно возрождение *вопреки* ему. Множество документов мятежных хунт содержат эту мысль. Таково было и намерение Кадисских Кортесов. С 1810 по 1812 годы либеральное большинство Кортесов поддерживало «монархистов», приверженцев старой Испании.

Как и в XVIII веке, испанский либерализм уважает национальные традиции и основы религии. В то же время либералы обрушиваются на финансовое могущество церкви, упраздняют инквизицию и продолжают «дезамортизацию» церковных имуществ. Политические принципы Кадисской Конституции опираются на французский образец: национальный суверенитет, разделение властей, основные свободы, парламент, избираемый на два года непрямым голосованием и принимающий закон о государственном бюджете, конституционная монархия (монарх обладает правом вето), единообразное административное устройство муниципий* и провинций. Необходимо отметить, что 6 августа 1811 года были отменены сеньориальные права помещиков и все «исключительные, предоставляемые отдельным лицам и запретительные» привилегии.

Таков был итог преобразований целого столетия. Казалось, кризис завершился юридическим оформлением новой структуры общества.

Но это была лишь видимость: отсутствие точек соприкосновения между Кортесами и нацией имело свои последствия. Конституция игнорировалась,

*Муниципия (municipium, от munus – обязанность и саріо – беру) – город с правом самоуправления.

и объявленные реформы по большей части остались на бумаге. Невзирая на регулярные созывы Кортесов, народ был недоволен французской оккупацией и возвращением короля Жозефа. Интриги продолжались. Прибытие генерала Элио, обращение депутатов-монархистов, возгласы народного одобрения, раздававшиеся в Валенсии и Мадриде, — все это позволило Фердинанду в мае 1813 года полностью аннулировать кадисские достижения. Он обрушил репрессии и на «аfrancesados», и на либералов-патриотов. *Это было поражение целого столетия.* Большинство, ратовавшее за «чёрную Испанию», торжествовало над «просвещённым» меньшинством. Наконец, война подорвала экономику страны и юридическую базу, способствовавшую адаптации Испании к капитализму и либерализму. На западе Европы продолжал маячить испанский анахронизм.

III. XIX век: пробы и ошибки

Политическая история Испании XIX века, которую можно с равным основанием считать и красочной, и скучной, представляла собой цепь интриг, комедий и драм. Сначала мы перечислим основные события, а затем рассмотрим некоторые ее характерные черты.

1. Политика Испании в XIX веке (1814–1917).

А) Фердинанд VII (1814–1833). Его правление было и жестоким, и неудачным. Провал созидательных усилий 1812 года был очевиден; Испания окончательно потеряла статус колониальной империи.

С 1814 по 1820 год страной правила придворная камарилья*. Генералы и партизаны бунтовали. В Америке генерал Морильо и его двадцатитысячная армия, наводившая ужас на Боготу**, не смогли воспрепятствовать освобождению Колумбии.

С 1820 по 1823 год длится знаменитое «либеральное трехлетие». В вечно беспокойном Кадисе зреет мятеж, очагом которого становится колониальный экспедиционный корпус. Полковник Риго провозглашает в Андалусии восстановление Конституции 1812 года. Когда армия Риго была разбита, в Галисии вспыхнул другой мятеж. 10 марта напуганный король был вынужден признать Конституцию. Буржуазия приветствовала возвращение «людей 1812 года». Но в Мадриде предприняли активные действия «эксальтадос***», и правительст-

*Камарилья (*исп.* *camarilla*, от *sámapa* – двор) – группа влиятельных придворных. Термин вошёл в обиход при испанском короле Фердинанде VII, в царствование которого его приближённые, фактически правившие страной, стали заседать в небольшой комнате – преддверии более обширного королевского помещения. Придворная клика при Фердинанде VII и ряде других испанских королей представляла интересы реакционного дворянства и духовенства и использовала своё положение в корыстных целях. Слово «камарилья» стало нарицательным.

**Богота, Санта-Фе-де-Богота (*Bogotá, Santa Fé de Bogotá*) – столица Колумбии.

***Эксальтадос (*исп.* *exaltados*, буквально – восторженные) – испанская партия левых либералов, действовавшая во время революции 1820–1823 гг. (её приверженцев называли также новыми либералами). Объединяла буржуазные и мелкобуржуазные элементы города, часть офицерства, чиновничества и дворянства. Лидерами эксальтадос были Флорес де Эстрада, Морено Герра, Ромеро Альпуэнте, Р. Риго-и-Нуньес. Многие эксальтадос являлись членами масонского ордена.

во «модерадос»* пало. В Урхелле было учреждено абсолютистское, бескомпромиссное «апостолическое» регентство. Король только и хотел, что напугать Европу. На Веронском конгрессе Шатобриан говорит о необходимости интервенции в Испанию. «Сто тысяч сынов святого Людовика» пересекают Испанию. Генералы уклоняются от сражения. Фердинанд, восстановленный во всех своих

Их крайне левая часть обособилась вскоре в самостоятельную организацию комунерос. Образовав 5 августа 1822 г. правительство, эксальтадос добились принятия предлагавшегося ими закона об отмене сеньориальных прав (май 1823), но не смогли провести его в жизнь вследствие начавшейся французской интервенции. Правительство эксальтадос вместе с частью Кортесов и фактически пленённым ими королём Фердинандом VII переехало на о. Леон, где и капитулировало 30 сентября 1823 г. С началом революции 1834–1843 гг. значительная часть бывших эксальтадос вошла в прогрессистскую партию.

*Модерадос (*исп. moderados*, буквально – умеренные) – испанская партия правых либералов, объединявшая часть дворянства и буржуазии в 1820–1868 гг. Образовавшееся во время Испанской революции, правительство модерадос (март 1820 – август 1822 гг.) декретировало ряд реформ (ликвидацию майоратов, закрытие части монастырей и др.), но проявило нерешительность в борьбе со сторонниками абсолютизма и вынуждено было уступить власть левым либералам (эксальтадос). После начала Карлистской войны регентша Мария-Кристина передала власть (15 января 1834 г.) руководителю правых либералов Ф. Мартинесу де ла Роса, который в апреле 1834 г. издал Королевский статут – консервативную конституцию, воплотившую в себе политические идеалы модерадос. Развитие народного движения привело в сентябре 1835 г. к отставке правительства модерадос. В июле 1843 г. лидер модерадос Р. М. Нарваэс совершил контрреволюционный переворот, положивший конец Испанской революции 1834–1843 гг. С началом в Испании революции 1868–1874 гг. партия модерадос прекратила своё существование.

правах, полностью отменяет либеральное законодательство.

С 1823 по 1833 год разворачиваются события «позорного десятилетия» (так называли это время либералы). Риго и его соратники были казнены. В 1825 году был расстрелян чрезвычайно популярный в народе партизан Эмпесинадо, в 1826 году – Басаны, в 1831 году – Торрихос и Мариана Пинедо, которая вышла замуж с девизом «Закон, Свобода, Равенство» по поручению деятелей, готовивших восстание против правительства Фердинанда VII. Однако сторонники абсолютизма, которые были недовольны, несмотря на происходившие события, начали организовывать банды. Свои надежды они связывали с доном Карлосом, братом короля. В 1830 году у Фердинанда рождается дочь от его третьей жены – Марии-Кристины. Сторонники дона Карлоса, не желая допустить наследования престола по женской линии, ссылались на традиции Бурбонов и на «Салическую правду». Чтобы обеспечить будущее своей дочери, Фердинанд пошел на некоторые уступки либералам. Давление власти на общество несколько ослабевает, финансы и экономика выправляются. Но после поражения при Аякучо (1824 г.) пал последний оплот испанского владычества на американском континенте; колонии были фактически потеряны для Испании.

Б) *Эра пронунсиаменто** (1833 – 1875). С 1833 по 1840 год Мария-Кристина правила Испанией от имени своей дочери Изабеллы II. В то же время

*Пронунсиаменто, пронунсиамьенто (исп. *pronunciamento*) – в Испании и странах Латинской Америки название государственного военного переворота.

дон Карлос был провозглашен королем своими сторонниками. Семь лет продлится первая Карлистская война, которая затронет в основном север Испании, а также Наварру, Каталонию, Валенсию. Мадрид лишь однажды подвергнется угрозе — в 1838 году. Однако у регентши были и другие заботы. Поневоле вынужденная искать поддержки либералов, Мария-Кристина предпочитала иметь дело с модерадос; оппозиция набирала силу. В 1835 году разразившаяся в Мадриде эпидемия стала поводом для бунта народа против монастырей. Мартинес де Ла Роса* был вынужден уступить власть Торено, а затем банкиру Мендисабалю, способствовавшему триумфу антиклерикализма. В 1836 году в Ла Гранхе унтер-офицеры заставили регентшу принять Кадисскую конституцию. В 1837 году ей удалось заменить эту конституцию более умеренным «статутом». В 1839 году, когда война, казалось, закончилась благодаря Вергарскому согла-

*Мартинес де Ла Роса (Martínez de La Rosa) Франсиско (1787–1862) — испанский политический деятель, историк, поэт и прозаик. Участвовал в Испанской революции 1808–1814 гг.; в 1813 г. был избран председателем Кортесов. После восстановления абсолютизма (1814) был арестован, а затем сослан в Африку. Во время Испанской революции 1820–1823 гг. Мартинес де Ла Роса, вернувшийся в Испанию, примкнул к правым либералам (модерадос). В марте — июле 1822 г. был главой конституционного правительства. В 1823–1831 гг. жил во Франции. В 1834–1835 гг., возглавляя испанское правительство, ввёл консервативную конституцию (Королевский статут 1834 г.), по существу, сохранявшую полноту власти за регентшей Марией-Кристиной. Был вынужден выйти в отставку в связи с массовыми выступлениями, направленными против проводимой им политики. Был министром в кабинете Р. М. Нарваэса (1845–1846).

шению между Эспартеро* и карлистом Марото, регентша могла считать, что укрепила свою власть. Но «прогрессист» Эспартеро выступил против нее. Регентша была вынуждена отправиться в изгнание во Францию, а генерал Эспартеро, «граф Победы», был назначен регентом.

1840–1843. Популярность регента была недолгой: он подпал под влияние «камарильи». Восставшие генералы были расстреляны, мятеж в Барселоне сурово подавлен. С тех пор его стали называть «аякучо», намекая на поражение в Америке. В 1843 году в городах начались волнения: из изгнания возвращались модерадос (генералы Нарваэс и Конча). Эспартеро отправился в Лондон, по дороге разгромив Севилью.

1843–1854. Изабелла была объявлена совершеннолетней, и этим сразу воспользовались модерадос в борьбе с прогрессистами. Гонсалес Браво, а затем Нарваэс создали такие инструменты власти, как «гражданская гвардия» (1843) и Конституция 1845 года, дающая широкие полномочия исполни-

*Эспартеро (Espartero) Бальдомеро (1793–1879) – испанский военный и государственный деятель, генерал. С 1808 г. участвовал в военных действиях против французских оккупантов. В 1815–1823 гг. действовал против повстанцев в южно-американских колониях Испании. Во время Первой карлистской войны командовал правительственными войсками. В политической борьбе выступал как лидер прогрессистов. В сентябре 1840 г. при поддержке революционных хунт стал главой правительства, а в мае 1841 г. был избран Кортесами единоличным регентом королевства. В июле 1843 г. смещен в результате восстания под руководством генерала Нарваэса, после чего жил в эмиграции в Великобритании (до 1848 г.). Во время революции 1854–1856 гг. снова возглавлял правительство.

тельной власти. В результате кровавого подавления Нарваэсом антиправительственных выступлений 1848 года революция была отсрочена. В 1847 году на сцену вновь выходят «герильи» карлистов.

Вопрос о свадьбе королевы стал международной проблемой и создал щекотливую ситуацию в европейской политике, угрожавшую омрачить взаимопонимание с партнерами по союзу, Англией и Францией. Эта проблема была решена благодаря тому, что в мужья Изабелле дали наиболее слабого, незначительного претендента – Франсиско Асисского, герцога Кадисского, брата герцога Севильского. Вскоре пристрастие королевы к молодым фаворитам сделало его всеобщим посмешищем. Один политический скандал следовал за другим, так, встал вопрос об источнике огромного состояния финансиста Саламанки, всплыли факты, свидетельствующие о коррумпированности министра Сарториуса. Нарваэс был отстранен от власти в 1851 году. В этой обстановке нравственного разложения власти прогрессисты и модерадос, генералы и политики осуществили «пронунсиаменто»: речь идет о «викальвараде» 1854 года (при Викальваро произошло одно из основных сражений, ознаменовавших пронунсиаменто). Взошла звезда генерала О’Доннелла; к власти вновь пришел Эспартеро.

1854–1868. Этот дуумвират просуществовал недолго. Королева отстранила от власти и О’Доннелла, и Эспартеро, так как те не справились с народными волнениями в Андалусии. С 1856 по 1868 год на политической арене сменяли друг друга Нарваэс во главе модерадос и О’Доннелл во главе левоцентристов и «Либерального союза». Зарождаются демократические партии; среди их лидеров необходи-

мо назвать республиканцев де Кастелара и Сальмерона, «федералиста» де Пи-и-Маргалля. События за рубежом (в Марокко, Чили, Мексике) выводят на сцену истории других генералов: Серрано и Прим. За четыре года Прим объявил семь пронунсиаменто, действуя в духе прогрессистов. Власть слаба. В 1868 году умирают Нарваэс и О'Доннелл. Королева, чья бурная личная жизнь стала достоянием общественности, была единодушно признана «несносной». Гонсалес Браво, пытавшийся пресечь волнения в обществе, стал одиозной фигурой. В сентябре 1868 года флот, гарнизоны, местные «хунты» провозглашают основные демократические свободы и всеобщее голосование. Серрано, встав у руля революции, разбивает королевские войска. Королева находит убежище во Франции.

1868–1875. Серрано и Прим, возглавившие временное правительство, созывают Кортесы. Они прошли блестяще: была разработана новая конституция, очень демократичная, но при этом монархическая. Теперь трудность состояла в том, чтобы избрать короля. В тот день, когда Амадей Савойский, сын итальянского короля, прибыл в Испанию, дабы взойти на трон, был убит генерал Прим (30 декабря 1870 года). Король попал в трудную ситуацию, усугублявшуюся соперничеством Сагасты и Руиса Зорриллы, возобновлением карлистской войны и социальными волнениями, связанными с Интернационалом. Амадей подвергался атакам со стороны республиканцев слева, сторонников Изабеллы и карлистов справа; все это быстро ему надоело. В феврале 1873 года он отрекся от престола, и была провозглашена республика. Был выбран курс на федерализм, каталонец Пи-и-Маргалль стал президентом.

Но под влиянием анархии федерализм превратился в «кантонализм»; «коммуны» заявили о своей независимости. Пи не стал свирепствовать и вышел в отставку. Сальмерон также не хотел прибегать к крайним мерам, например к смертной казни. Его сменил Кастелар, проводивший жесткий курс на централизацию. Но было уже слишком поздно. 3 января 1874 года генерал Павия силой разогнал Кортесы. Временная диктатура подготовила почву для Реставрации; королем был провозглашен сын Изабеллы Альфонс XII, прибывший из Англии в сопровождении опытного наставника Кановаса дель Кастильо, «либерального консерватора».

В) *Реставрация (1875–1917)*. Мы рассмотрим период Реставрации вплоть до 1917 года, который открывает современную кризисную эпоху. Этот период характеризуется «turno político»: у власти сменяли друг друга представители двух больших партий – консервативной и либеральной. Существовала и оппозиция, которая, впрочем, практически не имела реального влияния; в оппозиции находились карлисты и республиканцы.

1875–1885. Карлистская война завершилась, конституция предоставила власть на местах «касикам»*, в правительстве сменяли друг друга пред-

*Касик (*исп.* casique, заимствование из языка индейского племени араваков) – индейский вождь в Мексике, Вест-Индии, Центральной Америке (до испанского завоевания). В Латинской Америке и Испании касиками называют влиятельных политиков из помещиков, буржуазии, военных, получивших власть в определенных районах страны. Система управления, при которой центральное правительство осуществляет свою власть на местах при помощи касиков, получила название касикизма.

ставители двух основных партий. Кановас, несомненно, был великим человеком: после шести беспоконных лет революционного периода ему удалось дать Испании либеральную систему, которая хотя и не была демократической, но отличалась стабильностью и долговечностью. В 1885 году молодой король умер. Королева ожидала сына и стала регентшей.

1885–1902. Две доминирующие партии заключили перемирие, и либерал Сагаста встал во главе правительства. Скромность и чувство собственного достоинства, присущие Марии-Кристине, были признаны единогласно, но это не смогло предотвратить катастрофу. Испании не удалось помешать провозглашению независимости Кубы и восстанию на Филиппинах, а вмешательство Соединенных Штатов продемонстрировало, насколько слаба Испания на самом деле. Бесславный конец колониальной империи в 1898 году спровоцировал оппозицию интеллектуалов, а также населения активных районов страны (Каталонии и Страны Басков) в целом. Наступало время больших перемен.

С 1902 по 1917 год (в это время правил Альфонс XIII) напряжение в обществе росло. Консерватор Антонио Маура был масштабной фигурой, но он сумел настроить всех против себя. Либерал Морет, сменивший Мауру на посту премьер-министра, довольствовался тем, что плел мелкие интриги. Наиболее серьезные проблемы были в Каталонии: в рабочей среде здесь пользовался популярностью анархизм, а в среде интеллектуалов и буржуазии – регионализм. В 1906 году на выборах дала себя знать организация под названием «Ката-

лонская солидарность»; в 1909 году общая оппозиция против марокканской войны нашла ярчайшее выражение в так называемой «трагической неделе» в Барселоне, когда народные массы выступили против решения правительства послать части резервистов для обороны города Мелилья. Глубокая антипатия к армии и политике правительства в Марокко смешалась с социальным протестом и антиклерикальными чувствами значительной части жителей Барселоны. Ввиду яростной кампании, развязанной против Маура, Альфонсу XIII не оставалось ничего другого, как пожертвовать этим консервативным политиком. Его сделали ответственным за казнь анархиста Франсиско Феррера, который без достаточных оснований был признан зачинщиком насильственных действий во время «трагической недели». В итоге пост премьер-министра занял либерал Хосе Каналехас. С 1910 по 1912 год Каналехас предпринимал энергичные действия по разрешению марокканской проблемы, ограничению влияния духовенства, созданию органа частичной автономии — «Каталонского сообщества». Но Каналехас пал жертвой анархиста. На посту премьер-министра сменяли друг друга Романонес, Гарсия Прието, соперник Мауры Дато. Затем началась война в Европе. Германофилы и те, кто поддерживал союзников, выступили друг против друга (и это помимо вечного противостояния правых и левых, сторонников авторитаризма и либералов). Испании удалось сохранить нейтралитет, однако повышение цен и возросшая роль индустриальных масс привели к тому, что в 1917 году разразился серьезный кризис, ставший лишь первым эпизодом в серии беспорядков.

2. Политическая жизнь Испании XIX века. Колеблющееся, раздробленное испанское общество XIX века практически не было вовлечено в политическую жизнь. В XX веке ставки возрастут, и массы будут втянуты в политику в большей степени. Но установившаяся практика будет все еще сильна, поэтому стоит с ней ознакомиться.

Монархи не справились с ведущей ролью, доставшейся им в 1813 году.

Фердинанд VII на всю жизнь остался тем жалким интриганом, каким он был в 1808 году, игрушкой в руках бестолковых советников, трусливым, жестоким и мстительным правителем. *Мария-Кристина* обладала иными личными качествами, но будучи вынужденной придерживаться либерального курса, она не была искренней со своими сторонниками. Кроме того, она была мишенью для злословия карлистов: ее морганатический брак с унтер-офицером королевской лейб-гвардии Фернандо Муньосом, которому впоследствии был дан титул (в этом браке родилось семь детей), делал ее прекрасным объектом для эпиграмм. *Изабелла* была еще худшей правительницей: это была двуличная особа, постоянно смещающая и назначающая министров. Своими скандальными связями она давала карлистам и республиканцам еще больше поводов для негодования или насмешек, нежели ее мать. Не оправдавшая надежд революция заставила испанцев оценить мудрость *Альфонса XII* и достоинство, с которым держала себя вторая регентша, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы монархия была избавлена от колониальной катастрофы. Наконец, *Альфонс XIII*, личность более сильная, своим престижем был обязан молодости, иронии, немного

театральному испанскому «пуризму». Однако он предпочел власть делу и «тайны» ответственности. После 1920 года была установлена конституция: как когда-то его бабушка, он стал «невыносим» для испанского народа.

Итак, в то время как монархисты были загипнотизированы предлагаемым карлистами решением, данная ветвь испанского королевского дома не смогла завоевать того уважения народа, которое обеспечило стабильность монархии в Англии или Швеции. В Испании же, где один кризис сменял другой, никак не могла установиться общественная стабильность – признак общности интересов.

Конституции и парламентаризм. Демократическая традиция тоже установилась не сразу. Конституции, вызвавшие энтузиазм определенной части общества (это конституции 1812 и 1869 годов), фактически остались на бумаге: они имели реальную силу лишь в очень короткие промежутки времени. Другие конституции (1834, 1837, 1845, 1856 годов) были лишь компромиссом. Конституция 1876 года была наиболее долговечной и просуществовала вплоть до 1923 года (в 1890 году в нее было внесено положение о всеобщем голосовании). Но парламентаризм в том виде, в каком он сложился к этому времени, не мог способствовать разрешению основных проблем, так как был мало связан с реальной жизнью страны.

Это не значит, что парламентская система противоречила духу испанского народа; испанская элита была даже увлечена конституционными идеями. И ораторский талант, от пышной манеры Мартинеса де Ла Росы до пылкого стиля Кастелара, вызывал у нее больше восторгов, нежели талант собственно административный. Более широкие общественные слои

были не менее увлечены речами депутатов: на парламентские заседания приходили как на спектакль.

XIX век был щедр на представления, причем не столько на драмы, сколько на комедии – заговоры, интриги, коррупцию. Коррупция редко была связана с именами крупных политиков. Но их приверженцы далеко не всегда были чисты: скандалы часто затрагивали администрацию больших городов. В эпоху Реставрации политическое «turno» привело и к чередованию тех, кто занимал выгодные административные посты, которые сложно назвать иначе, нежели синекурами. Государственная служба стала восприниматься не как профессия, а как бенефиций. В народе политику сравнивали с котлетой: каждая сторона в свою очередь должна подрумяниться на огне. Юмористы описали общественный тип «cesante» – отстраненного от должности чиновника, который ждет возвращения «своих», шагая взад и вперед по площади Пуэрта дель Соль в Мадриде. В провинции активная политическая роль принадлежала «касику», который управлял маленьким городком или поселком и своим положением был обязан скорее традиции (должность касика нередко была наследственной), нежели заслугам перед обществом. В Андалусии он распределял работы, был агентом земельных собственников. Выборы на должность касика были лишены смысла: здесь нет конкуренции, а есть договор или мошенничество. Избиратели не могут контролировать результаты выборов. Кортесы превратились в клубы, где академические дискуссии сменялись спорами о бюджете и таможне. Власть творит беззаконие, которое Унамуно считал естественным образом управления Испанией, который сверху умеряется

«пронунсиаменто», а снизу — анархией. Это, конечно, шутка, но она объясняет, почему и сегодня Испания меньше рассчитывает на короля или парламент, чем на армию и революцию.

«Пронунсиаменто». Отсутствие настоящих проблем в области внешней политики, нерегулярный характер комплектования армии, необученные войска — все это долгое время мешало Испании создать народную армию. Офицеров было больше, чем солдат, обычных войск меньше, чем войск особого назначения. Однако карикатурной такую армию назвать было нельзя. 1808 год, карлистская война, военные действия против повстанцев в колониях — все эти события, в которых была задействована армия, закалили ее дух. Но прежде всего армия была решающей силой при разрешении внутренних конфликтов. Не будучи народной, армия являлась силой, способной изменить политический курс. Периодически повторялась классическая схема. Изгнанники, тайные общества, а иногда и действующие в пользу иностранных держав интриганы, поддерживаемые частью общества и знающие, что легальные возможности влияния на политическую ситуацию в Испании ликвидированы правительством, выбирают военачальника из тех значительных лиц, которые находятся в изгнании или по крайней мере в опале. Переворот начинается в порту, где происходит высадка военачальника, или в одном из отдаленных районов страны. Войскам, покинувшим казармы, читается манифест. Начинаются аресты, власть меняется. В посланиях или телеграммах, отправленных в другие (предварительно обработанные) гарнизоны, новые власти требуют высказываться в том же духе. Мад-

рид объявляет, что держит ситуацию под контролем (действительно, насчитывается всего семь или восемь победивших пронунсиаменто на десятки неудавшихся). Но, если заговор назревал давно, то сопротивление властей оказывалось недолгим. Пронунсиаменто никогда не перерастало в гражданскую войну. Только в 1936 году ситуация изменилась коренным образом.

Но пронунсиаменто вовсе не походили на комедийные перебранки. Мучительную смерть у столба принимали многие десятки людей. Месть часто принимала изуверский характер: в 1836 году был убит генерал Кесада, противостоявший «бунту милиции». Ему отрубили пальцы и принесли их в «Кафе Нуэво», где его враги помешивали ими пунш, как ложками.

Придерживались ли участники этой жестокой борьбы каких-либо конкретных политических убеждений? Сначала молодые офицеры считали себя либералами, масонами, новаторами. Позже их увлекут авторитарные вожди, как, например, Нарваэс. Героем XIX века станет «народный генерал», демократ или тот, кто считает себя таковым. В 1868–1873 годах происходит поворот: перед лицом новой идеологии интеллектуалов и революционной воли народа армия начинает все больше и больше стремиться к «порядку» – моральному и социальному. Однако эта тенденцию нельзя назвать безоговорочной. Воспоминания и традиции (в частности, масонские) сделали возможным республиканское пронунсиаменто 1930 года, а военное восстание 1936 года показалось многим испанцам привычным государственным переворотом, направленным «против беззакония». Иллюзия не продлилась долго, армия заняла отныне прочное место в обществе.

Но традиция «пронунсиаменто» во многом сформировала облик Испании.

Гражданские войны и мятежи. Народные волнения также были привычным делом. Среди них можно выделить карлистские войны; их психология отличается теми же особенностями, что и восстание 1808 года. Проповедь католичества и защита абсолютизма духовенством и местной администрацией носили все тот же характер демагогии, связанной с защитой региональных «фуэрос» и сельских общин. Из трех очагов карлизма (я имею в виду Страну Басков, Наварру и Верхнюю Каталонию) на сегодняшний день два привержены идее демократической автономности: это ведь о чем-то говорит? В любом случае карлистские войны предвещали 1936 год: было несколько карлистских войн: деревни восставали, непримиримая ненависть разделяла семьи, определенную роль играли военные и духовенство.

Совсем иными были волнения в Андалусии. Нищета и любовь андалусских крестьян к земле объясняют периодическое обращение к вековым традициям: переделу собственности, нелегальной вырубке леса, поджогам ферм, убийствам «касиков», представителей власти. Крестьянские восстания 1856, 1861, 1873, 1876, 1892 годов подготовили почву для так называемого «коммунистического» восстания 1917–1919 годов.

Городские же мятежи предшествовали созданию партий и синдикатов. Взрывы народного гнева в 1827, 1835, 1840–1842, 1871–1873, 1909 годах демонстрируют все те тенденции, возникновение которых часто несправедливо приписывается «пропаганде»: в 1830–1840 годы в Барселоне сурово подавляются антиправительственные выступления;

в 1842 и 1873 годах здесь выделяются партикуляристские тенденции «федерализма» и кантонализма; наконец, с 1835 по 1909 год предпринимаются атаки на монастыри и религию. Народ возводил на церковь и мифические, и реальные обвинения (к первым относятся обвинения, выдвинутые в связи с мадридской холерой, ко вторым – обвинения в содействии репрессиям и контрреволюции). Используя старые методы, «красная Испания» выступала против «черной Испании» антиеретических кампаний и карлистских войн.

Чтобы понять атмосферу 1930–1939 годов, не следует игнорировать эти городские путчи, аграрные мятежи и сочетание ораторского и юридического парламентаризма с государственными переворотами. В XX веке ростки борьбы станут еще более ядовитыми. Между 1814 и 1917 годами обострятся основные проблемы Испании.

IV. Фундаментальные проблемы

1. Демография и экономика. Следует отличать трудности, которые испытывала Испания в XIX веке, от ее упадка в XVII веке. В XIX столетии Испания не переживала человеческих потерь; это была трудная адаптация к постоянному демографическому росту. В 1808 году население Испании составляло около 11 миллионов человек, в 1857 году – уже 15,5 миллиона, в 1900 году – 18,5 миллиона, в 1935 году – 24 миллиона. Для такой бедной страны, какой была Испания, эти темпы были очень высокими. В XX веке Испания достигла *критического уровня плотности населения*, который потребовал внедрения новых технических и экономических подходов. Возможные ме-

тоды адаптации – интенсивное развитие сельского хозяйства, индустриализация, империализм – требовали капиталов, духа предприимчивости и колониальной базы, то есть тех элементов, которых Испания лишилась во время кризиса начала XIX века. Адаптация шла *неравномерно*: развитие капитализма натолкнулось на материальные, юридические, психологические препятствия, которые ставила перед ним аграрная Испания. Чтобы выжить, испанская экономика должна была прикрыться политикой протекционизма, который тяжело сказывался на сельском большинстве. Эта проблема не имела тяжелых последствий, так как аграрный прогресс предшествовал демографическому росту: в первой трети века площадь обрабатываемых земель возросла с 3 до 5 миллионов гектаров; в 1829 году Испания была экспортером зерна. Однако тот факт, что проблема так и не была решена, впоследствии даст о себе знать.

2. Проблемы в области сельского хозяйства.

А) *Техника и ведение сельского хозяйства.* На сухой земле Испании (плато и впадины) практиковался только экстенсивный метод ведения сельского хозяйства – стихийное «dry-farming»*, соответствующее климату. Однако при таком методе обработки земли урожай получали не каждый год, и урожайность земель оказывалась минимальной. Кроме того, здесь долго господствовало животноводство. Когда зерновые культуры распространились на большие площади, сыграл свою роль закон понижения урожайности. В конце концов, когда

*Безырригационная обработка земли, сухое земледелие (в засушливых районах).

стали использовать удобрения и ситуация отчасти выправилась, нижний предел урожайности зерновых составлял 9 ц/га! Распашка нови стала бессмысленной. Единственные успехи, достигнутые испанским сельским хозяйством, состояли в *локализации, интенсификации и специализации* средиземноморских культур. Но для закрепления успеха в Арагоне, на юго-востоке, в Андалусии была необходима ирригация, требовавшая проведения *обширных работ*.

В данной области капитализм XIX века не сделал больших успехов. А пытался ли он оживить пустыню? Рентабельность подобных попыток проявлялась далеко не сразу. Урхелльский канал, построенный около 1860 года, волшебным образом преобразил весь регион, но это произошло с таким большим опозданием, что вкладчики этого предприятия испытали разочарование. Напротив, на юго-востоке Испании, густонаселенном и плодородном, но с более непостоянным климатом, обширные работы (водохранилище города Лорка, позже компания «Риегос де Леванте») принесли солидную прибыль: *вода продавалась здесь с публичных торгов*. В случае засухи крестьянам грозило разорение.

Из этих неудач были сделаны выводы в пользу вмешательства государства, способного воскресить в национальных масштабах и с помощью современной техники старую «гидравлическую общину», членам которой бесплатно гарантировалась справедливо распределяемая вода, и погасить стоимость работ. Эта «гидравлическая политика» (настоящий социализм) имела своего защитника – Хоакина Косту, арагонского трибуна, который произносил довольно путанные речи, но, несомненно, был одним из

лучших умов «поколения 1898 года», выступавшего за возрождение Испании. Но, увы, государство было бедным, а местные интересы и коррупция грозили концессиям и предприятиям. Так провалился «план Гассета» 1902 года (инженер предложил построить плотины на каждом тесном участке реки!). Так что же! Ведь «гидравлическая политика» стала неотделима от всего нового. Ее продвижение означало настоящую революцию. Но она столкнулась с *социальным фактором*.

Б) *Аграрные проблемы*. В XX веке сельскохозяйственный уклад старой Испании не уступил место более сбалансированным решениям. Старые привычки оказывали свое воздействие: в Арагоне, Андалусии, Эстремадуре психология феодализма пережила его юридическую ликвидацию. Еще в XX веке в Галисии продолжали взимать «цензы» и «форо» с таких маленьких хозяйств (минифундий), что семья просто не могла выжить.

В социально более устойчивой Каталонии также возникали сельскохозяйственные проблемы. Старый виноградарский договор «*rabassa morta*»* удерживал фермеров на их участках земли в течение веков: «*rabassa morta*» представляла собой форму долгосрочной аренды. Крестьяне-арендаторы («рабасеры») возделывали виноград на окраинах некоторых крупных владений. Они имели право пользоваться арендованными участками до тех пор, пока не отмирала посаженная ими виноградная лоза. Однако эпидемия филлоксеры, свирепствовавшая с конца XIX века, вынудила сажать другие, не подверженные болезни сорта винограда, которые жи-

* «Мертвая виноградная лоза».

вут около двадцати пяти лет. Теперь «рабассеры» стали стремиться приобрести эти земли в собственность. В борьбе за землю столкнулись объединения земельных собственников и союзы фермеров-рабассеров (1890, 1920, 1934 годы были отмечены кризисами), причем каталонская политика во многом зависела от развития ситуации.

Наконец, на всем юге Испании встала проблема «латифундий»: усилия, предпринятые в XIX веке для установления аграрного индивидуализма, не дали хороших результатов. Внешне феномен «дезамортизации» собственности был одним из великих достижений века: продажа церковной собственности, освобождение от выплаты ценза и ренты и тому подобные мероприятия между 1821 и 1867 годами принесли 2 миллиарда 700 миллионов песет. Но непоследовательность политики (законы 1821, 1835, 1854 годов, пересмотренные в 1823, 1845, 1856 годах), бедность крестьян, испанские традиции не позволили ни создать крупные и хорошо управляемые хозяйства английского или прусского типа, ни удовлетворить требования крестьянства, как это произошло во Франции. Наряду с латифундиями знати возникли латифундии спекулировавших на «дезамортизации» дельцов. Аграрная структура не изменилась.

Итак, в начале XX века 50% всей площади земельных владений принадлежали 10 000 семей. Максимальная протяженность владений не была такой уж большой (в Кадисе площадь в 30 000 га делили 10 землевладельцев). «Латифундиями» считали земли, площадь которых превышала 250 га, и далеко не всегда это были плохие почвы. 3% собственников владели 67% виноградников Хереса. В богатых об-

щинах (Кармона, Эсиха, Утрера, Севилья) от 45 до 81% земель входили в большие поместья. Но даже эти земли эксплуатировались *экстенсивно*. Необработанные земли, охотничьи угодья, пастбища для разведения боевых быков, посадки пробковых дубов, оливковых деревьев, поля зерновых – эта иерархия не воспроизводилась в Андалусии. Герцоги Медина-сели долгое время отводили под охотничьи угодья 15 000 га из 16 000 га хорошей земли, герцоги Альба отдавали в наем за 25 песет фанегу* земли, которую откупщики в свою очередь сдавали в аренду за 60 песет. Таким образом, капитал ни инвестировался, ни накапливался. Гектар орошаемой земли приносил в двадцать раз больше, чем гектар земли, где практиковалось сухое земледелие. Но он стоил в семь раз дороже и требовал больших капиталовложений: интенсификация не производилась из-за латифундий.

Конечно, эта проблема носила социальный характер. Большую часть населения Андалусии составляли «брасерос» – батраки, у которых не было ничего, кроме их рук. С 1900 по 1930 год их заработок составлял 3 песеты в день, причем от ста до ста пятидесяти дней в году у них не было работы. Они жили в поселках, в которых насчитывалось от 10 до 15 000 душ; их нанимали для сезонных работ в усадьбах. Рождаемость была высокой, уроженцы Андалусии мало эмигрировали; как результат – перенаселение, нищета, недоедание. Считается, что этому слою испанского населения свойственна «пассивность». Но эта пассивность не была продолжительной: настал период крестьянских восстаний и взрывов народного гнева.

*Фанега (*исп. fanega*) – мера земли в Кастилии, равная 64,5 га.

Этот феномен затронул треть Испании, в том числе и ту часть страны, которая когда-то была ее цветущим уголком. Миллионы людей, которые мало производили и *мало потребляли*, были мертвым грузом для национальной экономики и представляли собой опасность для общественного равновесия. Испанские власти долгое время отказывались признать существование этой проблемы, но затем им пришлось приступить к изучению вопроса. Но «Институт социальных реформ», основанный в 1902 году, был создан только для исследования проблемы. Предпринятые им реформы оставались всего лишь *экспериментом*. Четкого плана преобразований не было вплоть до 1931 года. И в 1917 году на юге начались сильные волнения крестьянства.

3. Индустриализация и оборудование. Что касается развития испанской промышленности, то ему способствовали такие благоприятные факторы, как наличие рудников и рабочей силы. Но в Испании не было капитала, необходимого для развития тяжелой промышленности, и достаточного рынка сбыта для отраслей промышленности, выпускающих предметы потребления. Эти два факта имели тяжелые последствия. •

А) Эксплуатация рудников, промышленное оснащение и тяжелая промышленность либо развивались с опозданием, либо оказались в руках иностранцев.

Рудники повысили свою производительность в три раза между 1830 и 1856 годами, а затем между 1860 и 1900 годами. С 1864 по 1913 год добыча железной руды увеличилась с 280 000 до 9 860 000 т, меди – с 213 000 до 2 268 000 т, угля – с 387 000 до 3 700 000 т. Но слабые испанские компании плохо справлялись с

эксплуатацией рудников. Доля иностранного капитала превысила долю испанского (в 1920 году их соотношение составило 667 миллионов песет против 605 миллионов). Иностранный капитал сосредотачивался на крупных предприятиях: бельгийцы вкладывали деньги в Королевские Шахты Астурии, французы – в компанию Пеньярройя, англичане – в компании Орконера, Тарсис и особенно в Рио-Тинто: рудники Рио-Тинто были куплены в 1873 году за 93 миллиона песет, а в 1921 году капитал предприятия составил 337 миллионов. Естественно, иностранцы в основном развивали экспорт сырья, что обходилось им весьма дешево. Страна не получала от этого никакой прибыли.

Производство оборудования (машин, транспорта, моторов) сталкивалось с теми же проблемами. В капиталистической Европе Испания попала в замкнутый круг, в котором оказываются все бедные и отсталые страны: чтобы стать богатой страной с развитой промышленностью, Испании нужно было оборудование, но для получения оборудования нужны были значительные средства. Превосходное заключение о первых железнодорожных концессиях представили инженеры ведомства мостов и дорог в 1840 году: нельзя рассчитывать на строительство железной дороги на общественные средства; напротив, строительство железной дороги будет способствовать появлению общественных средств. Согласно этой позиции, промышленное оснащение – это первичное явление экономического цикла. Но суждения подобного рода опередили свое время. Концессии получали иностранцы (прежде всего братья Перейр). Государство не могло придумать ничего, кроме географического абсурда – железнодорожной сети в виде звезды вокруг Мадрида. Поз-

же она придет в негодность. Испания до сих пор страдает из-за этих допущенных вначале ошибок.

Зарождение тяжелой промышленности и вторая фаза производства оборудования должны были подтвердить сложившееся положение вещей между 1910 и 1920 годами.

Вместо того чтобы поддерживать железные дороги, автомобильная промышленность стала конкурировать с ними в своем стремлении к рентабельности. Что касается электропромышленности, то были спешно построены большие электростанции в Пиренеях, конкурировавшие друг с другом. Впоследствии они объединились в трест под патронажем «Ла Канадиенсе» («Барселона Тракшн», «Пауэр энд Лайт Си»). Появились и другие тресты: «Пирелли», «Сименс», «Л'ИГ Фарбен»; подобный же раздел сфер влияния произошел и в отношении добычи калийных солей в Сирии.

Итак, на Испанию легла бременем такая система промышленности, которая была довольно продуктивной, но при этом не была национальной и лишь усиливала контраст между промышленными и аграрными регионами (последние занимали большую часть испанской территории).

Б) *Легкая промышленность* между 1830 и 1890 годами с помощью национального капитала могла подхватить начинания XVIII века.

Так, в Каталонии зародилась текстильная промышленность; ее предприятия были связаны не столько органически, сколько географически: свою роль здесь играла сеть дорог, контролируемых Барселоной. Хлопчатобумажная промышленность использовала два миллиона стержней веретен, 50 000 ткацких станков. Производство шерсти и шерстяных изделий сосредоточилось в двух городах – Сабаделле и Таррасе.

Расцвело трикотажное производство, развивались кожевенная промышленность, производство бумаги, пробки, книгоиздательское дело, различные ремесла. В 1818 году население Барселоны составляло около 88 000 жителей, в 1860 году эта цифра возросла до 190 000, а в 1897 году – до 510 000. Промышленные показатели были средними, в производство вкладывались небольшие семейные капиталы.

Но так как эти капиталы были национальными, а эта отрасль промышленности, выпускающая предметы потребления, была фактически единственной в Испании, то каталонцы считали, что они развивают «национальное производство». Поскольку они не могли конкурировать с Англией, а колониальная политика Испании оставляла желать лучшего, то протекционизм становится для каталонцев доктриной, граничащей с религией. Гуэлль Феррер*, Бош Лабрус, президент «Общества развития национальной промышленности», были не менее выдающимися экономистами, чем Лист**.

*Гуэлль Феррер (Güell Ferrer) Хуан (1800–1872) – экономист, поборник развития национальной промышленности.

**Лист (List) Фридрих (1789–1846) – немецкий экономист, представитель политической экономии, выразитель интересов германской промышленной буржуазии. Один из организаторов «Всобщей ассоциации германских промышленников и купцов». Основная работа Листа – «Национальная система политической экономии» (1841), то есть система рекомендаций по экономической политике для развивающейся германской буржуазии. Он развил идею «воспитательного протекционизма», требующую активного вмешательства государства в экономическую жизнь. Лист стремился разработать теорию производительных сил, основной составной частью которых он считал «умственный капитал» (научные открытия, успехи в искусстве и т. д.), определяемый им как главный источник богатства нации.

У этой организации была своя пресса, ее представители занимали места в парламенте. Они не признавали экономическую политику Мадрида и хотели взять на себя управление испанской экономикой. Но против них выступали консервативно настроенные аграрии и либералы-англофилы, обличавшие индустриальный эгоизм Каталонии. Таким образом, на проблемы индустриализации влияли важные политические факторы – состояние внешней политики, регионализм, общественные движения.

4. Политические проблемы, возникшие в результате экономического развития Испании. А) Внешнеполитические и колониальные проблемы. Политически слабая Испания была лакомым кусочком для европейских держав. Война за «испанское наследство», интервенция 1823 года, «испанские браки», интриги вокруг Эспартеро и Нарваэса – вот лишь несколько эпизодов, свидетельствующих о соперничестве Англии и Франции из-за Испании. Англия способствовала провалу колониальной политики Испании, эксплуатировала испанские рудники и шахты, Кобден* всячески противодействовал политике текстильного протекционизма; следует также напомнить о навязанных Англией политических убеждениях

*Кобден (Cobden) Ричард (1804–1865) – политический деятель Великобритании, идеолог промышленной буржуазии, лидер фритредеров. Добивался отмены привилегий земельной аристократии; отстаивал систему неограниченной конкуренции, призванную обеспечить господство промышленной буржуазии внутри страны и завоевание внешних рынков.

Мендисабалья* и Эспартеро, сторонников свободной торговли. Испании удалось избежать роли зависимого государства, которую хотела ей навязать Португалия, но богатства Испании продолжали быть объектом иностранных интриг.

С другой стороны, восстановление колониального порядка казалось более чем сомнительным. Первая попытка такого рода датируется 1859 годом, место действия – Марокко. Но восстановление испанского господства в Марокко в полной мере так и не произошло. На конференции в Альхесирасе была предпринята попытка создания испанского Марокко в целях установления равновесия в мире, но усилия, которых потребовала от Испании оккупация Марокко, имели тяжелые последствия для внутренней политики страны (1909). Наконец в 1898 году были потеряны Куба, Пуэрто-Рико, Гуам** и Филиппины. Это проявление бессилия не оставило испанцев равнодушными. Коста требовал осуществления настоящей «африканистской политики», которая не ограничивалась бы военными играми. Кроме того, поражение 1898 года привело к образованию оппозиции

*Мендисабаль (Mendizábal) Хуан Альварес (1790–1853) – испанский политический деятель. В 1820 г. участвовал в восстании, возглавленном Р. Риго-и-Пуньесом. После поражения Испанской революции 1820–1823 гг. эмигрировал в Великобританию. Вернувшись в 1835 г. в Испанию после объявленной амнистии, стал одним из руководителей прогрессистской партии. В сентябре 1835 – мае 1836 гг. был премьер-министром Испании; вышел в отставку под давлением придворной камарильи, недовольной проводившимися им реформами (отменой майората, сеньориальных прав, распродажей церковных земель и др.).

**Гуам (Guam) – остров в Тихом океане, самый крупный в группе Марианских островов.

интеллектуалов. Оно имело также экономические последствия, так как лишило испанскую промышленность внешних рынков сбыта. Тем самым укрепились позиции протекционизма. Каталонцы, презиравшие Мадрид и его экономическую политику, ответственную за низкий уровень жизни аграрных регионов, усилили свои претензии на управление испанской экономикой; это было время, когда Прат де ла Рибя перевозил «империализм производителей» в работе под названием «Каталонская национальность». Время было сложное: в 1900 году, как и в 1640 и 1700 годах, политическая слабость центра привела к мятежу наиболее активных провинций.

Б) *Проблема регионализма.* Любопытно отметить, что движение испанских «народностей» пагубно сказалось на таком древнем и, казалось бы, крепком организме, каким было славное испанское единство. Однако общеизвестно, что монархия Габсбургов не сыграла той объединяющей роли, которая досталась французской монархии, а эпоха Кадисских Кортесов не приобрела значения, равного значению Французской революции 1789 года. Карлизм справа и федерализм слева усиливали центробежные тенденции XIX века. Более того, в конце века регионы дружно попытались утвердиться в качестве «наций».

Баскский национализм особенно проявился в XX веке, но своими корнями он уходит в XIX столетие: его зарождение связывают с именем Сабиньо Араны. Баскское движение началось в Бильбао, и это позволяет считать его не столько наследием древнего «фуэризма», сколько реакцией процветающего региона на политическую зависимость от экономически отсталого центра.

Каталонское националистическое движение, зародившееся раньше и принявшее более угрожающий характер, еще в большей мере подпадает под это определение. Каталонский национализм начался вполне невинно и походил на движение фелибров*. Каталонский язык вновь обрел статус литературного языка между 1833 и 1850 годами с появлением «Оды к Родине» Арибау, стихотворений Рубио-и-Орса, «Цветочных игр». Исторические труды Бофарулля, Мила-и-Фонтанальса, Балагера сделали каталонскую старину модной темой. Появились великие каталонские поэты: Вердагер, позже Маргалль. Возникает вопрос: как это интеллектуальное движение, литературная значимость которого не превосходит той, что признается за движением французских фелибров, смогло подчинить себе *театр, прессу, различные ассоциации* и в конечном итоге весь народ? Почему это движение, изначально бывшее делом группки интеллектуалов, не осталось в рамках литературных журналов и альманахов?

Бесспорно, это произошло потому, что Каталонию образуют «земля, народ и язык». Впрочем, об этом почти забыли между 1750 и 1830 годами. Кроме того, в Сердани и Руссильоне этому не придавали политический смысл. Даже возрождение языка (которому особенно способствовал Помпеу Фабра между 1910 и 1925 годами) не

*Фелибры (*прованс. félibres*, происхождение и первоначальное значение слова неизвестны) – участники литературного движения второй половины XIX века в южной Франции (Прованс). Стремилась возродить провансальскую литературу, ее язык, изучали старину и фольклор. Ассоциацией фелибров (осн. 1854) руководили поэты Ж. Руманиль, Ф. Мистраль.

предшествовало политическому энтузиазму и возникновению сепаратистских настроений, но *последовало* за ними. Таким образом, суть проблемы кроется не в «дифференциальных факторах» (географических, этнических, языковых, правовых, психологических или исторических), а в тех *причинах, по которым в данном месте в данный исторический момент осознаются эти факторы.* В данном случае мы имеем две причины: во-первых, это слабость испанской государственной власти, во-вторых – постоянно растущее различие между социальной структурой Каталонии и остальных районов страны.

Слабость государственной власти? Вспомним о том, что со времен Карла III власть не могла похвастать никакими успехами; не было предпринято эффективных мер для возрождения мифа о единстве, в особенности *крупномасштабных мер в системе образования.*

Различия социальной структуры? В Каталонии была активная буржуазия и зажиточный средний класс, которые культивировали труд, бережливость, индивидуальные усилия и были заинтересованы в протекционизме, политической свободе и в распространении покупательной способности. В Испании же в целом господствовал прежний образ жизни: крестьяне работали для того, чтобы жить, а не чтобы торговать; землевладельцы не копили деньги и не вкладывали их в какие-либо предприятия; идалго, пытаясь избежать неминуемого разорения, пополняли ряды армии или духовенства; мадридская буржуазия занималась политикой или администрацией; консерваторы выступали против политической свободы, а либералы – против про-

текциионизма. Две структуры, две психологии неминуемо должны были прийти в столкновение.

Полемика разгоралась каждый раз, когда требовалось разрешить налоговые или таможенные вопросы. Митинги, пресса, речи в парламенте, обращения к правительству – все это будоражило Каталонию и объединяло претензии интеллектуалов с аргументами экономистов и народным недовольством. Почти всегда дело оборачивалось в пользу Каталонии, и каталонская солидарность постоянно возрастала. Это вызывало реакцию других районов страны. Так, общественное мнение в промышленно неразвитых регионах Испании было резко настроено против каталонских торговых агентов; каталонцев называли «эксплуататорами» и «виновниками дороговизны» (для докапиталистического сознания вполне характерно такое отношение к людям, умеющим делать деньги). Таким образом, появились две системы представлений: кастильцы видели в каталонцах только жадность, страсть к наживе и низость, а каталонцы в кастильцах – только гордость и лень.

Двойной комплекс неполноценности – политический у каталонцев, экономический у кастильцев – привел к непреодолимому взаимному недоверию и неприязни, так что язык стал лишь знаком принадлежности к той или иной «стороне», а прошлое превратилось в набор аргументов для дискуссий.

Этим объясняется эволюция каталонского национализма от интеллектуального регионализма к сепаратизму («Манреские принципы» 1892 года). После 1898 года заговорили о «каталонской национальности». В 1906 году партия «Каталонская солидарность» с триумфом победила на выборах. В это же время произошло другое событие: так как

первая каталонская партия «Регионалистская лига» объединяла в основном людей умеренных убеждений (обеспеченных ученых, промышленников, зажиточных крестьян и лавочников), то Мадрид рассчитывал на то, что противостоять этой партии на выборах сможет демагог Леррус, идол барселонской толпы. Но Леррус не смог выполнить эту задачу, так как сыграл довольно позорную роль во время «трагической недели» 1909 года. Отныне каталонский национализм разделился на *демократическую и мелкобуржуазную ветви*; «левый» каталонский национализм объединил мелких собственников, «рабассеров», служащих, чиновников. Образовался антимадридский региональный блок.

В) *Общественное движение и рабочие организации.* В XIX веке доля населения, занятого в промышленности, не была велика. Существовало три промышленных региона (Каталония, Астурия, Бискайя), четыре или пять индустриально развитых городов (Мадрид, Севилья, Валенсия, Малага, Сарагоса) и отдельные рудники (Пеньярройя, Рио-Тинто, Унион) – недостаточная основа для формирования рабочего движения английского или немецкого типа. *Однако начиная с XIX века, рабочий класс стал играть заметную роль в Испании.* В XX веке Испанию будут называть «анархистской», «профсоюзной», «марксистской»; это чересчур смелые обобщения, но они все же не лишены смысла. Дело в том, что испанский рабочий класс играл более важную историческую роль, нежели та, которую ему предписывала его небольшая численность. Не напоминает ли это те выводы, которые сделал Ленин относительно России? В стране, где доминиру-

ет сельское хозяйство, где начинается аграрный кризис, где рушится изношенная аристократическая система и гремят политические катастрофы, где средний класс не имеет веса в обществе, достаточно небольших, но сплоченных групп пролетариата, эксплуатируемого капиталистами (часто иностранными), чтобы рабочее движение стало решающей общественной силой. Не случайно Ленин считал Испанию той страной, где начнется вторая социалистическая революция. Параллель «Испания—Россия» с 1917 по 1923 год была очень актуальной и для сторонников, и для противников революции: первые считали, что социально-политический катаклизм неминуем, вторые, напротив, отвергали предположение, будто в Испании случится то же самое, что и в России. Кроме того, революционное движение в Испании *имело свою традицию*

В 1830–1860 годы в Каталонии уже проявились тенденции к формированию ассоциаций («общество ткачей», «tres clases de vapor»*, «промышленный союз»), к всплескам насилия (порча рабочими машин в 1835 году, всеобщая забастовка в 1855 году) и к социальным волнениям во время политических инцидентов (1835, 1840, 1854 годы). По-видимому, такого рода события случались постоянно, хотя это и не отражено с достаточной полнотой в немногочисленных исследованиях на интересующую нас тему. Расцвету рабочих организаций в 1868 году, несомненно, предшествовал долгий инкубационный период.

В 1868 году в Испанию приезжает Фанелли, последователь Бакунина. Он основывает секции «Меж-

*Federación de las Tres Clases de Vapor – Федерация трудящихся текстильной промышленности (осн. 1869).

дународной ассоциации трудящихся» (и секретные группы бакунинского «Альянса социалистической демократии»). Успех был ошеломляющим: в течение нескольких месяцев членами «федерации», органа Интернационала, стали более 100 000 испанцев, причем особенно успешно работа велась на территории Каталонии и Андалусии. Испания, подобно Франции во время Парижской коммуны*, становится полем для международных революционных экспериментов. В «испанскую игру» включились Маркс и Энгельс в Лондоне и последователи Бакунина в Швейцарии, как об этом свидетельствует Джеймс Гильом**, а также Энгельс в своей знаменитой работе, посвященной критике «кантонализма» и анализу причин его поражения (это фундаментальный для марксизма текст, направленный против анархистов***). Однако несмотря на плодотворный визит Лафарга****, в конечном итоге в Испании восторжествовал бакунизм. Или по крайней мере после репрессий 1874–1876 годов, когда началось преобразование рабочих организаций, раскол в стане социалистов продолжался.

В это время в Мадриде была создана «Социалистическая рабочая партия», а в 1888 году появилась примыкающая к ней профсоюзная федерация – «Всеобщий союз трудящихся». Эти организации

*Парижская коммуна – первая попытка рабочего класса установить диктатуру пролетариата в результате революции 1871 года во Франции.

**Гильом (Guillaume) Джеймс (1844–1916) – швейцарский анархист, ближайший соратник М. А. Бакунина.

***По-видимому, имеется в виду работа Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (1873).

****Лафарг (Lafargue) Поль (1842–1911) – один из основателей французской Рабочей партии, член 1-го Интернационала.

имели успех в *индустриальных* регионах (в рудниках Астурии, на металлургических предприятиях Страны Басков) и в среде образованных мадридских рабочих. Так, именно из этой среды вышел основатель и бессменный вождь Социалистической рабочей партии типограф Пабло Иглесиас. Его теоретические построения не отличаются оригинальностью, но он, несомненно, был в высшей степени достойным человеком. В течение долгого времени Иглесиасу удавалось поддерживать традиции Лафарга и Гед^{*} среди испанских социалистов. Впоследствии эти традиции постепенно отойдут на второй план под влиянием политиков, не склонных к теоретизированию (Индалесио Прието), или университетских юристов (Бестейро, Хименес Асуа, де лос Риос); восторжествуют парламентаризм и реформизм. Однако это не значит, что революционные настроения исчерпали себя.

Так, в 1881 году 50 барселонских активистов основали рабочую «федерацию», проникнутую анархистским духом. За два года (были проведены конгрессы в Севилье и Валенсии) число членов федерации превысило 50 000 человек, причем 30 000 из них проживало в Андалусии и 13 000 – в Каталонии. Внутренние разногласия и репрессии со стороны правительства затрудняли деятельность федерации. Тем не менее между 1890 и 1910 годами анархизм переживал великие дни: друг за другом следовали покушения, совершаемые под влиянием идеи «прямого действия», забастовки 1890 и 1902 го-

^{*}Гед (Guesde) Жюль (1845–1922) – один из основателей французской Рабочей партии, деятель 2-го Интернационала, пропагандист марксизма. Один из авторов Гаврской программы.

дов, Монтжуикский процесс*, «трагическая неделя». В 1911 году было основано анархо-синдикалистское объединение, и фаза спонтанной активности сменилась более организованной деятельностью. Эта «Национальная конфедерация труда» (НКТ) играла главную роль в рабочем движении Испании вплоть до начала гражданской войны.

Но важно отметить не столько роль анархизма (который был международным) в 90-е годы, сколько устойчивость и упорство этого движения *в настоящем*. Объяснять этот факт, опираясь на понятие «темперамента», было бы слишком просто. С какой стати мы должны полагать, что для Испании Циснероса и «Водного трибунала»**, для спокойной Каталонии,

*Монтжуик (Montjuïc) – гора в Барселоне. Здесь имеют-ся в виду трагические события июня 1896 г.: кто-то метнул из окна бомбу в двигавшуюся по горе процессию Корпуса Христова; исполнитель не был схвачен. Бомбу метнули не в голову процессии, где вышагивали все представители власти, ненавистные анархистам, а в хвост этой колонны, что привело к гибели рабочих, мужчин и женщин. Республиканцы, как и анархисты, обвинили клерикалов в этом преступлении, но новый генерал-губернатор Барселоны, воспользовавшись взрывом как предлогом для репрессий, арестовал всех видных оппозиционеров города: анархистов, республиканцев, каталонских сепаратистов. Всего было арестовано 400 человек. Их поместили в тюрьме в окрестностях Барселоны и подвергли таким пыткам, что некоторые из заключенных умерли до суда. Это вызвало бурю международного протеста, и перед судом предстало только 26 человек. Пятерых казнили, остальных осудили на длительные сроки заключения, хотя участие кого-либо из них в осуществлении июньского взрыва 1896 г. или причастность к нему не были хоть сколько-нибудь убедительно доказаны.

**«Водный трибунал» (Tribunal de las Aguas) осуществлял надзор за распределением воды, идущей на орошение валенсийской долины.

всегда готовой к сотрудничеству, «характерна» индивидуалистическая подрывная деятельность? Скорее следует проанализировать (это не так просто) испанский анархизм, соотнося его со *структурой* и *историей* той среды, в которой он развивался.

1. Связь рабочего движения с аграрной проблемой: анархистские газеты назывались «Тьерра», «Тьерра и Либертад»*; крестьянские восстания в Андалусии оказали воздействие на представления испанцев о революции.

2. Органичный характер каталонской промышленности: между владельцем предприятия и рабочими не было непреодолимой пропасти; борьба носила индивидуальный характер.

3. Нищета в крупных городах: речь идет не только о бедности рабочих, но и о нищете иммигрантов, безработных, мелких ремесленников, о нищете трущоб («*distrito quinto*»** в Барселоне); зреет недовольство; городские массы живо реагируют на политические события и легко поддаются на провокации.

4. Отношения между рабочим классом и политикой: в XIX веке политика властей не оправдывала ожиданий рабочих (и это отчасти объясняет «аполитичность», которая, как обычно полагают, была свойственна пролетариату). Но в то же время рабочий класс противопоставил режиму полицейского авторитаризма любовь к свободе и ненависть к государству. Либерализм, однако, сохранял в глазах рабочих тайное очарование, что и обусловило «маятниковое движение» испанских выборов. После периода «ле-

*«Tierra» (исп.) – «Земля», «Tierra y Libertad» (исп.) – «Земля и Свобода».

**«Пятый округ».

визны» разочарованные анархисты воздержались от голосования; это было на руку «правым». Когда «правые» определили правительственный курс, взбунтовавшиеся рабочие отказались от позиции невмешательства, но своего кандидата у них не было. «Левые» ликовали, но не показывали этого.

5. Революционная традиция: М. Диас дель Мораль показал, насколько важна роль *традиции* в андалусских мятежах. У барселонского анархизма также была своя великая история, свои воспоминания и свои мученики. Социализму и коммунизму долгое время будет противостоять это прошлое со всеми его отзвуками.

6. Наконец, идеология: когда Ансельмо Лоренцо, патриарх испанского анархизма, в 1870 году посетил в Лондоне Маркса, он проявил себя как восторженный и робкий самоучка. Но он чувствовал больше доверия к стихийному рабочему движению, к доктринам, полным чувства и страсти, нежели к «буржуазному» учению Маркса. При помощи Франсиско Феррера Лоренцо создал образовательную систему, которая стала тем более влиятельной, что государство обрекало на безграмотность огромную часть молодежи. «Современная школа», дешевые брошюры, «народные Атенеи»* – все это не прошло бесследно для нескольких поколений испанцев. Анархизм осознавал себя более широким, более «энциклопедическим» учением, нежели марксизм, но он не мог помочь при решении реаль-

*Атений (Athenaeum) – 1) храм Афины, позже образовательное учреждение; около 135 г. н. э. император Адриан под этим именем основал в Риме нечто вроде академии; 2) название учебных заведений; 3) название литературных изданий (напр., англ. «The Athenaeum»).

ных проблем. Наконец, анархизм отвечал древним особенностям испанского характера, как то: личная верность, прославление индивидуального акта, потребность в освобождении (скорее чувственном, нежели интеллектуальном) от древнего влияния религии. В этом смысле анархизм был лишь частным случаем той проблемы, которая волновала испанцев в течение всего века, — духовной проблемы.

Г) *Духовные проблемы.* Как и в XVIII веке, эти проблемы проистекали из конфликта двух устремлений: с одной стороны, речь идет о желании освободиться от давления традиций, о желании обновления, с другой — о неприятии всего нового и о стремлении сохранить национальную самобытность.

Первая половина века практически не изменила положения вещей. В литературе господствовал романтизм. Либерализм представлял собой лишь копию. От традиционной Испании почти ничего не осталось. К 1840 году ситуация сложилась таким образом, что старая Испания проявляла себя скорее в действиях, нежели в направлении мысли. В отдаленных районах страны еще сохранялись трогательные средневековые пережитки, но в экономически оживленных регионах и крупных городах вера оказалась в опасности. В середине века каталонский священник Бальмес и либерал Доносо Кортес, ударившийся в религию, решили воскресить духовные традиции Испании. Но их позиция была оборотной, и проповедуемые ими идеи не сразу обрели влияние. Испанское духовенство в массе своей не услышало их голосов. Оно по-прежнему стремилось управлять жизнью народа, но не могло обосновать эти претензии повышением культурного уровня клира. Оно смешивало исполнение цер-

ковных обрядов с прочностью религии. Даже сегодня иностранцы удивляются бессознательной религиозности испанцев при полном незнании ими азов религии. В приятии или неприятии религии интеллектуальная составляющая была слабой, и это признак несостоятельности народного образования – и преподавания наук, и преподавания основ веры. Эта неудача не может быть оспорена. В XX веке испанская церковь иногда мечтала встать во главе новой Контрреформации, но Предреформация, осуществленная Циснеросом и воспитавшая духовенство XVI века, не имела аналога в XIX столетии. Современное испанское духовное движение – даже в своих традиционалистских и мистических аспектах – стоит *вне Церкви* или направлено *против* нее; это движение «интеллектуалов».

Оно появилось между 1860 и 1880 годами в трех формах. Прежде всего это расцвет жанра романа: появлявшиеся произведения были неравноценны с художественной точки зрения, но весьма любопытны по своей направленности. Переда* защищал (хотя и не без иронии) старую Испанию. Валера**,

*Переда (Pereda) Хосе Мария де (1833–1906) – испанский писатель. Начал с очерков и рассказов, в которых с сочувствием изобразил народную жизнь. В романах «Бык на свободе» (1878), «Дон-Гонсало Гонсалес де ла Гонсалера» (1878), «Яблоко от яблони недалеко падает» (1880) Переда критически показал испанскую действительность с религиозно-консервативных позиций.

**Валера (Valera y Alcalá Galiano) Хуан (1827–1905) – испанский писатель и государственный деятель, академик. Автор этюдов о И. В. Гёте, М. Сервантесе, психологических романов «Пепита Хименес» (1874), «Донья Люс» (1879), «Командор Мендоса» (1877), «Иллюзии доктора Фаустино» (1875), повести «Хуанита длинная» (1895).

Паласио Вальдес*, Пардо Басан** критиковали Испанию, но делали это с нежностью. Все эти писатели, несмотря на определенные разногласия, сходятся в одном: они пытаются выразить национальное, показать суть Испании. Они описывают народ, испытывающий моральный кризис, сомневающийся в себе, но приверженный национальным корням.

Другое интеллектуальное движение имеет совсем иную почву (но, по-видимому, оно довольно далеко ушло от первоисточника). Речь идет о «краусизме»***, который в 40-х годах «завез» в Испанию из

*Паласио Вальдес (Palacio Valdés) Армандо (1853–1938) – испанский писатель и критик. Автор статей по испанской литературе. В романах «Марта и Мария» (1883) и «Сестра Сан-Сулписио» (1889) выступил против религиозного аскетизма. В романах «Блаженство больного» (1884), «Хосе» (1885) и др. изображена жизнь народных низов, грубость и жестокость царящих там отношений. В романах «Риверита» (1886), «Пена» (1890) и др. критически показан мир буржуа и дворянства. В романе «Потерянная деревня» (1903) оплакивается уходящая в прошлое патриархальная сельская жизнь.

**Пардо Басан (Pardo Bazán) Эмилия (1852–1921) – испанская писательница. Родилась в аристократической семье. В центре романов Пардо Басан «Женщина-трибун» (1883), «Родовые замки Ульоа» (1886) – социальные и морально-бытовые проблемы. В 90-х гг. испытала влияние толстовства, затем склонялась к мистицизму.

***Основы краусизма лежат в учении немецкого философа Карла Кристиана Фридриха Краузе (1781–1832). Он пытался объединить теизм и пантеизм в системе так называемого панентеизма: мир покоится в Боге, который, однако, не сливается с ним, а есть изначальная сущность всего; мир – создание Бога, способ его проявления. Значительную известность получило также учение Краузе о праве, основанное на нравственности, и его призыв к всемирному союзу народов. В Испании и Латинской Америке возникла школа последователей Краузе (испанский краусизм: Санс дель Рио, Хинер де лос Риос и др.).

немецких университетов юный стипендиат Хулиан Санс дель Рио. Между 1855 и 1865 годами «краусизм» произвел перемену в образе жизни испанцев. Он стал основой светского спиритуализма, твердости принципов, веры в образование и воспитание, одушевлявшей людей I Республики. Широкое распространение краусизм получил позднее. Нужно также отметить, что в 1865–1875 годах спор Маркса и Бакунина способствовал развитию двух направлений революционной испанской мысли; следует признать, что именно в истории этого десятилетия скрыты источники, питающие Испанию нашего времени, которые обычно ищут в истории «поколения 1898 года». Эта концепция правомерна в том случае, если говорить о «поколении 1898 года» в более широком смысле, имея в виду любую реакцию на *комплекс упадка*, ставший мучительным после поражения 1898 года.

После 1880 года благодаря Франсиско Хинеру де лос Риосу «краусизм» стали связывать с образованием. Образовательное учреждение наподобие университета, «*Institución libre de Enseñanza*»*, предприняло реформу педагогики и научно-исследовательской работы. В 1912 году реформа завершилась образованием официальной «*Junta para ampliación de Estudios*»**, в ведении которой находилась средняя школа, «научно-исследовательские институты» и стипендии для обучения за границей. При обучении использовались новые методы: анкеты, экскурсии, совместное обучение мальчиков и девочек, изучение природы, фольклора, биологии и социологии. Благодаря «институту» Испания превосходила соседние страны по уровню высше-

* «Свободный институт просвещения».

** «Союз распространения образования».

го образования. Нужно сделать оговорку: эти нововведения не затронули ни старую Испанию, верную религиозному образованию, ни народ, оставшийся в роли жертвы. Еще в 1900 году более половины испанцев не умели читать. Таким образом, краусистская интеллигенция представляла собой искусственный, внесоциальный феномен. Вот почему однажды, придя к власти, она показала свою слабость и неопытность.

С «институтом» связаны те историки и социологи 1890–1900-х годов, которые еще обладали недостаточными ресурсами и познаниями, но которых можно назвать «первопроходцами»: они сочетали стремление к универсальности и интерес к национальным корням, что заставляет вспомнить об испанских мыслителях XVIII века. Таков был Хоакин Коста, который исследовал особенности испанской жизни в том, что касается обычного права, фольклора, сельской экономики, «гидравлической общины». Здесь следует также назвать имена Инохосы* и Альтамиры**:

*Инохоса (Hinojosa y Naveros) Эдуарде де (1852–1919) – испанский историк, член испанской Королевской исторической академии (1889), Королевской испанской академии (1904), Королевской академии моральных и политических наук (1907). Научную деятельность начал с работ по археологии Испании римского и вестготского периодов, затем перешёл к изучению и преподаванию римского права в Мадридском университете. Позднейшие работы Инохосы посвящены социальной истории средневековой Испании (главным образом Каталонии).

**Альтамира-и-Кревеа (Altamira y Crevea) Рафаэль (1866–1951) – испанский историк. Впервые в испанской историографии Альтамира, наряду с рассмотрением политической истории Испании, исследовал экономические и социальные вопросы, феодализм считал явлением политическим и правовым. Альтамира хотя и не вскрыл причины экономического упадка Испании в XVI–XVII вв., первым из историков увидел в нём причину её политического упадка.

эти историки заложили основы научного подхода к социальной и психологической истории своей страны. После 1898 года Коста занялся политикой; он объединил арагонских крестьян в союз против налоговой администрации, провозгласил себя республиканцем, а затем революционером. Коста предлагал всевозможные варианты развития Испании; его можно считать «арбитристом» XIX века. Он вызывал восхищение современников, но его славу скоро затмили более талантливые писатели. «Поколение 1898 года» сыграло важную роль главным образом в литературе.

Подобно Кеведо, который осудил «арбитризм», замкнувшись в гордом отчаянии, «поколение 1898 года» объединилось в своем презрении ко всему позитивному, дабы предаться лирическим lamentациям на тему национального поражения. Это не была литературная «школа». Представители «поколения 1898 года» были несхожи друг с другом, но их объединяли общие горечь и гордость. Бароха* попирает традиции, в то же время отказываясь от уроков, которые можно извлечь из истории других европейских стран. Антонио Мачадо, молодой преподаватель из Сории, сосредоточил свои поэтические размышления на пейзаже

*Бароха-и-Неси (Baroja y Nessi) Пио (1872–1956) – испанский писатель, представитель так называемого «поколения 1898 года». Создал около 100 романов, сгруппированных в циклы. В трилогиях, написанных до Первой мировой войны («Земля басков», «Фантастическая жизнь», «Борьба за существование» и др.), содержится резкая критика испанской действительности. Для романов Барохи, особенно позднего периода (циклы «Города», «Агония нашего времени» и др.), характерен социальный пессимизм.

Старой Кастилии, но разоблачал «кровь Каина» и «пустые живот и голову» испанцев. Ганивет закончил жизнь самоубийством вдали от родины, написав свой главный труд – «Испанский идеариум»; это была попытка доказать, что Испанию нельзя мерить общим аршином с Европой. Унамуно считал, что в Испании впервые возникла реакция на позитивизм и на веру в прогресс, характерную для эпохи. Унамуно нравилось выворачивать наизнанку привычные формулы и утверждения; так, он предлагал *испанизировать Европу* и взять за образец Дон Кихота. Унамуно был величайшим литературным гением Испании, но словесная изощренность его текстов, его парадоксы и афоризмы поселили в душах испанцев неуверенность в будущем и противоречия.

Первое противоречие. К унаследованному от Хинера научному духу, которым руководствовались филологические, исторические, биологические школы и такие их представители, как Менендес Пидаль, Санчес Альборнос*, Мараньон**, добавилось опасное обаяние блестящего литератора, фи-

*Санчес Альборнос (Sánchez Albornoz) Клаудио (1893–1984) – испанский историк. В 1931–1936 гг. неоднократно был депутатом кортесов Испанской республики. Почётный член многих академий Европы и Америки. Исследования Санчеса Альборноса посвящены главным образом средневековой истории Испании, основаны на тщательном анализе источников. Хотя Санчес Альборнос и признаёт большое значение экономики, главными движущими силами развития человеческого общества он считает разум, идею, выдающуюся личность и таинственную, непредвиденную случайность.

**Мараньон (Marañón) Грегорио (1887–1960) – испанский патолог и эндокринолог.

лософский снобизм в подражание Ортеге-и-Гассету* и Эухенио д'Орсу**.

Второе противоречие. Как и представители «поколения 1898 года», многие испанские писатели были политически «ангажированы» до такой степени, что во время кризиса 1931 года они поверили, будто им предначертано духовно направлять новую Испанию. Но они не могли увлечь за собой ни традиционалистскую Испанию, которая их проклинала, ни пролетариат, которым они сами пренебрегали. Когда они осознают, что политика подразумевает борьбу за материальные ценности, они отряхнут ее прах от своих ног – одни с шумом, другие тихо, но не без презрения к тем, кто остался «ангажированным». Драма Испании наших дней – это раскол и духовная неопределенность.

Последнее противоречие. Представители «поколения 1898 года» одновременно *критиковали* ис-

*Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset) Хосе (1883–1955) – испанский философ, публицист и общественный деятель. Наибольшую известность получило его сочинение «Восстание масс» (1929–1930). Исходя из противопоставления духовной «элиты», творящей культуру, и «массы» людей, довольствующихся бессознательно усвоенными стандартными понятиями и представлениями, он считает основным политическим феноменом XX в. идейно-культурное разобщение «элиты» и «масс», а следствием этого – общую социальную дезориентацию и возникновение «массового общества». Оказал большое влияние на философскую и общественную мысль Испании, особенно в 1910–1920-е гг., а также на европейскую социологию (главным образом в постановке проблем «массового общества» и «массовой культуры»).

**Орс-и-Ровира (Ors y Rovira) Эухенио де (1882–1954) – каталонский писатель, искусствовед и философ, автор многочисленных эссе по теории и истории искусства.

панский комплекс и *мифологизировали* его. Из уст их учеников лилась только хула: они потеряли всякую веру. Другие же были переполнены гордостью: упрощенным идеям Ганивета, Унамуно они приписывали ту роль, которую играл расизм у нацистов или идея империи у фашистов. Маэсту* мог бы этого желать. Асорин тайно принимал это. Но Унамуно, умирая, испытывал тревогу.

Следует добавить, что в Испании, как обычно, произойдет *синтез традиционализма и нонконформизма* – естественно, не без участия нескольких гениев: Федерико Гарсия Лорки, Мигеля Эрнандеса**, Пабло Пикассо. Кроме того, здесь сыграет свою роль народный порыв 1936 года.

*Маэсту (Maeztu) Рамиро де (1874–1936) – испанский писатель и философ, развивавший идеи Канта и Ницше, критик буржуазной демократии. В молодости он, подобно другим представителям «поколения 1898 года», высказывал недовольство современной действительностью. Позднее обратился к католицизму и консервативным устоям былой испанской жизни. Его программная книга «Защита испанского духа» (1934) состоит из ряда статей, написанных в пророческом тоне. В них он призывал вернуться к традициям старой Испании. Позже его идеи легли в основу официальной франкистской идеологии.

**Эрнандес (Hernández) Мигель (1910–1942) – испанский поэт. Участник Национально-революционной войны в Испании 1936–1939 гг. Умер в фашистской тюрьме. Сборники «Знатоки луны» (1933) и «Неугасающий луч» (1936) содержат лирические интимные стихи. В сборниках «Ветер народа» (1937), стихотворной драме «Пастырь смерти» (1937) воспел борьбу против фашизма.

ГЛАВА V

КРИЗИСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

I. Кризис монархии (1917–1931)

1. Первая фаза (1917–1923). Волнения и мятежи. А) *Кризис 1917 года.* Экономический подъем, вызванный войной, завершился в 1917 году. Дороговизна, известие о революции в России, скандальные спекуляции, столкновения между «германофилами» и теми, кто поддерживал союзников, – все это волновало умы и подрывало основы общества.

В мае волнения переросли в *военное движение*. Пехотные офицеры организовали «хунты» против фаворитизма. Первоначально запрещенные, потом разрешенные, хунты ставили себя в пример «всем тем, кто нуждается в правильном управлении». Унтер-офицеры и почтовые служащие формировали свои «хунты». Таким образом, началось *политическое движение*. Регионалисты, реформисты, радикалы и социалисты заявили о созыве Кортесов, где правительство не имело большинства голосов. В Барселоне прошло нелегальное собрание восьмидесяти депутатов, находящихся в оппозиции: они требовали созыва Учредительного собрания. Это собрание было распущено. «Обычный вопрос гражданской безопасности» – так говорило правительст-

во. Но это была избитая формула, которая не могла выразить всей глубины кризиса. В конце июля политические волнения спровоцировали *социальное движение*. Начались забастовки в Валенсии, Сантьяго, Бильбао. «Хунты» создавали даже те, кто должен был охранять общественный порядок. 13 августа забастовка стала всеобщей. 15 августа в районе Куатро Каминос (Мадрид) раздавались пулеметные очереди и гибли люди. В Каталонии и на рудниках севера Испании начались настоящие бои. Правительство взяло верх. Вожди социалистов (Саборит, Ангиано, Бестейро, Кабальеро) были арестованы. Другие политики бежали (Леру, Масиа). Маура, генерал Примо де Ривера выступают против слабости правительства. Режим продержится еще пять лет. Но положение будет все более усугубляться.

Б) *Смутное время (1917–1923)*. *Политическая нестабильность* подчеркивалась постоянными министерскими перестановками: за шесть лет произошло тринадцать тотальных кризисов и тридцать частичных. «Великое министерство» Мауры–Романонеса–Камбо потерпело неудачу. Маура стал выказывать непримиримость по отношению к Каталонии. Камбо вновь встал в ряды оппозиции, произнес свою знаменитую речь: «Монархия? Республика? Каталония!» Региональный вопрос снова стал весьма острым.

Социальная нестабильность усиливалась. Мелкое чиновничество было возмущено дороговизной. В 1919 году начался кризис в промышленности. Еще раньше взбунтовалась аграрная Испания: период с 1918 по 1921 год в Андалусии называется «*trienio bolchevique*»*. Крестьяне писали на стенах усадеб:

* «Большевистское трехлетие».

«Да здравствует Ленин!» Но это означает лишь то, что они требовали раздела земли, что не предполагает политической подготовки крестьянских вождей или их коммунистических устремлений. Когда в 1921 году произошел раскол Социалистической партии, только промышленно развитая Страна Басков казалась затронутой коммунистическими идеями. Революционеров все еще привлекал «аполитичный» анархо-синдикализм*.

Конгресс «Национальной конфедерации труда» (НКТ) в Сабаделле (1919 г.) собрал более 300 000 своих сторонников. Забастовка «Канадиенсе» (каталонской электропромышленности) стала апогеем профсоюзного движения. Появились профсоюзные лидеры, как, например, Сальвадор Сеги или Анхель Пестанья. Правительство вступило с ними в переговоры и согласилось с требованием ввести восьмичасовой рабочий день. Но воинственное объединение предпринимателей пустило в ход локаут**.

* Анархо-синдикализм – течение в рабочем движении, находящееся под идеологическим и политическим влиянием анархизма. Анархо-синдикалисты отрицают необходимость политической борьбы и самостоятельных политических рабочих партий и отвергают борьбу за диктатуру пролетариата. Их цель – социальный переворот, организованный синдикатами (профсоюзами), который должен уничтожить государство и политическую власть и создать общество, руководимое федерацией синдикатов, ведающей производством и распределением продуктов. Политической борьбе анархо-синдикалисты противопоставляют тактику «прямого действия» (экономическая забастовка, саботаж, бойкот и др.). Основным методом достижения своих целей они считают всеобщую экономическую стачку.

** Локаут (*англ.* lock-out) – способ борьбы с профсоюзами, заключающийся в том, что работодатель не пускает рабочих на их рабочие места, нанимая других, готовых работать на его условиях.

Начался террор. Он свирепствовал первые шесть месяцев 1921 года в Каталонии, Сарагосе, Бильбао. В июне в Барселоне началась борьба с террором; ею руководили генерал Мартинес Анидо и полицейский Арлеги. Они столкнули террористов друг с другом, а «свободный профсоюз» — с «единым профсоюзом», мобилизовали народное ополчение «somaten», применили «ley de fugas» (провоцировался побег заключенного с целью уничтожения последнего). Сальвадор Сеги был убит, а затем погиб и его адвокат. Общественное мнение негодовало. В октябре 1922 года был освобожден Мартинес Анидо. Но в связи с увеличением числа покушений «живые силы» Каталонии (лидеры коммерсантов и промышленников) заявили о своем присоединении к генерал-капитану региона (командующему военным округом) Примо де Ривере: это был признак объединения «партий порядка».

Марокканская проблема также требовала разрешения. Испанцы рассматривали Марокко как объект личных амбиций военных и финансовых интересов политиков. Испания не хотела идти на жертвы из-за Марокко.

20 июля 1921 года генерал Сильвестр, окруженный под Анвалем, был убит вместе со своими старшими офицерами. Мятеж рифов* стоил испанцам 14 000 человек: именно столько было убито или взято в плен. С 1921 по 1923 год, пытаясь отвоевать

*Рифы — берберский народ, населяющий горную область Риф в Северном Марокко. Язык относится к берберским языкам, но большинство рифов двуязычны (говорят и на арабском языке). Религия — ислам суннитского толка. Основное занятие — земледелие (выращивание пшеницы, кукурузы и др.).

марокканские территории, генерал Беренгер постоянно просил подкрепления и денежных средств. Министры, король (обвиненный в том, что он тайно оказывал влияние на военное командование), «хунты» перекладывали друг на друга ответственность за происходящее. Политики самых различных убеждений – Маура, Камбо, социалист Прието, генерал Примо де Ривера – выражали протест. Последний неожиданно выступил в Сенате с требованием отказаться от Марокко. Он был переведен из Кастилии в Каталонию, где и сыграл ту роль в истории Испании, о которой мы уже знаем.

13 сентября 1923 года, заручившись поддержкой правящих классов и военных гарнизонов, Примо де Ривера объявил себя главой «директории», и король был вынужден с этим смириться. Никто не бросился на защиту униженного парламентаризма. Позже это наведет на мысль (кстати, напрасно) о неизменной пассивности испанского народа перед лицом «пронунсиаменто».

2. Вторая фаза (1923–1930). Диктатура. Политическая история диктатуры не требует долгого повествования. «Военная директория» стала «гражданской» в конце 1925 года. В 1927 году была избрана Совецательная ассамблея, а в 1929 году была задумана новая конституция. Все это, однако, не изменило ни сути, ни методов «директории». Но что же все-таки было сделано? И были ли решены проблемы, стоявшие перед Испанией?

Только *марокканский вопрос* был разрешен; этому способствовал франко-испанский союз. После 1925 года рифы никак не проявляли себя. Зато марокканская армия (легион или подразделение, кото-

рос аборигены называли «регулярным») стала тем орудием, которое генералы могли обратить и против самой Испании (так, испанская администрация использовала марокканские войска для борьбы против Испанской республики в 1936–1939 годах).

Важные *экономические проекты* выдвинули граф де Гвадалорсе и Кальво Сотело. Их упрекали в том, что эти проекты способствовали увеличению государственного долга: в 1926 году неподтвержденная задолженность составила 18 миллиардов песет, а в 1928 году бюджетный дефицит уже достиг 1 миллиарда. Однако не стоит забывать, что стали финансироваться крупные предприятия государственного сектора.

По крайней мере одно из них имело большое значение: речь идет о «Гидрографических профсоюзных конфедерациях». Казалось, что мечта Косты осуществилась. Государство обязывало работников сельского хозяйства и промышленников в каждом речном бассейне создавать профсоюзы с целью финансирования плана по ирригации, распределению воды и электрификации. В рамках этой программы конфедерацией была проделана большая работа. Так, выдающийся инженер Лоренцо Пардо смог воплотить в жизнь давние надежды, касавшиеся реки Эбро: он построил плотину в ее верховьях, расширил канал Арагон–Каталония; был осуществлен ряд серьезных гидрологических исследований. К несчастью, у проекта были свои недостатки: бюджет, стремящийся к нулю, махинации поставщиков. Кроме того, этот проект был фактически единственным: никакая другая конфедерация не могла продемонстрировать подобных результатов. Промышленники проявляли осторожность и выделяли недостаточно средств, а крестьяне не располагали

необходимыми ресурсами. Государство увязло в долгах, и большинство проектов так и остались на бумаге. Конфедерации потеряли доверие диктатуры, которую обвиняли в мании величия в связи с проектом постройки «Кольца автомобильных дорог» и выставками 1929 года – дорогостоящими демонстрациями престижа.

Проекты, не имеющие столь большого отношения к области практической деятельности (экономическая национализация, управляемая экономика), тем более не были реализованы. Не соблюдалось установление об определенном проценте национальных капиталов и специалистов, занятых на предприятиях. Телефонная монополия отошла к американцам. Примуущества, предоставленные андалусским портам, и географическое рассредоточение промышленности не внесли изменений в структуру испанской экономики и вызвали недовольство каталонцев и басков. Наконец, экономические посты, предложенные политикам и военным, субсидии слабым железнодорожным и мореходным компаниям вызывали тем больше скандалов, чем более жестко действовала диктатура. В обществе вновь создалась та атмосфера, с которой диктатура всячески пыталась бороться. Режим все же мог воспользоваться исключительным процветанием мировой экономики и приписать себе все заслуги. Но и это наносило ему ущерб: предприниматели, находившиеся на тот момент в благоприятных условиях, не видели в государственном вмешательстве ничего, кроме неудобств и недостатков. Режим стоил дорого. Они перестали его поддерживать.

Социальная программа, составленная под влиянием итальянских событий, объявляла о «ликвидации классовой борьбы». Были введены обязатель-

ные суды присяжных; их состав был смешанным. Правительство делало авансы сторонникам реформ — Кабальеро и Прието. Регламентировалась работа женщин в ночное время. Но рабочие видели, что их зарплаты не соответствуют сенсационному росту процветания работодателей, а забастовки были запрещены. Еще более важно то, что игнорировалась аграрная проблема. Согласно наиболее благоприятным данным, 4 000 арендаторов имели в своем распоряжении 20 000 га земли (им был выделен кредит в 2 миллиона); другие цифры в десять раз меньше. В любом случае, цифры не могут продемонстрировать масштаб реформы, которую требовалось провести. В 1930 году станет понятно, насколько острым оставался социальный конфликт.

В отношении *проблемы регионов* не применялись решительные методы; все тонуло в гряде мелких придирок и дразг. Единый для всей Каталонии орган местного самоуправления, созданный в 1912 году (Манкомунидад), был уничтожен. Альянс правящих классов Каталонии и Страны Басков не был продолжительным. Но так как региональный патриотизм стал внушать подозрения, «национализм» теперь возвращался демократической оппозицией. Духовное единство нации было под угрозой.

Провал проводимой правительством *политики* стал, наконец, очевидным. Подражание фашизму было поверхностным: в Испании не было партии масс, и молодежь не была склонна к мистическим настроениям. «Патриотический союз» (официальная партия диктатуры) и гражданская милиция просто заменили прежних касиков. Генерал долгое время симулировал оптимизм, чередуя добродушие и призывы к мужественности.

Он изгнал из Испании Унамуно, выслал в Куэнку студенческих лидеров, восстановил против себя артиллерийский корпус. В 1926 году Масиа предпринял волнующую романтическую «авантюру в Пратс де Мольо» – вооруженное выступление против диктатуры Примо де Риверы. В 1929 году было провозглашено пронунсиаменто в Сьюдад Реаль. Санчес Герра, сторонник конституционной законности, высадился в Валенсии с целью низвергнуть режим. Его попытка не удалась, но и не прошла бесследно. Курс песеты падал. Ни финансисты, ни зарубежные государства не делали больше ставок на диктатуру. В атмосфере всеобщей враждебности Примо де Ривера был вынужден подать в отставку, что он и сделал 30 января 1930 года. Вскоре он умер в Париже. Один из его сыновей, Хосе-Антонио, впоследствии основавший фашистскую партию Испании, извлек из этого поражения урок.

3. Третья фаза. Падение монархии (1930–1931).

Режим полудиктатуры, установленный генералом Беренгером, был лишь кратким этапом. Возродились партии Прието, Романонеса, Санчеса Герры, Мелькиадеса Альвареса, Камбо. Антимонархисты подписали Сан-Себастьянский пакт*, имевший целью установление республики. Среди тех, кто под-

* Сан-Себастьянский пакт 1930 г. – соглашение о союзе республиканских партий Испании в борьбе против монархии. Было заключено 17 августа в Сан-Себастьяне на целевом совещании руководителей восьми республиканских партий. Собравшиеся создали Революционный комитет для подготовки низвержения монархии. 14 апреля 1931 г., когда Испания была провозглашена республикой, Революционный комитет преобразовался во Временное республиканское правительство.

писал пакт, были умеренные (Мигель Маура, Алькала Самора), радикалы (Леррус, Мартинес Баррио), руководители более молодых партий (Асанья, Кирога, А. де Альборнос, М. Доминго), республиканцы, деятели каталонского национального движения (Николау д'Ольвер), социалисты (Кабальеро, Прието, де лос Риос). Они составили политический комитет, перед которым встала проблема отношений с профсоюзными массами. С одной стороны, деятели Революционного комитета хотели создать альянс с профсоюзами, с другой — испытывали страх перед действиями вооруженных масс. Ноябрь 1930 года был месяцем сильных волнений в обществе.

Но на политической арене происходили еще более важные события: в Испанию возвратились Унамуно и Масиа, летчик Франко скрывался от полиции, студенты устраивали демонстрации. Наконец, 12 декабря произошло ожидаемое всеми событие: гарнизон в Хаке (Арагон) во главе с несколькими молодыми энтузиастами провозгласил Республику и отправился маршем на Уэску. Глубокие разногласия или недоразумение? Это выступление не соответствовало планам комитета. В Айсербе восставший гарнизон столкнулся с правительственными войсками. Вожди восставших, капитан Галан и лейтенант Гарсия Эрнандес были расстреляны. *У республики появились свои мученики.* 15 декабря летчики сделали тщетную попытку дать новый импульс движению. Республиканский комитет был заключен в тюрьму.

Но партия была всего лишь отложена. «Монархия должна уступить реальности», — сказал Санчес Герра. Партии отказывались принимать участие в

выборах в условиях режима полудиктатуры. Беренгер уступил власть последнему монархическому кабинету министров в составе Сьервы, Гарсии Прието, Романонеса и Вентозы. Они организовали муниципальные выборы, казавшиеся вполне безобидными: в половине деревень касики избирались в условиях отсутствия всякой конкуренции. Но городские выборы, состоявшиеся 12 апреля, не соответствовали ожиданиям правительства: «левые» одержали неоспоримую победу. 14 апреля Эйбар, Барселона, Сан-Себастьян провозгласили установление республики. В Мадриде Романонес вел переговоры с Алькала Саморой. Начальник гражданской гвардии (жандармерии) Санхурхо занял нейтральную позицию. Королю оставалось лишь смириться с изгнанием. Казалось, день 14 апреля стал апофеозом Испании. В том, что испанцы совершили революцию, не пролив ни единой капли крови, старые республиканцы-интеллектуалы видели признак высшей ступени политической зрелости. Рабочие, опьяненные словом «свобода», питали великие надежды. Даже Хосе-Антонио Примо де Ривера признавал уникальность этого дня в истории Испании. Все испанцы знали: нужно что-то менять. Но что именно? На этот вопрос должна была ответить Республика.

II. Республика (1931–1936)

Диктатура управляла Испанией, не проводя никаких серьезных реформ. Республиканское правительство, напротив, стремилось к реформам, но с трудом справлялось с управлением страной. По крайней мере оно приступило к разрешению всех основных проблем уже в первые два года существо-

вания Республики. Учредительные Кортесы, избранные в мае 1931 года, состояли из республиканского большинства и очень сплоченных социалистов: курс на реформы был обеспечен.

1. 1931–1933. Двухлетие реформ. Для большинства депутатов Кортесов – интеллектуалов, юристов, политиков со стажем – на первом плане стояли проблемы, связанные с Конституцией, школой, церковью и армией. Именно эти проблемы определяли историю XIX века.

А) Политические проблемы. Республиканская Конституция Испании была составлена по образцу самой демократичной в Европе конституции Веймарской республики. Испания была провозглашена «Республикой трудящихся», что не могло не вызывать улыбки. Восторжествовал чистый парламентаризм: государственное устройство Испании определялось такими факторами, как единственная палата парламента, министерство, ответственное за все происходящее, и всеобщее голосование, распространявшееся на женщин и солдат. Однако идея «сдерживающей силы» играла большую роль. Президент Республики имел право дважды распустить парламент, но должен был обосновать свое решение. Первый президент Испанской республики Алькала Самора придаст первостепенную важность этой роли политического «балансира». Гарантийный суд рассматривал все вопросы, связанные с нарушением Конституции. Регионы могли подать прошение о получении «статуса» автономии, но слово «федерализм» в отношении этого права не использовалось. Наконец, Испания отказалась от войны и вошла в Лигу Наций.

Вопросы образования также очень занимали основателей Республики: преподавателей, студентов, интеллектуалов «Атенея» и группы «На службе Республике». «Свободный институт» стал образцом для университетов и других образовательных учреждений. Однако самым сложным делом было построить систему начального образования. Для того чтобы создать светское начальное образование по французскому образцу, требовалось открыть 27 000 новых школ, а государственные финансы не выдерживали такой нагрузки, позволяя открыть всего 7–8 000 школ. Не хватало учителей. Наконец, конкуренция с религиозными конгрегациями за души 600 000 учеников, помимо сложных практических вопросов, порождала еще и деликатную психологическую, религиозную проблему.

Религиозный вопрос был весьма сложным. Перейти от прежнего церковного уклада к светской системе французского типа значило сделать большой скачок. Либеральные католики, стоявшие у власти, согласились бы с «разделением», которое бы не лишало церковь приобретенной ею власти. Но республиканцам виделась здесь опасность. По отношению к ордену иезуитов, церковным организациям и системе религиозного образования они применяли особые законы, напоминавшие французское законодательство. Это не противоречило традиции. Но шок был все же сильным. Асанья заявил, что «Испания перестала быть католической страной». Представители крайних левых сил, склонные к анархизму «jabalíes» («кабаны») стояли на позициях свойственного большинству испанцев народного антиклерикализма, в рамках которого политическая игра всегда воспринималась как

борьба за или против «curas y frailes»*. 11 мая 1931 года возобновилась давняя традиция: были подожжены монастыри. Это было дело рук небольших групп, но толпа отнеслась к событию с равнодушной иронией. Кладбища были секуляризованы, из школ убрали распятия. Для одних это была победа, для других – «невыносимые» посягательства на «свободу». Прелаты протестовали и подвергались за это преследованиям. Епископы советовали духовенству встать в легальную оппозицию, но все же именно в оппозицию. Для новой системы, перед которой стояло много задач, проблема была весьма острой.

Перед Республикой встала также проблема *вооруженных сил*. Многие военные в глубине души оставались приверженцами монархии. Чтобы смягчить ситуацию, Асанья предоставил офицерам возможность уйти в отставку с сохранением жалованья. Десять тысяч военных воспользовались этой возможностью. Несмотря на сохранение жалованья, они затаили злобу. Другие затруднения были связаны с гражданской гвардией. Правительство ее опасалось. Народ ее ненавидел. Но никто не осмеливался пойти на риск и распустить ее. Асанья предпочел создать ее копию – отборный «отряд штурмовиков».

Проблема регионов была, наконец, решена, хотя и не без трудностей. 14 апреля Масиа объявил о создании «Каталонской республики», что шло вразрез с Сан-Себастьянским пактом. Конфликтная ситуация разрешилась полюбовным соглашением, но Каталония практически единодушно проголосовала за получение «статуса» автономии. В Кортесах разгора-

* «Curas y frailes» (*исп.*) – «священники и монахи».

лись жаркие дискуссии. Окончательное решение было принято после того, как Асанья произнес речь, подкрепленную основательными аргументами. Статус автономии давал региону собственное правительство, парламент, администрацию, правосудие, бюджет и культуру. Каталонцы были готовы к эксперименту. Но щекотливые вопросы об охране общественного порядка (должен ли регион располагать собственной полицией?) и о переводе административных учреждений вызвали полемику. Баски с энтузиазмом отнеслись к возможности получения автономии. Сколько еще регионов могли бы повести себя подобным образом? По иронии вещей кастильцы также вели разговоры об особом статусе Кастилии. Унитаризм стал прекрасной платформой для оппозиции.

Б) *Социальные проблемы.* Несмотря на все изменения, скоро обозначились надежды и страхи населения *в социальной сфере*. Классы, находящиеся в трудном положении, надеялись на перемены. С апреля 1931 года начался вывоз капитала.

Аграрная реформа была единственной структурной реформой, официально обещанной республиканским правительством. Но не было достигнуто согласие относительно самих ее принципов. «Земля для тех, кто ее обрабатывает» – говорили анархисты и коммунисты. Социалисты считали иначе: «Земля должна быть закреплена за государством, а ее использование – за крестьянскими профсоюзами». Либералы стояли за частную собственность на землю. Католики выступали за семейную собственность и за выплату существенных компенсаций тем, у кого были экспроприированы земли. Чтобы выиграть время для дискуссий, правительство предоставило временные гарантии: запрет сгонять

фермеров с арендуемых ими земель и переселять рабочую силу, присвоение безработным королевского гражданского листа*.

Специально назначенные комиссии изучали вопрос вплоть до *мая 1932 года*, а дебаты продолжались до 15 сентября. Потом начались подсчеты. Закон распространялся только на регионы классического «латифундизма»: Андалусию, Эстремадуру, Ла-Манчу, Саламанку, Толедо. Земли экспроприировались у тех землевладельцев, размеры собственности которых превышали «агро-социальный максимум»: он колебался от 10 га хорошо орошаемой земли до 700 га скудных почв, пригодных только для скотоводства. Компенсации, определяемые из расчета капитализации** от 5 до 20% в зависимости от размера собственности, выплачивались частично наличными, частично пятипроцентными чеками, погашаемыми в течение 50 лет. Тем не менее крестьяне, в пользу которых проводилась экспроприация земель (поденщики, мелкие фермеры или мелкие собственники), пользовались только *неотчуждаемым правом пользования* землей и выплачивали государству небольшую ренту. Коллективная эксплуатация земель пользовалась рядом преимуществ. Институт аграрной реформы, провинциальные комитеты и местные общины занимались реализацией реформ. В конце 1933 года они разместили на отчужденных землях 8 600 семей, экспропри-

*Гражданский лист (*фр. liste civile*) – в монархических государствах сумма, предусмотренная государственным бюджетом на содержание царствующего королевского дома.

**Капитализация – 1) процесс образования фиктивного капитала в виде ценных бумаг, приносящих доход их владельцам; 2) превращение прибавочной стоимости в капитал.

ировали 89 000 га и предоставили разрешение на «временное использование» почти такого же количества гектаров земли. Этого было мало. Но то, что было все-таки сделано, в большой мере объяснялось одним политическим инцидентом: экспроприация без выплаты компенсаций «грандам Испании» осуществлялась в связи с угрозой контрреволюционного государственного военного переворота в августе 1932 года. Иначе реформы проходили бы еще медленнее.

Зарплаты возросли (в среднем с 3 до 5 песет в день), а арендная плата упала. Но не стоит забывать, что одновременное падение цен на землю, ожидание реформ, волнения в крестьянской среде повысило число заброшенных хозяйств; росла безработица. Социалисты хотели воспользоваться нетерпением крестьян. За два года их «Федерация земледельцев» объединила 392 000 человек. Их подозревали в том, что они ищут поддержки со стороны власти. Андалусия по-прежнему склонялась к анархии; народные волнения уподобились тем, что происходили здесь в XIX веке: это и незаконное занятие земель, и вырубка лесов, и нелегальная охота, иногда и поджоги. Вызывали беспокойство постоянные конфликты с гражданской гвардией: в Кастильбланко произошли массовые убийства жандармов, в Арнедо, напротив, имел место расстрел населения. События достигли кульминационной точки 12 января 1933 года в Касас Вьехас (Андалусия). Подавление анархистского путча стоило жизни 21 человеку, 12 из которых были казнены по приговору суда. На этот раз в произошедшей бойне был виновен «отряд штурмовиков»; таким образом, ответственность падала и на Асанью. В связи с этим

«бойня в Касас Вьехас» стала решающим *политическим* событием. Более того, этот эпизод подтвердил тот факт, что слишком тщательно просчитанная аграрная реформа не могла завоевать сердца крестьян. Ее нельзя было сопоставить ни с ночью 4 августа, ни с декретом Ленина. В 1933 году крестьянские массы отвернулись от Республики и примкнули к оппозиционному рабочему движению.

Сначала *рабочее движение* сохраняло с республиканской властью хорошие отношения. Три представителя партии социалистов входили в состав правительства. Лидеры профсоюзного движения Барселоны (Пестанья, Пейро) призывали голосовать за Масиа. Социальное законодательство, инспирированное Женевой, быстро нашло поддержку, и правительство начало проводить политику высоких зарплат. *Но это происходило в 1931–1933 годах, на фоне всеобщего мирового кризиса.* Для того чтобы производство не пострадало, требовалось рассмотреть вопрос о государственном управлении экономикой и распределении денежных масс. Но финансами управляли сторонники классического капитализма с либеральными традициями, как, например, каталонец Карнер. Эта противоречивая ситуация длилась недолго. И когда социалисты из Всеобщего союза трудящихся (ВСТ) хотели ограничить свои требования, анархо-синдикалисты из НКТ расценили это как признак «желтизны»*.

*Жёлтые профсоюзы – термин для обозначения профсоюзов, лидеры которых проводят политику сотрудничества рабочих и предпринимателей. Первоначально желтыми профсоюзами назывались штрейкбрехерские профсоюзы, создававшиеся предпринимателями для раскола рабочего класса и срыва забастовочной борьбы.

С июня 1931 года Индалесио Прието считал необходимым сорвать забастовку. Сразу же стала явной эволюция НКТ: в мае один из ее конгрессов еще одобрял умеренные тенденции Пестаньи и Пейро, а в июне это направление подверглось критике. В августе оно было представлено меньшинством. После сенсационного «манифеста тридцати»* руководство синдикализмом перешло к Федерации анархистов Иберии (ФАИ), которая начала издавать газету «Солидаридад обрера»**. Анархист Дуррути надеялся вновь превратить рабочую Барселону в «духовную столицу мира».

Наконец, правительство решилось предпринять суровые меры: в июле 1931 года в Севилье впервые пали жертвами рабочие; в сентябре генерал-губернатор Барселоны Ангера де Сохо приобрел репутацию нового Мартинеса Анидо; «закон о защите Республики», разработанный им вместе с Асаньей, перечеркнул либеральные идеи Конституции. В январе 1932 года в горах Каталонии разгорелся мятеж, связанный с проблемой повышения зарплаты рабочим текстильной промышленности (речь шла о том, чтобы увеличить зарплату от 12–30 до 25–40 песет в неделю). В каталонских деревнях провозгласили

*«Манифест тридцати» был подписан лидерами умеренных (по числу 30 их стали называть «триентистами»), которые упрекали своих противников из ФАИ в том, что те считают революцию святым средством, а не тяжелым и болезненным делом. Триентисты отказывались культивировать миф революции, совершаемой не всем народом, а отдельными индивидами (или даже рабочим классом), поскольку такая революция неизбежно превратится в диктатуру. Триентисты предложили модель переходного периода – синдикализма, обоснованного ранее Пейро.

**«Solidaridad obrera» (исп.) – «Рабочая солидарность».

установление «анархистского коммунизма». Армия восстановила порядок. Зачинщики мятежа были отправлены в Вилла Циснерос. Весь год рабочая пропаганда выступала в пользу заключенных и против «Закона о защите». ФАИ надеялась на путч. В январе 1933 года анархисты попытались устроить всеобщую забастовку и связать ее с крестьянскими волнениями. Это был повод для драмы Касас Вьехас, вызвавшей всплеск ненависти по отношению к Асанье. Социалисты не осмелились сохранить с ним союз. Это им не помогло: они оказались в изоляции и потеряли половину своих мест в парламенте на выборах в ноябре 1933 года. Анархисты были весьма популярны, но они не участвовали в выборах, что обеспечило неожиданный успех правым.

Реформистская и якобинская Республика погибла, так как республиканское правительство считало возможным реформировать Испанию, не удовлетворив требований крестьянских масс, и не выдержало натиска со стороны рабочих.

В) Объединение оппозиции; падение Асаньи. Против Асаньи и его партии, которая имела большинство в парламенте и в это время тоже переживала кризис, росла оппозиция.

Центристская оппозиция объединила либералов-теоретиков и консервативных республиканцев (эти два направления все время совпадают, хотя и без громких деклараций). Интеллектуалы оплакивали свои мечты, которые оказались далеки от реальности. Ортега и Унамуну не раз писали об испытанном разочаровании. Возглавить центристскую оппозицию мог только Леррус – «исторический республиканец», антисоциалист, раскаявшийся демагог, которого предпочитала наиболее осторожная

часть общества. Но сентиментальный традиционализм и военная агитация уже заставляли предвидеть более жесткие формы оппозиции.

Правая оппозиция уже продемонстрировала свое неумение приспособиться к парламентским правилам игры, когда, оставшись в меньшинстве по вопросу религиозных законов, покинула Кортесы. С 1931 года генералы готовили контрреволюцию. 10 августа 1932 года Санхурхо, бывший начальник гражданской гвардии, восстановленный в должности после инцидента в Арнедо, поднял военный мятеж в Севилье. Но было еще слишком рано. В Мадриде движение потерпело неудачу, что на время укрепило положение Асаньи. Правые снова были вынуждены держаться в рамках законной оппозиции. Правая оппозиция делилась на представителей Аграрной партии, партии Народного действия, «Испанского возрождения», на монархистов, традиционалистов и т.д. Их лозунги представляли собой негативные формулировки: против конституции, против секуляризации. Очевидна связь правой оппозиции с идеями «черной Испании»: в верхах этим представлениям отвечали аграрные интересы, в низах — традиция и религия. Духовенство влияло на мнение сельских жителей и на женскую часть электората. Наконец, правые объединились в «Испанскую конфедерацию автономных правых» (СЭДА*), которую возглавил блестящий руководитель Хиль Роблес.

В то же время создавались *новые формы оппозиции*, которые впоследствии будут играть очень важную роль. Но в 1931–1933 годах они только зарождались.

*СЭДА — La Confederación Española de Derechas Autonomas.

В 1931 году коммунизм еще не проявил себя, колеблясь между социализмом и анархо-синдикализмом.

Коммунистическая партия Испании, впоследствии вошедшая в III Интернационал, в то время едва насчитывала 3 000 членов; коммунисты были наиболее популярны в Астурии и Стране Басков. В июле 1931 года они участвовали в боях на улицах Севильи. В Мадриде коммунистическая партия объединяла немногих молодых энтузиастов. Это было время выработки доктрины испанской Компартии («класс против класса») и чистки рядов. Коммунисты выступали с разоблачениями первой испанской «буржуазной республики», но их газета «Мундо обреро»*, выходявшая нерегулярно и в маленьком формате, часто запрещавшаяся правительством, не могла конкурировать с прессой анархистов и социалистов. В первых Кортесах не было коммунистов. Наконец, в Каталонии, центре промышленной и рабочей Испании, «Коммунистическая каталоно-балеарская федерация», разросшаяся в «рабоче-крестьянский блок», находилась в конфликтных отношениях с Интернационалом. Маневрируя между анархизмом и каталонским национализмом, эта организация располагала прекрасными пропагандистами (Нин, Маурин, Аркет, Миравитлес), активной прессой, но в 1931 году она набрала не более 10 000 голосов.

Таким образом, коммунизм (и тем более «рука Москвы») играл важную роль только в воображении и пропаганде своих политических противников. Но отвергая и реформизм, и аполитизм, ком-

* «Mundo obrero» (исп.) — «Мир рабочих».

мунизм привлекал разочарованных: молодых анархистов, жаждущих приобщиться к какой-нибудь определенной доктрине, молодых социалистов, жаждущих действия. Позже, в 1936 году, коммунисты используют свой шанс.

«Фашизм» – это уничижительный термин, которым левые обозначали любую деятельность правых. Но Хиль Роблес на самом деле дал повод для обвинений: он посетил Германию, создавал символические объединения, его приветствовали криками «Jefe, jefe»*. Однако наиболее пылкие члены правой оппозиции скоро разочаровались в нем, видя в Роблесе юриста по духу и сторонника парламентаризма.

Одно из фашистских объединений появилось за месяц до 14 апреля, с первым номером «Ла Конкиста дель Эстадо»** Ледесмы и Хименеса Кабальеро. Здесь явно чувствовалось гитлеровское влияние, но идеологию расизма заменили воспоминания (с налетом мистики) об имперском прошлом Испании. В вальядолидской «Либертад»*** О. Редондо кастильский унитаризм был главной идеей. Две тенденции объединились в «Хунтах национал-синдикалистского наступления» (ХНСН), где «синдикализм» выступал как «специфически» испанский термин. Символ организации (ярмо и стрелы из герба Католических Величеств) был предложен гранадским студентом Апарисио. 10 октября 1931 года появляется программа ХНСН: антилиберализм, ан-

*Jefe (исп.) – вождь, фюрер.

**«La Conquista del Estado» (исп.) – «Завоевание государства».

***«Libertad» (исп.) – «Свобода».

тимарксизм, антисемитизм, государство, основанное на «защищенных принципах», приверженность испанской традиции, претензии на Гибралтар и Танжер.

Фаланга Хосе-Антонио Примо де Риверы появилась чуть позже. Сначала это были маленькие группы монархистов, увлеченных критикой диктатуры 1923 года, причем главным недовольным был сын диктатора. 19 октября 1933 года он изложил свою доктрину в мадридском Театре Комедии. «Ни правые, ни левые», ни капитализм, ни социализм; революция в «образе жизни», воззвание к герою. Испания отвергла капитализм, Реформацию, либерализм; она может возглавить «революцию XX века». Финальный призыв был лиричен, и молодой лидер пользовался авторитетом; его силовые методы были вполне традиционны. Республиканцы не проявляли особого беспокойства по поводу группы Примо де Риверы, тем более что она еще уменьшилась и не пользовалась уважением правых традиционалистов. Хиль Роблес казался более серьезным врагом.

События в Касас Вьехас послужили поводом для объединения оппозиции против Асаньи. В апреле 1933 года результаты частичных выборов оказались для него неблагоприятными; выборы в Гарантийный суд в сентябре того же года были не менее провальными. Алькала Самора вынудил его уйти в отставку. Правительство Лерруса также не пользовалось успехом. В октябре 1933 года Мартинес Баррио встал во главе кабинета; Учредительные Кортесы были распущены. Асанья, полагавший, что общественное мнение на его стороне, вынес на голосование закон о выборах, благоприятный для прочного

большинства. Сочетаясь с абсентеизмом анархистов, этот закон подчеркнул переворот, произошедший в общественном мнении. Голоса распределились таким образом: 200 мест у правых, 150 у центристов, лидером которых был Леррус. Таким образом, начиналась жестокая реакция; двухлетию реформ наступил конец.

2. 1934–1936. Двухлетие реакции, или «черное двухлетие». А) В период с *января по октябрь 1934 года* произошло обострение трех проблем: политической, социальной и каталонской; все это в итоге привело к взрыву.

Политическая проблема была трудноразрешимой. Правые, чтобы не разделяться, не примкнули к Республике. В республиканской прессе отмечалось, что общественное мнение не примирится со сдачей режима его врагам. Таким образом, Леррус управляет государством без участия правых, но испытывает давление с их стороны. «Мы захватим власть тогда, когда этого захотим», – заявляет Хиль Роблес во время собрания в Эскориале. Радикал Мартинес Баррио выступает с критикой Лерруса и в апреле окончательно расходится с ним, что приводит к расколу партии. Даже президент Республики, взволнованный «событиями» в Эскориале и верный роли «примирителя», отказывается поставить на место военных, взбунтовавшихся в августе 1932 года. В тревожной атмосфере Леррус уступает власть Самперу, радикалу второго плана.

Социальные волнения начались со времени выборов. В декабре 1933 года «коммунистически-анархистский» путч потряс Арагон и Эстремадуру. НКТ, к тому времени в принципе распущенная, не прекра-

щала вдохновлять рабочих на забастовки; в апреле—мае Сарагоса была парализована всеобщей забастовкой, которую благородно поддержали рабочие других городов. Ситуация обострялась. Число безработных достигло 600 000 человек. ВСТ отвергает Бестейро и высказывается за Кабальеро, то есть за революционную тактику. События февраля 1934 года в Австрии и Франции, а затем и коммунистический «поворот» свидетельствуют о влиянии профсоюзных организаций. Распространяется лозунг о *единстве* — единстве рабочих союзов. Прието осознаст, что стремление к объединению «идет из масс».

Но из 600 000 безработных 400 000 были крестьянами. Аграрная «федерация» бурлила. В феврале начались направленные против нее процессы. Ее обязали освободить временно используемые земли. В мае снова началась экспроприация земель «грандов Испании», правительство вернулось к прежней политике аренды и оплаты. Крестьяне попытались устроить «забастовку во время жатвы». Правительство применило силу, заявив при этом, будто «ничего не происходит», однако не обошлось без жертв. Забастовка не удалась и оставила после себя чувство горечи.

В это же время в связи с другим аграрным конфликтом с новой силой разгорелась *региональная проблема*. Масиа умер в конце 1933 года. Но муниципальные выборы подтвердили симпатии каталонского населения к левым партиям. По контрасту с Мадридом, Генералидад* стал «бастионом Республики». Оно поддерживало социальные требования избирателей, голосующих за доминирующую

*Генералидад — автономное правительство Каталонии.

партию (*Esquerra catalana**): служащих (АЦСТП**) и фермеров («рабассеров»). В апреле 1934 года был принят «закон о культурных договорах», который в определенных случаях обязывал передавать землю фермерам, желающим ее приобрести. Землевладельцы не могли с этим смириться и, действуя через «Регионалистскую лигу», опротестовали этот закон в Гарантийном суде как противоречащий Конституции. Он был аннулирован. Но каталонский парламент снова проголосовал за этот закон. В Стране Басков ситуация тоже была неспокойной: там проходили незаконные муниципальные выборы.

По истечении парламентских каникул кабинет Сампера, обвиненный в бездействии перед лицом беспорядков, был распущен. Леррус сформировал свой кабинет, куда вошли три члена СЭДА. Это не стало неожиданностью.

Асанья провозгласил необходимость «защиты Республики любыми средствами»; Мартинес Баррио, Санчес Роман отказались сотрудничать с правительством Асаньи. Мигель Маура, принадлежавший к лагерю умеренных, тоже отверг «изуродованную Республику». Но ограничилось ли дело словесными перебранками? Мадрид, Андалусия, казалось, не слишком рвались в бой; демонстрации здесь были лишены размаха. Но в двух районах страны разгорелись настоящие революции, которые тем не менее мало походили друг на друга.

*«*Esquerra catalana*» (исп.) – «Каталонские левые».

**«Автономный центр служащих торговли и промышленности».

Б) *Октябрь 1934 года. Революция в Каталонии и Астурии.* В Каталонии движение началось сверху и скоро потерпело неудачу. Компанис, преемник Масиа на посту главы Генералидада, поддержал всеобщую забастовку 5 октября, зачинщиками которой были ВСТ, АЦСТП, инакомыслящие коммунисты и каталонские националисты из молодежи. Благодаря министру внутренних дел Генералидада Денкасу забастовщики были вооружены. Но Денкас захотел отстранить от участия в забастовке ФАИ. Отныне эта организация удерживала НКТ на позициях иронического нейтралитета. Таким образом, барселонские рабочие не смогли выступить единым фронтом. Когда 6 октября Компанис неуверенно объявил о создании «Каталонского государства в пределах федеральной Республики», генералу Батету, командующему гарнизоном, хватило 500 солдат и нескольких выстрелов из пушки, чтобы заставить сдаться повстанцев, наскоро укрепившихся на своих рабочих местах (это была традиционная тактика). На полях пролилась кровь, имело место невооруженное восстание. Поражение каталонских рабочих укрепило позиции Лерруса. «Фаланга» бурно его приветствовала, а Хиль Роблес примкнул к Республике.

В Астурии движение, напротив, шло снизу и характеризовалось *единым революционным порывом и боевым духом* рабочих. Анархисты из Хихона, шахтеры-социалисты, коммунисты, чье влияние становилось все сильнее, забыли о своих разногласиях и организовали «Рабочий союз». 5 октября началось вооруженное восстание.

Центром восстания стал город Мьерес, известный своими рудниками. Силы охраны порядка пали, за ними последовали оружейные фабрики Тру-

бии и Веги. 8 000 шахтеров захватили Овьедо; правительственные войска сопротивлялись; авиация бомбардировала город. В течение девяти дней и город, и весь регион жили в состоянии революции. Но вскоре регион оказался в изоляции. Армия и гражданская гвардия шли через ущелья; на сушу высадились марокканские полки генерала Лопеса Очоа. Повстанцы рассеялись по деревням, ушли в горы. Лидеры восстания, активисты и женщины прикрывали их отступление с отчаянным героизмом. Этот эпизод длился две недели.

В течение года официальная пресса ежедневно поднимала тему «ужасов» революции. В то же время страна втайне обсуждала ужасы репрессий. Теперь у Испании была своя «Коммуна»; для одних она была пугалом, для других – символом героизма и страданий рабочих.

В) *Октябрь 1934–февраль 1936 года.* Почему в феврале 1936 года крайне левые получили большинство на выборах? Некоторые важные события 1935 года позволяют ответить на этот вопрос.

1. *Дефляция** на фоне экономической разрухи.

2. *Общественная реакция.* В связи с введением чрезвычайного положения после октябрьских событий началась жестокая реакция: рабочие были уволены, зарплаты уменьшены. В сельской местности, особенно в Каталонии, изгнание фермеров с занимаемых ими земель приняло характер репрессий. Аграрная реформа была приостановлена. Когда Хи-

*Дефляция – тенденция к снижению среднего уровня цен в экономике вследствие уменьшения совокупного спроса, снижения стоимости товаров за счет роста производительности общественного труда либо сокращения количества денег в обращении.

менес Фернандес, министр сельского хозяйства придерживавшийся христианско-социалистических убеждений, выказал намерение подготовить вступление во владение собственностью «*yunteros*» Эстремадуры (поденщиков, имеющих упряжку волов), то один депутат ответил ему, что если Энциклики лишат его имущества, он станет схизматиком! Еще более поражает принятое голосованием решение о выплате значительных компенсаций – около 230 миллионов – грандам Испании, чьи земли были экспроприированы в 1932 году. Левые объявили эту меру незаконной. Крестьяне, забыв о своем разочаровании в реформах, примкнули к Народному фронту.

3. *Политика президента Республики.* Парадоксально, но при ультрапарламентаристской Конституции за полтора года сменилось семь кабинетов, хотя оппозиция находилась практически на нелегальном положении! Такая ситуация сложилась в результате политики президента Алькала Саморы, который не любил Лерруса и боялся эксцессов крайне правых. В декабре 1935 года он сформировал центристский кабинет, полагаясь лишь на собственный вкус (правительство возглавил Портела Вальядарес), с целью распустить парламент и руководить новыми выборами. Избирательная компания восстановила свободу прессы, которая привела в движение другие элементы общественной психологии.

4. *Психологический эффект, произведенный подавлением октябрьского восстания.* Правые требовали суровых мер, Леррус стремился получить головы своих политических противников. Алькала Самора спас лидеров восстания, но отдал на растерзание простых его участников. Учитывая свободу прессы,

драма простых людей стала широко известна. Эффект кампании против повстанцев был обратным тому, чего добивалось правительство: мученики Октября были канонизированы общественным мнением. Гражданская гвардия отныне стала пугалом.

5. *Скандал вокруг Лерруса.* Окружение Лерруса пользовалось дурной репутацией; два скандала только утвердили мнение о нем широкой публики. Речь идет, во-первых, о коррупции в вопросе разрешения азартных игр и, во-вторых, о чрезмерных компенсациях, связанных с колониальными делами. Еще серьезнее был тот факт, что руководство важнейшими учреждениями (как, например, Генералидад Каталонии) было доверено лицам, потерявшим всякое уважение. Этот период называли «straperlo», что по-испански означает «надувательская рулетка».

6. *Двусмысленная ситуация, сложившаяся вокруг Хиль Роблеса.* Хиль Роблес оттолкнул от себя монархистов, так как примкнул к Республике, а фашисты отвернулись от него из-за свойственного ему духа парламентаризма. В то же время республиканцы относились к нему с подозрением. Почему он добивался должности министра по военным делам? Что он мог замышлять совместно с Франко, главой Генерального штаба? Почему молодежь из созданной им партии периодически выполняла функции вооруженной полиции? Почему во время избирательной кампании при упоминании его имени слышались выкрики: «Jefe, jefe», а его портреты достигали высоты пятиэтажного дома? «Антифашистский» блок неплохо оправдывался.

Приведенные факты позволяют догадаться о том, почему Асанья смог восстановить свою популярность и почему нашел поддержку «Народный

фронт», созданный в июне—августе 1935 года в результате переговоров между профсоюзами и левыми партиями. Выработанная ими программа состояла из четырнадцати пунктов. Выборы прошли 16 февраля 1936 года, в третий раз за шесть лет; результаты оказались весьма неожиданными.

3. Февраль—июль 1936 года. От выборов до «пронунсиаменто». На самом деле все считали, что у левых нет шансов: активисты сидели в тюрьме, муниципалитеты бездействовали, кампания не имела размаха. Власть поддерживала центристов. Правые произвели зрелищную мобилизацию «против революции», выразили упования 300 депутатов, отказались вносить изменения в закон о выборах, благоприятный для парламентского большинства. В связи с этим первый тур, обеспечивший большинство Народному фронту (пусть это и было 50% голосов), означал полный переворот, который подтвердили частичные выборы. Тандемы известных политиков (Хиль Роблес—Кальво Сотело в Мадриде, Леррус—Камбо в Каталонии) были побеждены. Смятение было настолько сильным, что власть перешла к Асанье в течение двадцати четырех часов. Губернаторы провинций ушли в отставку, не дожидаясь преемников. Провал лозунга «против революции» придавал революционный оттенок выборам, Кортесам и программе, которая казалась более умеренной, нежели в 1931 году.

Отдельные беспорядки отвечали сложившейся ситуации. В деревнях было распространено мнение, что «попы проиграли»: следовало обезвредить их сторонников, отомстить за несправедливости. Отсюда многочисленные нападения на церкви, монас-

тыри, отделения «Народного действия». Возобновились и аграрные волнения: изгнанные фермеры возвращались на свои земли, реформа была спонтанно возобновлена. За три месяца в двух провинциях (Толедо и Бадахосе) между фермерами было разделено 250 000 га земли — больше, чем во всей Испании с 1900 года. Деревни с населением в 3 000 душ вступали в конфликт с гражданской гвардией.

В городах целью народных выступлений было *освобождение узников* (их насчитывалось около 30 000 человек; лидеров выпустили быстро, но женщины из предместий находили этот процесс медленным) и *компенсации* за прежние репрессии.

Позиция правительства подверглась жестоким нападкам. Хиль Роблес и Кальво Сотело обрисовали положение в самом черном свете (любопытно, что оно еще усугубилось в результате избирательной кампании во Франции). Крайне левые высказались эмоционально, но вполне справедливо: «Молчание в стане октябрьских палачей». Действительно, правительство всячески старалось не допустить нового Касас Вьехас; малейшее вмешательство вооруженных сил грозило перерасти в трагедию. Асанья не хотел вновь испытать ненависть народа. Но он был ведомым, а не ведущим. Поддержка, оказываемая им улице, интерпретировалась лишь как проявление бессилия. Фашистские организации взяли на вооружение террористические методы: на вице-президента Кортесов, убежденного социалиста, было совершено нападение, а судья, вынесший приговор террористам, был убит. На самом деле в парламенте, как и в толпе, все еще торжествовали *традиции XIX века*. Вокруг президента Республики кипели страсти; в итоге он вызвал всеобщее недо-

вольство и был заменен Асаньей. В лице Мануэля Асаньи левые теряли единственного премьер-министра, который отличался бы левыми убеждениями. Мадридская толпа, как и в 1835 году, демонстрирует первобытные инстинкты: история с отравленными конфетами* приводит к нападениям на монастыри. Конечно, генералы в это время плетут интриги: они не прекращали этим заниматься с 1931 года. Но когда коммунисты требуют арестовать наиболее подозрительных военных (Годеда и Франко), правительство предпочитает просто отправить их подальше от Мадрида: одного на Балеарские острова, другого — на Канарские. Классическая завязка всех пронунсиаменто! В то же время председатель Совета министров Касарес Кирога объявляет себя «борцом против фашизма». Несомненно, до него дошел слух о готовящемся заговоре, но он старался видеть в этом только «сплетни». 12 июля глава оппозиции Кальво Сотело был убит офицерами полиции, которые заявили, что это месть за смерть одного из их товарищей-республиканцев. Однако правительство взяло на себя ответственность за этот эпизод. И оно даже не осмелилось запретить демонстрации враждующих партий во время похорон двух жертв. 18 июля вспыхнул военный мятеж.

*В начале 1936 года, за несколько месяцев до начала Гражданской войны, кто-то пустил по Мадриду слух, что католические монахи раздают детям в рабочих кварталах столицы отравленные конфеты. Обозленная толпа пролетариев начала прямо на улицах убивать всех встречаемых католических священников и монахов, поджигать и осквернять храмы. В общем за одни сутки был подвергнут линчеванию 31 священнослужитель.

III. Гражданская война (1936–1939)

1. От «пронунсиаменто» к Гражданской войне. «Пронунсиаменто»? Нет! «Народное восстание» — так франкистский режим определял свои истоки. Но все же события 18 июля 1936 года являют собой прекрасный пример «пронунсиаменто».

В течение нескольких месяцев офицеры вели конспиративную деятельность. Их лидером был Санхурхо, находящийся в изгнании из-за руководства мятежом против республики в Севилье (10 августа 1932) и связанный с политиком Кальво Сотело. У них были связи с гарнизонами, политическими партиями и с зарубежьем (Германией, Италией, даже Англией). В соответствии с первоначальным планом они должны были начать действовать в мае, затем выступление было перенесено на конец июля. Но потом заговорщики решили воспользоваться эффектом, произведенным смертью Кальво Сотело. 17 июля марокканская армия, являвшаяся проверенным инструментом в руках своих генералов, подала сигнал к восстанию. 18 июля опальные генералы Годед и Франко предприняли ряд локальных мер на островах; затем они заняли такие важные пункты, как Барселона и Марокко. В этот день все гарнизоны вышли на улицы и объявили, что страна находится «в состоянии войны». Если массового сопротивления не предвиделось, то гражданские власти «уступали силе»; если сопротивление все же оказывалось, военные начинали сомневаться; некоторые действовали только под угрозой. Судьба страны вершилась по воле случая. В Севилье Кейпо де Льяно захватил гарнизон при трагикомических обстоятельствах и подавил сопротивление предметов. В Малаге решающими оказались энергичные

действия гражданского губернатора. В Арагоне победа «движения» была обеспечена благодаря полиции. В Барселоне гражданская гвардия осталась на стороне правительства. В самых отчаянных случаях использовалась оборонительная тактика: мятежники клялись Республике в верности, дабы выиграть время и собрать силы, а затем с ожесточенным упорством выдерживали осаду. Так поступила казарма Ла Монтанья в Мадриде, полковник Варела, закрепившийся в толедском Алькасаре, полковник Аранда в Овьедо.

Все это было пережитками XIX века. *Технически* осуществленное пронунсиаменто означало революцию и гражданскую войну в той мере, в какой оно провалилось в *политическом* плане.

Действительно, государственный переворот *удался* в том смысле, что он лишил Республику всех силовых рычагов воздействия. В XIX веке правительство никогда не упорствовало при подобных обстоятельствах. Но *провал* государственного переворота состоял в том, что армия установила власть мятежников лишь на ограниченной территории; *население* выступало против армии, а правительство не признавало своего поражения, *несмотря на отсутствие военной силы*. Именно в этом состоят изменения. Подобно тому, как парламентаризм 1932 года не был возможен *без* поддержки масс, так и мятежники не могли навязать новый режим *вопреки* воле народа.

В *армии солдаты* впервые выступили в качестве самостоятельной силы; в Мадриде, Валенсии, Барселоне они переходили на сторону населения. Моряки из флотских подразделений, матросы и унтер-офицеры, составлявшие четыре пятых личного состава испанского флота, казнили или заменяли сво-

их командиров-мятежников. С другой стороны, *народ* тоже перестал быть неопределенной, смутной толпой: партии, профсоюзы, «союзы молодежи» поставляли кадры для борьбы за Республику с тех пор, как власть решила найти опору в их лице. Отныне существовал противовес силе военачальников. Кроме того, против пронунсиаменто выступили *региональные блоки*: так проявился баскский и каталонский «национализм». Наконец, правительство нашло поддержку со стороны *средних слоев общества* (по крайней мере в сельской местности), которые стали более многочисленными, чем в XIX веке. Правительство олицетворяло собой законность, а мятежники — «черную Испанию» генералов и священников, вечный кошмар либералов.

«Черную Испанию» больше не поддерживали массы, но она не исчезла полностью. Генерал Мола делает попытку оживить старый карлизм. Монастыри предоставляют убежище повстанцам и проповедуют «крестовый поход». Правые партии готовятся занять ту же позицию, что и в период «черного двухлетия». Молодежь крайне правых убеждений, разочарованная в Хиле Роблесе, примыкает к фашистским организациям. На этот раз речь не идет о поверхностной борьбе между небольшими группами. Это начало гражданской войны.

2. Военные операции. С 20–21 июля начинается военное и географическое разделение Испании; сначала преимущество сохраняется за Республикой. Помимо Марокко и островов, повстанцы заняли лишь горы Арагона, Наварры, Галисии и Старокастильское плоскогорье (на юге их территории доходили до Касереса), а также андалусский берег от Альхесираса до Уэльвы. Какие же из этих участков

территории были объединены в первую очередь? Ведь именно в этом первоначально состояла цель военных операций.

А) *Битва за объединение.* Зона Наварра—Кастилия, охваченная восстанием, могла вести войну карлистского типа, но решающее слово оставалось за ударными марокканскими войсками. Флот, сопротивляясь восстанию, перекрыл пролив. Франко, ставший начальником южной зоны после внезапной гибели Санхурхо, нашел поддержку у зарубежных стран и смог купить грузовые самолеты. В Танжере, где добывалось снабжение для правительственного флота, в нужный момент итальянские бомбардировщики смогли разметать корабли Республики. Воздушная транспортировка и высадка десанта в Альхесирасе помогли Франко разрешить основные проблемы. 14 августа марокканская колонна Ягуэ была в Бадахосе, где развернулась кровавая битва: объединение северной и южной зон было обеспечено. В это время Мола, находившийся на севере, атаковал город Ирун, который был взят 15 сентября. Эта победа обеспечила изоляцию Страны Басков и Астурии. За неимением ударных военных подразделений республиканцы упустили свой первый шанс: прежде разрозненные силы врага теперь были объединены.

Б) *Битвы за Мадрид.* Захват Мадрида означал победу. Освободив засевших в Алькасаре Толедо мятежников (27 сентября), Ягуэ начал окружать столицу. В конце октября Мадрид был окружен с трех сторон; 6 ноября правительство покинуло город. 7 ноября повстанческая армия переходит по мостам через Мансанарес. 9 ноября мятежники начинают штурмовать Мадрид. Но как ни странно, штурм

провалился. Со всех сторон поступают подкрепления. На помощь приходят «интернациональные бригады». Ситуация на фронте стабилизируется. Два других предприятия повстанцев тоже терпят крах: февральское наступление на Хараме* (проходившее одновременно с успешным наступлением итальянцев на Малагу) и моторизированный натиск на Гвадалахару, сломленный в результате контратаки. Отныне Мадрид больше не подвергался атакам.

В) *Покорение окруженных территорий.* Наступление на Страну Басков и Астурию началось 31 марта 1937 года. Оно было отмечено некоторыми новшествами, как, например, массированные бомбардировки Дуранго и Герники. Фортификационная линия вокруг города Бильбао, павшего 19 июня, доказала свою неэффективность. Республиканцы отреагировали на действия мятежников, организовав наступательные операции под Брунете (5–24 июля 1937 года) и Бельчите (3 сентября 1937 года). В августе итальянцы захватили Сантандер. В октябре пала Астурия. Власть республиканского правительства распространяется теперь только на треть территории Испании и на половину населения страны. Возрастающие экономические проблемы затрудняют военные действия против повстанцев, хотя сопротивление пока еще возможно.

Г) *Битвы в Арагоне.* Конец 1937 года отмечен успехами республиканцев: взятие Теруэля отсрочивает до марта 1938 года массированное наступление франкистов, стремившихся изолировать Каталонию и отрезать Мадрид от моря. В апреле первая из этих це-

*Харама (Jarama) – река в Испании, правый приток реки Тахо. Длина 190 км. Берёт начало в горах Сьерра-де-Гвадаррама, протекает по Новокастильскому плоскогорью.

лей была все же достигнута: Каталония была отрезана от Валенсии в устье Эбро. В мае и июне повстанцы, идущие маршем на Валенсию, доходят до Кастеллона. 24 июля это продвижение было неожиданно остановлено, так как правительственные войска предприняли наступление на реке Эбро. Все лето шли изматывающие бои, в которых важнейшую роль играла артиллерия (это напоминало события 1914 года). В боях участвовала республиканская армия Каталонии, потерявшая 80 000 бойцов. В ноябре она метр за метром была отброшена за реку. Главное наступление было намечено мятежниками на Рождество.

Д) *Падение Каталонии и конец войны.* Атака, поддерживаемая с воздуха, создает две зоны боевых действий; моторизированные колонны способствуют быстрому охвату с флангов: такова была война нового типа. Республиканская армия не была подготовлена к ней должным образом, поэтому ей приходилось отступать, чтобы не попасть в окружение. 26 января повстанцы захватили Барселону. В феврале кампания была окончена. 400 000 беженцев направились во Францию. Правительство Негрина* возвратилось в Валенсию. Его поддерживали только коммунисты, стремившиеся продолжать борьбу. Против них выступила хунта, сформированная в Мадриде для обсуждения условий капитуляции; в нее вошли лидеры анар-

*Негрин Лопес (Negrín López) Хуан (1894–1956) – испанский политический деятель; физиолог. С 1929 г. член Испанской социалистической рабочей партии. Во время Национально-революционной войны (1936–1939) с сентября 1936 г. по май 1937 г. был министром финансов, с мая 1937 г. – премьер-министром, позднее занял также пост министра обороны. В марте 1939 г. Негрин эмигрировал; до 1945 г. считался главой республиканского правительства Испании в эмиграции.

хистов и социалистов. Боевые действия, направленные на подавление коммунистической оппозиции, продолжались еще некоторое время. 28 марта Франко оккупировал Мадрид. Война закончилась.

3. Обстоятельства войны. Переход от периода мятежей, демонстраций и партизанской войны к боевым действиям, ведущимся с применением наиболее современного оружия, зависел одновременно от социальных и военных обстоятельств, от ситуации в Испании и в мире.

Повстанцам не хватало ударных войск, поэтому необходимо было *мобилизовать* и производить в офицеры всех молодых людей из зажиточных классов. Однако не располагая материальными средствами, флотом и промышленностью, мятежники не могли провести модернизацию армии, необходимую для победы, без помощи из-за границы.

Республиканцы имели в своем распоряжении массу смелых людей, флот, развитую промышленность (индустриальные регионы долгое время не были оккупированы мятежниками). Если бы речь шла о войне старого типа, то можно было бы не сомневаться в превосходстве республиканцев (правда, нужно было выиграть время, необходимое для реорганизации армии). Но офицеры, даже оставшиеся лояльными правительству, были под подозрением, то же касалось и образованной молодежи. Все держалось на энтузиазме борцов за Республику. Кроме того, правительству сначала нужно было победить распространенный анархистский миф о «необязательности дисциплины» («мы ополченцы, а не солдаты»), который долгое время препятствовал успешной мобилизации и единству командования.

Первоначально армия переживала расцвет революционных настроений. Но когда началась настоящая война, потребовалась совсем иная армия. Коммунисты проделали огромную организационную работу, сформировав образцовые полки, создав офицерские школы, поддержав народных генералов, которые вновь появились в Испании (как, например, прославленный герой Республики генерал Листер). Результаты дали себя знать слишком поздно, при Негрине, в 1938 году, когда республиканские войска были изнурены, в тылу сложилась тяжелая экономическая ситуация, а Каталония оказалась в изоляции и не могла обеспечить Республику современным вооружением, которым только и можно было победить интервентов, изменивших лицо войны.

Именно *иностранная интервенция* изменила характер войны и определила ее исход. Фашистская Италия вмешалась в войну весьма театрально. Благодаря действиям итальянской авиации Франко смог захватить пролив и взять под контроль Майорку. «Черные стрелы»* летали над Малагой, Гвадалахарой, Тортосой, участвовали в последней кампании. 70 000 «добровольцев» на самом деле получали жалованье от Франко и Муссолини. Помощь со стороны Германии не так бросалась в глаза, зато была более эгоистичной. Гитлер направил Франко значительное количество самолётов, танков, артиллерии, средств связи (все это фактически оставалось в руках немцев) и тысячи офицеров, которые должны были обучить и организовать франкистскую армию.

* Имеется в виду фашистская авиация: на крыльях самолетов были нарисованы эмблемы в виде черных стрел.

В 1940 году в служебных характеристиках немецких летчиков будут учитываться их победы в Испании. Для Гитлера каталонская кампания была репетицией перед вторжением в Польшу и Францию.

Другой лагерь мог рассчитывать лишь на поддержку со стороны Советского Союза: в Испанию были отправлены технические специалисты (менее многочисленные, нежели гитлеровские) и оружие. Эта помощь была щедрой и основательной, но ее затрудняли расстояния и посредники. Сначала республиканцы больше надеялись на поддержку Англии и Франции. Но система Чемберлена в Англии и моральная гражданская война во Франции привели, с одной стороны, к политике «невмешательства», а с другой – к пропагандистской войне, борьбе между различными политическими органами, к скрытой борьбе интересов и противоречивых тенденций. Республиканцы могли вербовать добровольцев и периодически приобретать технику, но были не в состоянии соперничать на равных с мощной итало-германской интервенцией.

В 1936 году, как и в 1808, надежды и разочарования всего мира сосредоточились в Испании, поэтому этот период испанской истории с трудом поддается описанию и анализу. Здесь мы лишь попытаемся рассмотреть происходившие события в связи с теми проблемами, которые поставлены в этой книге, и провести различия (насколько это возможно) между языком, психологией, законами и реалиями двух Испаний.

4. Две Испании: внутренняя эволюция (1936–1939). А) *Политическая эволюция.* Основная политическая задача каждого лагеря состояла в том, чтобы перестроить систему власти, согласо-

вать новые тенденции и древние формулы. Естественно, что решение этой задачи определялось прежде всего военными нуждами, наличием либо отсутствием ресурсов и взаимоотношениями с другими государствами.

18 июля 1936 года в республиканской зоне произошёл классический для Испании распад власти.

В Арагоне и Верхней Каталонии был возобновлен опыт «кантонализма» 1873 года. Перед лицом вооружённых рабочих каталонское правительство вынуждено было принять синдикалистскую (не марксистскую!) революцию, совершавшуюся всецело под влиянием местной инициативы. В Мадриде и Валенсии, где массы были захвачены коммунистическими или социалистическими идеями, Хираль* хотел сохранить законность, а потом Кабальеро пытался создать революционную коалицию. После периода проб и ошибок власть перешла к социалисту Негрину, человеку новой формации, который опирался на коммунистические организации, добившиеся успеха за счет своей дисциплины, воинственности и престижа, основанного на помощи русских. Первым этапом этой эволюции был барселонский путч 3 мая 1937 года против республиканского правительства, который был подавлен каталонскими трудящимися под руководством Объединённой социалистической партии Катало-

*Хираль Перейра (Giral Pereyra) Хосе (1879–1962) – испанский политический деятель и учёный-химик, член Национальной медицинской академии. В период Национально-революционной войны Хираль был премьер-министром республиканского правительства в июле–сентябре 1936 г., а в 1937–1938 гг. – министром иностранных дел. После поражения республики (1939) эмигрировал. В 1945 – январе 1947 г. премьер-министр республиканского правительства в эмиграции.

нии. В сентябре в Барселоне обосновался Негрин. Затем прошел процесс над коммунистами партии ПОУМ*. Дисциплина восторжествовала в тот момент, когда истощились ресурсы. После падения Каталонии Негрин был свергнут мадридской коалицией умеренных, анархистов и военных.

Антифашисты пострадали из-за своей разоб-
щенности.

В политическом плане управлять *восстанием* было несколько легче, чем Республикой. И здесь тоже были разногласия. Но консервативная масса признавала авторитет духовенства и армии; споры в верхах были от нее скрыты. Генерал Франко, вышедший на передний план после гибели Санхурхо, Кальво Сотело, Хосе-Антонио Примо де Риверы, а потом и генерала Молы, оказался на перекрестке различных тенденций и имел достаточно ловкости, чтобы удержаться на этом непрочном фундаменте. Предоставив заниматься пропагандой молодым фа-

*ПОУМ – Partido Obrero de Unificación Marxista (Рабочая партия марксистского объединения), «ульгалева партия», во главе которой стоял друг Троцкого Андрес Нин. Когда вспыхнул мятеж Франко, Нин был министром юстиции в Каталонии. Служа на словах антифашистскому делу, ПОУМ в течение всей Гражданской войны в Испании не переставая вел агитацию и пропаганду против республиканского правительства. Когда в решающий период, летом 1937 г., ПОУМ устроил в республиканском тылу, в Барселоне, неудавшееся восстание, призывая к «решительным действиям для свержения правительства», обнаружилось, что Нин и другие лидеры ПОУМ на деле были фашистскими агентами и сотрудничали с Франко, проводя систематическую кампанию саботажа, шпионажа и террора против республиканского правительства. 23 октября 1937 г. начальник полиции в Барселоне подполковник Бурильо опубликовал подробности открытого в Каталонии заговора ПОУМ.

нистам и дав им власть на местах, Франко успокоил духовенство, традиционалистов, собственников и, кроме того, подготовил господство армии. Ему понадобилось немало времени, чтобы придать новому режиму определенные очертания.

В октябре 1936 года традиционная «Хунта обороны» уступила место «генералиссимусу» Франко и его «Специальной хунте». Переговоры о создании «единой партии» длились до апреля 1937 года. Она получила сложное название: «Испанская фаланга традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления» (ИФТ и ХНСН). В августе 1937 года Франко был провозглашен «каудильо»* и главой государства. В январе 1938 года хунта была преобразована в министерство. Но законодательство нового режима развернется в основном в послевоенный период. Кризисы (устрашение карлистов и несговорчивых членов фаланги) долгое время были скрыты от общества. Сегодня они общеизвестны.

Режим Франко был силен как внешне, так и внутренне; контрреволюционная коалиция долгое время оставалась прочной: несмотря на некоторые несоответствия религиозной доктрины и политической реальности, церковь быстро приспособилась к фашистской диктатуре; зарубежный капитализм оказывал Франко финансовую помощь. Заручившись моральной и экономической поддержкой такого рода, Франко применял исключительно жест-

*Каудильо (*исп. caudillo* – предводитель) – официальный титул генералиссимуса Ф. Франко. Каудильо наделён фактически неограниченными полномочиями высшего государственного, политического и военного руководства («каудильо ответствен перед Богом и историей»).

кие методы управления страной и готовился к двойной международной игре.

Б) *Репрессии и «террор»*. Было бы абсурдным недооценивать те ужасы, воспоминания о которых до сих пор доминируют при оценке того периода. Стихийный «красный» террор и проводившийся методично и в соответствии с «законом» «белый» террор дали основания для суждений, которые, может быть, стоило бы пересмотреть.

Не стоит забывать о том, что некоторые *аспекты* происходивших событий *характерны именно для Испании*. Священники благословляли фашистов на расстрелы. Толпы преследовали монахов вплоть до могилы. Это было столкновение религии и антирелигии, которые черпали из одних и тех же источников понятия о смерти и кощунстве, сохранившиеся с XV века под непроницаемым колпаком Контрреформации в борьбе против инстинкта освобождения. «Капричос» Гойи, внутренняя борьба Унамуно, фильмы Бунюэля: Испания все время ведет войну против своего прошлого, войну глубоко интимную, трудную, сопровождаемую кризисами.

Статистические данные также требуют критического анализа. Часто упоминают о миллионе погибших, о 20 000 убитых монахов и священников, о широкомасштабном «терроре». Налицо определенные заблуждения. Так, три арагонца представили мне совершенно различные цифры, свидетельствующие о масштабах франкистских репрессий в Сарагосе: 5 расстрелянных, 14 000 жертв, по меньшей мере 30 000 убитых! Разрыв между приводимыми данными, конечно, огромный. Но демографические подсчеты заставляют предположить, что потери испанцев в этой войне достигли 560 000 человек

(включая жертв сражений и бомбардировок). Однако анализ статистических данных не означает, что психологический эффект был не столь силен, как принято думать; а ведь именно эти впечатления определили развитие событий и в конечном счете будущее Испании.

Психологический эффект от «красного террора», бесконтрольного и зрелищного, коснувшегося известных людей, тоже был весьма серьезным: с помощью прессы, официальных церемоний, языковых клише новый режим постоянно использовал эти впечатления в своих целях. Сегодня то же место в общественном мнении занимает франкистский террор – как инициативы фалангистов, так и военные репрессии. С первых дней существования нового режима репрессии жестоко обрушились на инакомыслящих, причем диктатура отнюдь не была склонна считаться с общественным мнением. Франкистский террор был гораздо более продолжительным, нежели революционный период, он сопровождал продвижение армии и пережил войну. В связи с этим многие противники насилия не желали быть союзниками Франко. До сих пор жива память о тюрьмах, лагерях и моральном давлении, которому подвергались жертвы режима.

Несмотря на все это, глубинная суть происходивших событий лежала в иной плоскости. Она заключалась в *кризисе нации и социума*, который в 1936 году был столь единодушно признан, что оба лагеря в равной степени объясняли свою позицию *патриотической обороной и революционной волей*. Но единый словарь не означал одинаковых намерений.

В) *Национальная проблема.* «Национализм» стал психологической реакцией каталонцев и басков на происходившие события, способствуя объединению ревностных католиков и непримиримо настроенных по отношению к религии атеистов. Кроме того, если представители крупной буржуазии в этих двух регионах забывали свое «националистическое» прошлое и уходили в классовую борьбу, их считали «предателями»; таким образом, регионализм связывался с защитой демократий. В связи с этим регионализм сближался с традицией федерализма, близкой анархистской психологии. Коммунизм, со своей стороны, опирался на популярный региональный патриотизм в той мере, в какой он не стеснял, а укреплял боевой дух.

С другой стороны, во всей республиканской зоне итало-германская интервенция была ненавистна одновременно как покушение *на свободу и на родину*. Ораторы-анархисты вспоминали 1808 год и Реконкисту, шли разговоры о Национальном фронте. Интеллектуалы, начиная с Хинера, умело сочетали испанскую традицию и новаторские устремления. От Антонио Мачадо до Альберти, Альтолагирре, Эрнандеса поэты предлагали воюющему народу «романсы», сатиру, песни, которые волновали тем больше, что самый выдающийся из всех испанских поэтов, Федерико Гарсия Лорка, поплатился за свое творчество головой. Он был казнен в Гранаде, став первой жертвой фашизма. Управления по образованию и пропаганде восхваляли землю Испании, ее искусство и историю. Здравомыслящие люди рассчитывали, что этот новый патриотизм, *связанный с народными чаяниями и не противостоящий своеобразию каждого региона*, поможет разрешить национальный кризис.

Совсем по-другому «национализм» трактовался и в противоположном лагере: унитаризм и экспансия были его неотъемлемыми чертами. «Фаланга» и ХИСН открыто заимствовали у итальянского и немецкого фашизма миф *Единства*. Но испанское Единство понималось как борьба против регионализма и местного национализма. «Всякого рода сепаратизм является преступлением, которое мы не прощаем» – такова была политика фаланги, проводившаяся в расчете на то, что таким образом возникнет страх перед распадом государства – единственный страх, который должно было испытывать испанское общество. Однако для того чтобы осудить каталонцев и басков, нужно было отказаться от романтического отзвука слова «нация», предполагающего спонтанно возникающее и ощущаемое определенным количеством людей единство. Если величие Испании состоит в ее истории, то нация будет «исторически сложившейся общностью» – при том условии («исторический» могло означать «изменяющийся»), если иметь в виду телеологический характер образования национальной общности и «единство исторических судеб» нации – «постоянное, трансцендентное и высшее» единство. Залогом испанского единства становится, таким образом, *кастовая* спесь, соответствующая расизму нацистов. Идальго, христианский рыцарь, испанец имеет ценность лишь как представитель определенного «стиля жизни», диктуемого «поэтическим императивом». Это был один из результатов литературного процесса, реабилитации Дон Кихота и мистического, воинственного «традиционализма».

Такой «национализм» было малодоступен для широких масс. Обычный приверженец франкизма

имел иной склад ума: он мог быть исполнен крестьянским или офицерским патриотизмом, требования которого легко было удовлетворить, возвратив двухцветный флаг и национальный гимн королевской Испании. Для среднего франкистского националиста было характерно поощрявшееся духовенством представление о неразрывной связи католической религии с идеей родины; он принимал за чистую монету легкие успехи интеллектуалов-конформистов, черпавших свои идеи из арсенала Перейры и Менендеса-и-Пелайо. В связи с этим пропаганда быстро перешла от беспокойного национализма Хосе-Антонио Примо де Риверы, призывавшего восстановить Испанию, «эту руину», с помощью «критики», к сытому тщеславию, излюбленными аргументами которого были исторические клише:

С другой стороны, «Фаланга» провозгласила активную, «империалистическую» политику: Испания притязала на Гибралтар, Танжер, французское Марокко, а также на руководство «испанской осью», направленной против англосаксонского пан-американизма. Это было время успехов Гитлера, поэтому эти планы не казались неосуществимыми. Однако события сложились таким образом, что испанская дипломатия и пропаганда были вынуждены лавировать; более того, Испании пришлось спешно присоединиться к недавно столь презираемым ей странам демократии. Этот новый провал и несоответствие реальной политики заявленным принципам лишили националистическую составляющую динамичности, внутренней энергии, которые, казалось, были ей в значительной мере свойственны. Кампании против инакомыслящих испанцев (изгнанников, сторонников самоуправления),

против Франции, «враждебной традициям», против далекой России имели целью укрепить национализм, но, по-видимому, не достигли цели.

Г) *Проблема социальных преобразований.* Породила ли кровавая борьба глубокие изменения в обществе? В республиканской зоне перемены произошли незамедлительно. Нельзя сказать, что среди республиканцев не было консерваторов. Однако так же, как неудавшееся пронунсиаменто 1932 года повлекло за собой единственную республиканскую аграрную реформу, имевшую радикальный характер, так и теперь мысль о том, что ответом на восстание 18 июля должна стать революция в обществе, вошла в сознание республиканцев.

Комитеты рабочих контролировали предприятия, муниципалитеты, профсоюзы, службы общественного назначения. Крестьяне занимали земли или прекращали платить арендную плату. ФАИ и НКТ предприняли отдельные «анархические» эксперименты в Арагоне и Каталонии, иногда не без влияния формул «аграрного коллективизма». В октябре 1936 года, в соответствии с декретом Генералидада, в Каталонии началась широкая индустриальная коллективизация, проводившаяся на тех предприятиях, где количество рабочих превышало 100 человек. Что касается предприятий среднего масштаба (от 50 до 100 человек), то решение о коллективизации принималось персоналом. В принудительном порядке коллективизация проводилась в тех случаях, когда владелец предприятия уходил от дел или нес политическую ответственность. Экономический комитет должен был обеспечить планирование.

Однако в основном важные реформы в республиканской Испании проводились в области сель-

ского хозяйства. Декрет, опубликованный в октябре 1936 года, систематизировал те меры, которые по большей части уже принимались крестьянами. Речь идет об экспроприации земель тех собственников, которые были виновны в преступлениях против Республики или бежали, а также о разделе больших земельных владений. Выбор в пользу индивидуальной либо коллективной эксплуатации земли делали сами члены крестьянской общины. В мае 1938 года были объявлены следующие цифры: 2 432 202 га экспроприировались в связи с заброшенностью земель или политической ответственностью землевладельцев, 2 008 000 га – по соображениям общественной пользы, 1 252 000 га были заняты временно. Институтом аграрной реформы были предусмотрены такие меры, как система кредитов, использование сельскохозяйственной техники, план разведения культур, механизация. Но времени на проведение этого плана в жизнь не было. В Андалусии и Эстремадуре сельское хозяйство страдало из-за отсутствия необходимых средств и опыта. Сельскохозяйственное производство держалось за счет тех регионов, где были распространены кооперативы, а также за счет мелких собственников и арендаторов. Проблема здесь состояла в том, чтобы наладить контроль, необходимый в условиях военной экономики.

Отношение партий и профсоюзов ко всем этим нововведениям было разным. Коммунисты, полагая, что победа является условием революции, подчиняли свою программу условиям войны, откладывая до лучших времен расправу над мелкими собственниками и отрицая необходимость тотальной коллективизации. Анархисты и инакомыслящие

коммунисты, напротив, считали, что тотальная революция есть основное условие победы, и называли предательством всякое отступление от заявленных экспериментов. Недавние исследования продемонстрировали целесообразность некоторых мер, принятых Республикой, и их позитивные результаты. Ни одной из этих реформ не была суждена долгая жизнь, однако необходимость коренных преобразований в структуре испанского общества признавалась всеми.

Эта необходимость была в 1936 году столь явной, что лидеры «пронунсиаменто», чья программа была негативной, были вынуждены принять «двадцать шесть пунктов» Испанской фаланги. Это была испанская версия фашистской программы, теоретически осуждавшая существующий порядок.

«Мы отвергаем капитализм». «Нельзя смириться с тем, что большинство живет в нищете, в то время как единицы купаются в роскоши». Испания провозглашается «национал-синдикалистским» государством. Этот термин позволял подражать нацизму, не копируя его, напоминая о корпоративном духе, характерном для испанцев, и, наконец, способствовал заигрыванию (тенденция, противоположная той, что господствовала в 1923 году) с анархо-синдикалистами, «людьми с пистолетом под плащом», «испанцами в большей мере», нежели материалистичные, дисциплинированные марксисты, ставшие главными врагами нового режима.

Была ли у франкистов определенная экономическая программа? Все их формулировки характеризуются расплывчатостью: «искоренить несправедливости капитализма», «не принимать во внимание» требования тех, кто не трудится на общее бла-

го. Психология франкистов отличалась противоречиями: «союз производителей» казался им идеалом общества, основанного на труде; однако вслед за Хосе-Антонио они повторяли, что такой принцип построения общества является материалистическим, антииспанским и антихристианским (труд — это наказание, а не заслуга; только на военно-религиозных основаниях следует строить испанское общество).

Несомненно, франкисты были настроены против «сеньорито», бездельников из богатых семей. Но представители элиты не сдавались, отвечали на сословный вызов. Их осуждали в качестве «сеньорито» и прославляли в качестве «идальго». Можно ли считать их *оборонительную борьбу* признаком происходившей революции? Восхваляя старую Испанию за то, что она «отвергла» революции XVI и XVIII веков, «новая Испания» обнаруживала свою контрреволюционность, в которой никто, кстати, не сомневался. Вопреки лозунгам фаланги, сторонники Франко были именно теми людьми, которые в феврале голосовали «против революции», инстинктивно выбирая консерватизм или традиционализм.

Используя в своих целях лозунги фалангистов, Франко придавал им более умеренный характер («социальная справедливость», «учение церкви», «ни одного испанца без хлеба, ни одного очага без огня»). В 1938 году, после образования единой партии, Франко ратифицирует «Фуэро о труде». Здесь нужно сделать несколько замечаний.

В данной исторической ситуации слово «фуэро» было не более чем данью историцизму и традиционализму. В средневековой Испании «фуэрос» были конкретными договорами между общиной и влас-

тиями; новый «фуэро» Франко был односторонним актом, декларацией прав. С другой стороны, «Фуэро о труде» знаменовал явное приближение к программе фаланги. «Фуэро о труде» предполагал и социальную защиту населения, правда, в весьма ограниченных масштабах (отпуска, страховки, минимальные семейные пособия). А так как нацию собирались превратить в «вертикальный профсоюз»* под водительством Партии, то *сельское хозяйство было фактически принесено в жертву*. В противоположность итальянскому фашизму, восторжествовавшему благодаря содействию промышленных монополий и более свободному в вопросах, относящихся к области сельского хозяйства, испанский фашизм всячески пытался контролировать промышленность (каталонский и баскский союзы предпринимателей оставались под подозрением), но опасался идти наперекор интересам крупных землевладельцев.

Что касается практических мер, принятых во время войны, то они имеют несколько аспектов. Прежде всего следует отметить *противодействие успехам*

* «Вертикальные профсоюзы» — наименование 26 испанских отраслевых профсоюзов, построенных по корпоративному принципу: каждый профсоюз включал и предпринимателей, и инженерно-технических работников, и рабочих данной отрасли производства. Вертикальные профсоюзы входили в Национальную синдикалистскую конфедерацию (основана в 1940 г.). Деятельность «вертикальных профсоюзов» направляла профсоюзная бюрократия, тесно связанная с правительством. С начала 1960-х гг. система «вертикальных профсоюзов» была подорвана возникновением рабочих комиссий, оппозиционных франкистскому режиму и замечающих во время острых трудовых конфликтов официальные органы корпоративных профсоюзов.

Народного фронта: зарплаты были сокращены до уровня *февраля 1936 года*, земли возвращены прежним владельцам (крестьяне, издавна занимавшие такие или иные участки земли и не состоящие под покровительством у полиции, могли остаться на прежнем месте на правах фермеров), а лицам, понесшим убытки в связи с политическими событиями, были выплачены компенсации. С другой стороны, законодательству предшествовала *реальная практика*, как, например, контроль (скорее политический, нежели экономический) фалангистских профсоюзов над промышленными предприятиями. Напротив, некоторые *законы* были приняты, но так и остались на бумаге (речь идет, например, о социальном страховании или об экспроприации неводеланных земель). Ко всему этому нужно добавить и характерные именно для *военной экономики* меры, которые, однако, могли сыграть важную роль в будущем (контролируемое распределение промышленных материалов, политика хлебозаготовок, в соответствии с которой особое государственное управление указывало площади посева и приобретало весь урожай при посредстве единого сельскохозяйственного профсоюза). Принимались и временные, однако весьма ощутимые социальные меры: восстановление зданий, помощь жертвам войны, эффектная кампания «Auxilio social»* проводившаяся для устранения наиболее явных проявлений нищеты. Институт благотворительности как нечто вроде социальной панацеи действительно вполне соответствовал национальной традиции и был основой общественных концепций правящих классов в Испании.

* «Социальная помощь».

В общем и целом, никакой социальной «революции», о которой говорили фалангисты, не произошло; в той части Испании, что была захвачена мятежниками, глубокие изменения общественной структуры не имели места. Напротив, правящие круги испанского общества (духовенство, армия, молодежь из богатых семей, примкнувшая к партии Франко, к военным и членам *Auxilio social*) окончательно заняли ведущие позиции, так что никакие нововведения не могли воплотиться в реальность. Оставалось ли все по-прежнему и после победы Франко?

IV. Режим генерала Франко (1939–1975)

1. 1939–1942. До мая 1940 года обеспокоенный Франко пытался наладить отношения с «западными державами». Но наблюдая победоносное шествие гитлеровской армии, Франко перешел к политике «нейтралитета». При этом он оккупировал Танжер и вел переговоры с Гитлером и Муссолини при поддержке германофила Серрано Суньера (министра иностранных дел). За демонстрацию согласия с Германией и Италией Франко надеялся получить финансовую помощь. На самом деле Риббентроп и Гитлер не слишком хотели открывать фронт на сомнительной испанской территории. Испано-португальские переговоры убедили англичан и немцев в нейтралитете Пиренейского полуострова. Что касается внутренней политики Испании, то здесь все складывалось не лучшим образом: нищета и изоляция. Фаланга строит экономическую и законодательную системы по нацистскому образцу.

2. 1942–1944. Высадка союзников в Африке заставила франкистскую дипломатию (во главе с генералом Хорданой) уступить давлению англосаксов. Предложения по «примирению» были плохо приняты, но Испания получает заказы и снабжение. Тоталитарный режим смягчается.

3. 1944–1948. После победы союзников Испания (в особенности дипломаты Лекерика и Мартин Артахо), постоянно демонстрируя согласие с Америкой и ее инициативами, на деле уклоняется от демократизации. Международная общественность обязывает ООН осудить франкизм; Франция закрывает границу с Испанией. В обстановке крайнего дефицита правительство теряет доверие народа. Глава государства лавирует между фалангистами и католиками, проводит переговоры с доном Хуаном*, стремясь закамуфлировать диктатуру «регентством», – все это свидетельствует о нечистой совести диктатора и о слабости режима.

4. 1948–1955. Период «холодной войны», напротив, укрепил позиции уцелевшего испанского фашизма. По отношению к США Испания выступает теперь в той же роли, в какой раньше выступала по отношению к Германии, – скорее в роли кредитора, нежели просителя. США в свою очередь стремятся использовать Испанию в своих интересах, а не служить ее интересам. Только в 1953 году, в связи с подписанием военного пакта с США, Испании бы-

*Дон Хуан – принц, сын короля Альфонса XIII и отец будущего короля Хуана Карлоса I, находившийся в изгнании с 1931 г.

ла предоставлена помощь в размере 141 миллиона долларов, плюс 85 миллионов на «укрепление экономической базы военного сотрудничества». После подписания пакта франкистский режим мог похвастаться успехами в области внешней политики.

5. 1956–1962. Начало экономического подъема и индустриализации сопровождалось инфляцией и сильными волнениями в обществе, прежде всего в университетской среде. Но Испания входит в ООН и налаживает отношения с Европой. «План стабилизации экономики» сдерживает утечку валюты и приводит к экономическому спаду. 1962 год ознаменовывается демонстрациями и забастовками (в Астурии).

6. 1963–1973. Это период быстрого подъема, обещанного «планам» по восстановлению экономики. Режим отмечает свой юбилей под лозунгом «25 лет мира». «Основной закон» (конституция) 1966 года сохраняет за Франко пост главы государства; Кортесы, сформированные по корпоративному принципу, также продолжают действовать. Вопрос о конституции был вынесен на референдум. Оппозиция призывала граждан уклониться от голосования, но большинство испанцев все же пришло на референдум. В сочетании с мерами предосторожности, принятыми правительством на случай уклонения граждан от голосования, это привело к курьезу: число проголосовавших превысило число зарегистрированных. Появляются дерзкие выступления в прессе, что отчасти компенсирует давление со стороны цензуры. В июле 1970 года преемником Франко на посту

главы государства и будущим королём Испании был утвержден Хуан Карлос Бурбон, внук свергнутого в 1931 году короля Альфонса XIII. В декабре «Бургосский процесс», в результате которого к смерти были приговорены шесть молодых людей из ЭТА (баскской националистической организации, ведущей открытую борьбу с полицией), вызвал волну протестов. Франко принимает решение о помиловании; в Мадриде проходят демонстрации сторонников жесткой политики. Технократы из *Opus Dei** теснят фалангистов, утративших свое прежнее значение в правительстве. В июне 1973 года Франко уступает пост премьер-министра, который он занимал в течение 34 лет, адмиралу Луису Карреро Бланко, непримиримому стороннику авторитаризма. 20 декабря 1973 года его автомобиль, проезжая по улицам Мадрида, подрывается на mine. ЭТА берет на себя ответственность за этот террористический акт.

7. 1974–1975. Экономическая ситуация в стране складывается менее благоприятно, нежели в предыдущий период. Революция в соседней Португалии заставляет ожить страхи и надежды. В связи с состоянием здоровья генерала Франко на первый план выдвигается проблема преемственности (особенно остро – в июле 1974 года). В верхах плетутся интриги. Премьер-министр Ариас Наварро объявляет о начале либеральных реформ, которые оказываются смехотворными. Сторонники режима уходят в оппозицию. В прессе появляются

**Opus Dei* («Божье дело») – католическая организация, созданная в 1928 г.

критические высказывания, начинает возрождаться нормальная политическая жизнь. В то же время возобновляются репрессии: речь идет о казни молодого анархиста Пуига Антича, о пытках и смертном приговоре, вынесенном членам ЭТА и РФАП (Революционного фронта антифашистов и патриотов).

Были ли решены *проблемы*, стоявшие перед Испанией?

Проблема *национальной структуры* осталась нерешенной. Стремление некоторых испанских регионов к автономии было предметом особой ненависти фаланги. В 1955–1960 годах Мадрид признал законными некоторые проявления культурного регионализма. Издание книг на каталонском языке, едва будучи начато, оказалось чрезвычайно востребовано. Язык вновь стал признаком национальной общности не только в Каталонии, но и в Валенсии, на Балеарских островах и в Руссильоне. Низшее духовенство и интеллектуалы вновь встали во главе этого процесса. Но в 1975 году и часть активной буржуазии обрела язык 1906 года. Рабочие выдвигали требования, касающиеся одновременно и социальной, и национальной политики. «Каталонская ассамблея», запрещенная властями, свидетельствовала о размахе движения, которое, однако, при всей своей массовости оставалось умеренным. В Стране Басков, напротив, националистические тенденции приняли экстремистский характер, особенно в молодежной среде. Группа ЭТА (Euzkadi ta askatasuna, Баскское отечество и Свобода), несмотря на раздирающие ее противоречия, касающиеся и тактики, и теории, добилась признания благодаря своим героическим бойцам,

которые утверждали единство национальной свободы и социальной революции в уличной борьбе, под пытками и перед судом. ЭТА наводила страх на более умеренную оппозицию, но зато укрепляла солидарность противников режима.

А как обстояло дело с решением *экономических проблем*? Двадцать лет стагнации, за которыми последовал ошеломляющий подъем, требуют отдельного рассмотрения.

До 1962 года продолжалась «неустойчивость получения урожая» (так, в 1958 году урожай пшеницы составил 48 миллионов центнеров, а в 1961 году всего 30), а средние показатели за 1931–1935 годы не зафиксированы. Запас зерна на душу населения упал на 35%. Но в 1960 году доля экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, еще достигала 47%; сельскохозяйственная продукция составляла 33% валовой продукции, и лишь 13% инвестиций вкладывались в сельское хозяйство. «Колонизация» (Бадахосский план, 35 деревень) была локализована. Все еще остаются земли без людей, люди без земель и земли, на которых теснится огромное количество людей.

В 1962 году начинается модернизация. Производство зерна увеличивается в среднем с 40 миллионов центнеров (1954–1958) до 50 (1965–1969), а урожайность – с 9,4 до 12,5 ц/га. Урожайность кукурузы, ячменя, поголовье свиней, птицеводство – все это быстро прогрессирует. Широко используются удобрения. За пятнадцать лет тракторный парк увеличился с 26 000 до 243 000 единиц техники. Но подвергся ли модернизации латифундизм? Массовое переселение из деревень в города превысило оптимум, а инвестиции оставались недоста-

точными (15 долларов/га; в других европейских странах этот показатель достигал 60 долларов/га). Уменьшение доли аграрной продукции в валовом продукте (с 33 до 15%) и доли экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве (с 42 до 26%), было позитивным признаком; однако достижение этих показателей за десять лет стоило многих жертв.

Запоздавая индустриализация шла быстрыми темпами.

До 1953 года Национальный промышленный институт (НПИ) под влиянием фалангистов придерживался идей государственного регулирования экономики, как то: автаркия, укрепление экономики центральной части полуострова. До 1960 года в индустриализацию было вложено 55 миллиардов песет (из них 42 миллиарда – в основные отрасли промышленности), что не повлияло на неравномерность промышленного развития разных регионов.

В 1954 году «путь автаркии» уступил место иностранным капиталовложениям, а государственное регулирование экономики – либерализму (так продолжалось вплоть до 1962 года). Европейский экономический бум и помощь Америки (1954–1958), выделившей Испании 341 миллион долларов (из них 31 миллион – на развитие электропромышленности, 30 – на строительство железных дороги, 8 – на ирригацию), создают инфляционную ситуацию; торговые связи приносят больше убытков, чем доходов (с 1951 по 1954 год импорт из США возрос с 62 до 112 миллионов долларов, а экспорт в США упал с 65 до 46 миллионов). Цены растут: в 1957 году они возросли на 15,5% по

сравнению с 1956 годом. «План стабилизации экономики» 1958 года замедляет экономический рост.

В 1961 году показатели потребления страной энергии и стали не превышают трети от среднего показателя ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития). За семь лет валовой национальный доход на душу населения возрастает на 18%. Индекс объема промышленного производства быстро растет (автомобили, алюминий), но решающий рывок произойдет лишь в 1962 году.

С 1964 по 1969 год валовой национальный доход возрастает на 35%, а доход на душу населения – на 28% (рост происходит неравномерно: 1965/1964 – 6,7%; 1967/1966 – 3%). Потребление энергии удваивается за десять лет (в разные годы рост потребления энергии составляет от 0,06 до 10,9%). В 1969 году Испания производит 6 миллионов тонн стали, потребляя 8 миллионов. Но итоги в 1969 году остаются скромными: доход на душу населения составляет 720 долларов, потребление электричества – 1600 кВт, потребление энергии (в угольном эквиваленте) – 1,78 т. Облик городов меняется. Пригороды Бургоса, Вальядолида, Пампелуны, Сарагосы растут, как грибы. Мадрид становится промышленным городом, серым и грязным. Вокруг Барселоны и Бильбао возникают гигантские агломерации. Солидные банки контролируют эти процессы. Испанские олигархи используют иностранные капиталовложения в своих интересах.

Остаются тревожные моменты: 1) массовые миграции квалифицированной рабочей силы; 2) важная роль туризма и инвестиций в гостиничный биз-

нес (будущее этой экономической отрасли весьма неопределенно); 3) увеличение импорта; 4) вспышки инфляции.

Социальные проблемы остаются весьма острыми.

В течение пятнадцати лет (1940–1955) шло беспрепятственное подавление трудящихся, способствующее накоплению капитала, который вкладывался в банки. Начало экономического подъема выявило социальные диспропорции. Что касается сельской местности, то минифундизм находился на грани краха; латифундисты теперь лучше платили своим работникам, чье положение, однако, оставалось по-прежнему шатким: с одной стороны, им грозило вынужденное переселение в город, с другой – безработица. Зато отныне в регионах появляется богатое крестьянство. Что касается промышленности, то на горизонте постоянно маячит экспортный кризис в тех отраслях, где рабочие получали низкую зарплату (производство готового платья и обуви), и безработица, грозящая рабочим отсталых отраслей, например шахтерам Астурии. В новых промышленных секторах происходит дифференциация зарплаты, которая складывается из премий, платы за дополнительные часы, двойную работу; но постоянное повышение цен дискредитировало все эти начинания. Последовали многочисленные и затяжные конфликты. Перегруженные работой «вертикальные профсоюзы» всячески пытались скрыть эти столкновения от общественности, но уже появились «рабочие комиссии», вступавшие с властями в дискуссию и борьбу. Часто духовенство предоставляло кров этим собраниям. Репрессии ужесточились (Гранада, Эль-Ферроль, Мадрид, Барселона).

Какую роль играла *политическая оппозиция*?

Она, конечно, не исчезла в период с 1940 по 1950–1953 год: это были и местные партизаны, и подпольные профсоюзы, и разочарованные фалангисты, и не смирившиеся с режимом либералы, и нетерпеливые монархисты. Но действия оппозиции нельзя было назвать успешными. Оппозиционеры из народа были убиты, изгнаны или сидели в тюрьме. Средний класс, парализованный страхом, слегка фрондировал, но в общем и целом все ограничивалось лишь словами. Образ «крайне бедной» Испании, уступившей режиму беззакония, анархии и нерадивости властей, порождал скепсис и пессимизм в среде интеллектуалов, охваченных духовным кризисом.

Со своей стороны, даже после 1944 года режим стал более либеральным только на словах. Франкистские Кортесы не были ни «парламентом», ни «штатами». Ни «Фуэро испанцев»*, ни «Фуэро о труде» не обеспечивали личных гарантий. Нацистско-фашистское покровительство во многом определило облик прессы, полиции и молодежных организаций. Размах репрессий искусно соразмерялся с ситуацией и типом оппозиции.

*«Фуэро испанцев» (*исп.* Fuero de los Españoles) – закон, принятый 16 июля 1945 г., регулировавший права и обязанности испанцев. Фуэро несколько напоминал Билль о правах в англосаксонских государствах, а также соответствовал и современным программам (требование свободы объединений и собраний, право на образование, труд и социальные гарантии). Закон, тем не менее, был подвергнут критике, поскольку, подобно прежним уступкам, не ограничивал жесткими рамками полноту личной власти каудильо.

Мы уже сказали об активности *рабочих* и о тех ударах, которым они подвергались в борьбе на улицах и на предприятиях. В зависимости от исторической ситуации власти иногда терпели *интеллектуальную* оппозицию, но чаще она подвергалась нападкам со стороны цензуры. Оппозиционеры-интеллектуалы попадали в тюрьмы или страдали от притеснений и издевательств со стороны официальных групп активистов, которые громили книжные магазины, выставочные залы. Социальная поэзия (Селайя, Блас де Отеро), «черные» романы, кино, полное яростной критики (Бардем, Берланга, Бунюэль, Феррери), создавали мрачный образ Испании; университеты существовали на осадном положении; сыновья главных действующих лиц участвовали в агитации. Начиная с 70-х годов было немало фактов отступничества даже на вершине властной иерархии: теоретики открыто признавались в расхождениях с официальной системой взглядов (Кальво Серер), а политики пытались примкнуть к умеренной оппозиции (Фрага Ирибарне).

Перед лицом происходивших изменений наследники старых партий и множество новых групп искали свое место в политической системе страны. Первые все еще были парализованы воспоминаниями. «Можно ли было избежать гражданской войны? Была ли она фатальной?», — спрашивали себя умеренные. «Кто был прав (точнее, кто был не прав): анархисты, коммунисты, социалисты, буржуазные партии?» — задавали себе вопрос побежденные. Мелкие политические образования не испытывали затруднений с тем, чтобы свалить всю вину на большие партии, причем им не приходи-

лось демонстрировать собственные методы. Молодые часто рубили сплеча, догматически подходили к разрешению тех проблем, которые им не пришлось пережить самим.

В 1962 году присутствие Хиля Роблеса на международном собрании в Мюнхене, где политики различной окраски обратились к странам – членам Общего рынка с призывом принять Испанию в ЕЭС лишь после того, как она осуществит демократические реформы, навело на мысль о «центристском» возрождении (теперь и с «европейскими» связями). Но это не слишком обеспокоило Франко. Напротив, по отношению к коммунизму времен войны режим продемонстрировал свою непримиримость: был казнен Хулиан Гримау*.

С тех пор активность коммунистов, анархистское и троцкистское возрождение, появление революционно настроенных басков создали почву для образования крайне левой оппозиции. Она была слишком раздробленной, чтобы сыграть решающую роль, но в то же время слишком активной, чтобы ее можно было долго игнорировать.

*Гримау Гарсиа (Grimau García) Хулиан (1911–1963) – деятель испанского рабочего движения. По профессии типографский рабочий. С 1936 г. член компартии Испании (КПИ). В период Национально-революционной войны 1936–1939 гг. сражался в рядах республиканской армии. В 1940–1947 гг. вёл работу среди испанских эмигрантов на Кубе и в Доминиканской Республике. В 1954 г. на 5-м съезде КПИ избран членом её ЦК. В 1957 г. направлен в Испанию, чтобы непосредственно участвовать в борьбе против франкистской диктатуры. В 1962 г. был арестован и предан суду военного трибунала. Несмотря на протесты мировой общественности, был казнён по приговору франкистского суда.

Удавшееся покушение на Карреро Бланко, приближение португальской революции – все это привело, с одной стороны, к странным уступкам со стороны властей, а с другой – к ужесточению репрессий: Пуиг Антич был казнен через удушение, а в сентябре 1975 года к смерти приговорили одиннадцать человек, пять из которых были казнены. ЭТА и марксистско-ленинское ядро РФАП осмелились напасть на карательную систему, остававшуюся душой режима.

То, что изменилось с 1936 года, – это позиция части духовенства: церковники участвовали в политической борьбе, в том числе и незаконной, и становились жертвами репрессий. Перед всей оппозицией стоял выбор: или возврат к демократии (увы, Франко немало послужили такие слова, как «Запад» и «свободный мир»), или переворот социальных и трудовых отношений. Коммунистическая партия Испании выбрала первый путь – «итальянский» – и немало критиковала Коммунистическую партию Португалии. КПИ вошла в объединение «Демократическая хунта» и сотрудничала с такими людьми, как Кальво Серер, вызвав тем самым упреки «антирелигиозников».

Была ли сильна консервативная коалиция?

Аристократия и крупные землевладельцы, отныне тесно связанные с банками и промышленностью, ничем не напоминают аристократов прошлого. Реставрация монархии интересует их только потому, что представляется им гарантией порядка.

Армия и карательный аппарат действуют заодно с системой, так как были созданы во время Граж-

данской войны и для победы в ней; кроме того, силовые структуры всегда пользовались благосклонностью «каудильо». В стране, не имеющей проблем в области внешней политики, положение армии становится парадоксальным. Его можно сравнить с положением классов, не участвующих в производстве, в период упадка. Должность младшего офицера или служба в полиции не позволяла умереть с голоду. Отличалась ли эта довольно бедная масса спянностью? Неизвестно. Но офицеры по преимуществу оставались приверженными франкистскому режиму.

Деловые круги были бы счастливы избавиться от последних пут дирижизма, унаследованных от 40-х годов. Но что касается либерального бума, то Испания – это не Германия. Буржуазная власть здесь имеет меньше возможностей позволить без риска функционировать парламентской и выборной системе. Банковские и промышленные круги не поддались искушению. В 1969 году Франко пожертвовал лидерами фаланги, приблизив к себе технократов, связанных с *Opus Dei*. Проигравшие попытались воспользоваться «делом Матесы» (речь идет о фиктивном экспорте, обеспечивающем субсидии в миллиарды песет), чтобы вернуть свое положение. Но солидарность крупного капитала не зависела от такого рода инцидентов. Как только возникала революционная ситуация, вновь актуализировалось репрессивное мышление. Следует добавить, что экономические успехи были одновременно и причиной, и следствием социального взлета технократов, заигрывавших с «демократической» оппозицией. Политика кнута и пряника, которую проводил Франко, быстро их нейтрализовала.

Церковь была теперь далека от тех времен, когда она благословляла на Крестовые походы и упивалась своими успехами: налоговыми привилегиями, обязательным заключением церковных браков, катехизисом в школе, господством в образовательной системе, университетах и научных исследованиях. Все это осталось в прошлом. Теперь католиков можно было разделить на три группы. 1) *Opus Dei* – светский институт, который одно время стремился встать во главе светского общества (не признавая этого открыто). *Opus Dei* несколько раз удалось сыграть решающую роль в отношениях правительственного аппарата, государственного капитализма, технократов, промышленников и банкиров; 2) противоположная группа, состоящая из религиозной молодежи, деревенских священников, мелкого духовенства. В ответ на церковный конформизм в недавнем прошлом и амбиции в настоящем они обратились к народной оппозиции с ее антикапиталистической традицией; 3) масса колеблющихся, занимающая промежуточное положение между первыми двумя течениями. В любом случае «черная Испания» была разобщена.

Франкизму не удалось преодолеть ни общественный, ни национальный, ни духовный кризис. Во всеуслышание провозглашалось единство испанцев, но наличие явных конфликтов служило сигналом для инстинктивного объединения консерваторов. Оппозиция заявляла, что ей противостоит лишь небольшая группа «ультрареакционеров». Но режим держался. И только немногие активные бойцы (ЭТА, РФАП), воодушевленные идеалами Родины и Революции, осмеливались выступать против дряхлого военно-репрессивного аппарата.

V. Первые шаги конституционной монархии

Сентябрь 1975 года. На следующий день после того, как были казнены пять осужденных, атмосфера накалилась. В октябре генерал Франко заболевает; он умирает 20 ноября после продолжительной агонии, достойной сценария Аррабаля или Феррери.

Передача полномочий «каудильо» «королю» была весьма двусмысленной. Сохранив пост премьер-министра за человеком, ответственным за сентябрьские события (за Ариасом Наварро), молодой монарх, казалось, отступил перед сопротивляющимся франкизмом.

В то же время на трех министров-дипломатов (я имею в виду Фрагу, Гарригеса, Ареилсу) была возложена задача интегрировать Испанию в центристскую или социал-демократическую Европу с благословения Америки и по примеру Португалии и Греции. «Две недели, два месяца, два года», – просил М. Фрага.

3 июля 1976 года происходит неожиданное событие. Король назначает на пост премьер-министра малоизвестного молодого политика Адольфо Суареса, сформировавшегося в рамках франкистского «движения». Но именно Суарес ускорил преобразования: амнистию, выборы, созыв Учредительных Кортесов и создание выборного Сената (за исключением 40 членов, назначаемых королем). 15 декабря 1976 года был проведен референдум; за реформы высказались 94% испанцев, и только 2,6% (непримиримые франкисты) были против.

Это была политика, направленная на примирение, а не на разрыв: массовая, но постепенная амни-

ствия; последовательная легализация различных политических партий и групп (около 200!). Преобразования происходили плавно. Но не обошлось без инцидентов: в Мадриде произошло убийство четырех адвокатов из «рабочих комиссий», баски из ЭТА продолжали использовать тактику террористических актов.

В результате долгожданных выборов 15 июня 1977 года умеренные сгруппировались вокруг Суареса («Союз демократического центра», 166 мест в парламенте плюс 23 близких к ним депутатов), а левые вокруг Социалистической рабочей партии (118 мест, 8 сочувствующих депутатов). Фрага потерпел неудачу, попытавшись объединить правых («Народный союз», 16 мест) и коммунистов (около 10%), несмотря на позицию (а может быть, из-за нее?) Сантьяго Каррильо, одним из первых подхватившего идею «еврокоммунизма»*.

Результаты выборов в регионах оказались неожиданными. Так, 20% каталонцев проголосовали за

*Еврокоммунизм – идейное течение, появившееся в итальянской, испанской и французской коммунистических партиях в 1975 г. и оказавшее глубокое влияние на все коммунистическое движение. Для него характерны три основных тезиса: 1. СССР – не единственная модель социалистических преобразований. Каждая партия действует в специфических национальных условиях и должна разрабатывать программы в соответствии с ними. 2. Необходимо объединение всех прогрессивных сил (рабочих, крестьян, интеллигенции, студенчества, женщин, служителей церкви, представителей средних классов) «во имя демократического и социалистического обновления общества», для изоляции реакционных групп и противостояния «неспособности капитализма удовлетворить общие

коммунистов (ОСПК*), 35% за социалистов, чуть меньшее число – за умеренных и старые партии. Но 11 сентября (это «национальный» каталонский день) в Барселоне собралось более миллиона человек, кричащих «Volem l'Estatut»**.

Тогда Мадрид восстановил каталонский Генералидад, во главе которого встал Тарраделлас, назначенный в изгнании преемником президентов Компаниса и Масиа и никогда не забывавший об этом. Маневр? Но какое опровержение оскорбительной пропаганды, которая велась почти сорок лет!

Баскский вопрос был сложнее. Левые *abertzale* (непримиримые патриоты), включая и экстремистов из ЭТА, пользовались поддержкой народа, который помнил о своих мучениках. То, что в Стране Басков еще со времен франкизма оставались воен-

потребности развития общества» (Леггориское заявление итальянской и испанской коммунистических партий, июль 1975 г.). 3. Коммунистические партии должны перестроиться, демократизировать оргструктуры и ввести внутрипартийные дискуссии. Им следует учитывать влияние изменившихся экономических отношений на структуру классов (сокращение численности традиционного рабочего класса и появление новых групп) и трансформироваться, иначе есть риск потерять как свой законный статус, так и избирателей.

*ОСПК – Объединённая Социалистическая партия Каталонии (Partit Socialista Unificat de Catalunya). Рабочая партия Каталонии; входит как автономная организация в Коммунистическую партию Испании. Образовалась 23 июля 1936 г. в результате объединения Коммунистической партии Каталонии, Каталонской федерации Испанской социалистической рабочей партии, Социалистического союза Каталонии и Каталонской пролетарской партии.

**«Мы требуем статут» (имеется в виду статут о каталонской автономии).

но-полицейские части, воспринималось как иностранная оккупация.

Спор о конституции (1978) затронул общественное мнение в меньшей степени, нежели в 1931 году. В результате поисков «консенсуса» Испания была провозглашена «неделимой» и состоящей из «национальностей», народ был назван суверенным, а монарх неприкосновенным, была гарантирована свобода предпринимательства, хотя государственное планирование также упоминалось в Конституции! Прагматики были довольны, но народ не проявлял особого энтузиазма (согласно результатам опроса, 36% воздержались, 23,8% жителей Страны Басков сказали «нет» этой Конституции). Выборы в Кортесы, проходившие в марте 1979 года, подтвердили превосходство умеренных, но социалисты, коммунисты, непримиримо настроенные баскские националисты завоевали многие города на муниципальных выборах. Статуты об автономии басков и каталонцев были приняты, но, содержа некоторые отступления от статута 30-х годов, вызвали довольно сдержанное к себе отношение (40% воздержавшихся). Выборы в каталонский парламент позволили лидеру умеренных Хорди Пухолью («Сближение и Союз») стать президентом Генералидада. Но закон о «гармонизации» автономий* заставил опасаться ограничительного толкования статута об автономии. В Стране Басков БНП (Баскская нацио-

*Ley Organica de Armonización del Proceso Autonómico (LOAPA) – Основной закон о гармонизации автономного процесса (1983). Согласно этому закону, государство может вмешиваться в круг полномочий автономных сообществ, если этого требуют общие интересы. Однако Конституционный суд признал противоречащим Конституции большую

налистическая партия, наследие 30-х годов) с трудом маневрировала между испанскими партиями; ЭТА продолжала вести вооруженную борьбу и расценивала всякого рода соглашения лишь как подчинение «силам порядка».

1981 год стал «годом 23 февраля»: в этот день подполковник Техеро вышел на трибуну Кортесов с пистолетом в руке, а подчиненная ему гражданская гвардия заставила депутатов спрятаться под скамьями. Благодаря телевидению об этом событии узнал весь мир. Испания была скомпрометирована и впала в оцепенение. Верный монархии генерал Миланс дель Бош вывел на улицы Валенсии танки; генерал Армада, близкий к королю, несомненно, подумал о компромиссе на аргентинский лад. Действия Техеро привели к тому, что общество стало опасаться новой угрозы со стороны военных.

В 1982 году произошло разобщение партий центра. Образовалось два полюса: правый «Народный союз» (лидер — Фрага Ирибарне), потеснивший крайне правых (Бласа Пиньяра, Техеро) и левая Социалистическая партия (ИСРП), в свою очередь отодвигавшая на задний план крайне левых (включая и КПИ). В итоге на выборах в октябре 1982 года абсолютное большинство мест в Кортесах досталось социалистам, а пост главы правительства занял Фелипе Гонсалес, молодой адвокат-социалист из Андалусии. «Фелипе» и его друзья-технократы (Бойер, Серра) не скрывали

часть содержания этого закона. С тех пор государство не пользуется этим способом для того, чтобы оказывать влияние на распределение и исполнение полномочий в различных автономных сообществах.

своей умеренной позиции в отношении социальной политики. Они не раз испытывали трудности: враждебность со стороны военных, крах треста RUMASA (который потребовалось экспроприировать), поражение социалистов на парламентских выборах в Стране Басков и Каталонии, рост безработицы, акции ЭТА, верной тактике террора, несмотря на жесткость методов полиции (а может быть, именно из-за них?). Зато правительство Гонсалеса могло похвастать внешнеполитическими успехами: Франция выступила с поддержкой действий испанских властей против ЭТА, Испания вошла в ЕЭС. Но Испания запоздала с референдумом о вступлении в НАТО, что было достаточно двусмысленным. Успехи ИСРП базировались на разобщенности правых и проблемах рабочего движения (раскол КПИ).

VI. Испания сегодня

39,4 миллиона жителей. Демографические показатели на уровне стареющей Европы (индекс рождаемости 1,2). Быстрая индустриализация, автодороги, сверхскоростные поезда, новейшие отрасли промышленности, сельское хозяйство, которое объединяет качество и количество. Барьер преодолен.

Но не будем переоценивать нынешнее положение Испании. Валовой национальный продукт на душу населения (14 490 \$) остается средним общеевропейским показателем. Но Испании, едва не поставившей европейский рекорд по безработице, за три года удалось снизить количество безработных с 22,7% до 13,7%. Испанское правительство принима-

ет ряд законов, касающихся въезда иностранцев, и весной 2000 года Испания впервые переживает кровавый иммиграционный конфликт. Сегодня в Испании любят выставлять напоказ благосостояние страны, и в то же время в глаза бросается нищета некоторых слоев населения. До сих пор Испания принадлежит к числу стран, имеющих преимущество в получении помощи ЕЭС (60 миллиардов евро на 2000–2006 годы). Сможет ли Испания выдержать конкуренцию в промышленности? Доходы населения страдают от инфляции, которая все еще продолжает существовать, но процент членов профсоюза упал так же, как и во Франции. Другой «барьер»!

В политике достигнут «консенсус». Умеренные партии, сделавшие возможным образцовый «переход к демократии», уступили место традиционным правым и их объединениям. После четырнадцати лет правительственной гегемонии Социалистическая партия должна была подвести итог. Несмотря на обещания Фелипе Гонсалеса, Испания вошла в НАТО. Но Гонсалес также руководил вступлением Испании в ЕЭС и «автономизацией» испанских регионов. ИСРП нашла Гонсалесу (правда, не без труда) молодого преемника – Хосе Луиса Родригеса Сапатеро.

В марте 1996 года лидер Народной партии Хосе-Мария Аснар (политик, по общему признанию, не обладающий харизмой), получив минимальное преимущество, занял пост главы правительства, так что в своих действиях он зависит от каталонских умеренных депутатов и от старой партии басков-националистов (БНП). Но каталонские лозунги («Нас шесть миллионов», «Каталонии тыся-

ча лет», «Скажите это по-каталонски») задевают чувства кастильцев, которые с трудом мирятся со сложившейся ситуацией. Особенно им не по душе языковая политика Генералидада в вопросах образования и тайная независимость Каталонии в том, что касается европейской экспансии. Усилив свое влияние благодаря успеху Народной партии на выборах 2000 года, Аснар выбрал несколько молодых и блестящих министров, чье студенческое прошлое в стане левых вызывает лишь улыбку. Используя ставшие классическими методы, Аснар плавно перевел финансовую систему Испании на евро, так что никто не может оспорить его право с удовлетворением констатировать: «У Испании все хорошо».

Только баскский вопрос портит общую картину. После того как баскские националисты из ЭТА похитили и казнили сына иммигрантов, молодого активиста Народной партии из города Эрмуа (в Бискайе), был подписан «пакт» под эгидой БНП между различными законными националистическими организациями. Казалось, вооруженное движение одно время готово было ответить на эту политику примирения, отказавшись от тактики террора (передышка длилась более года). Жесткая позиция правительства, его репрессивная политика, парламентская независимость, позволившая партии власти открыто порвать с Хавьером Арсаллусом, лидером БНП, — спровоцировало ли все это новую волну терроризма (в 2000 году в Испании была совершена целая серия террористических актов)? Никто не осмеливается высказывать прогнозы, касающиеся этой проблемы. Избирательная база радика-

лов, борющихся за независимость, размыта, но она все же существует, способствуя проявлениям жестокости. Эти молодые демонстранты, нередко выходцы из эмиграции, не имеющей отношения к баскам, являются ли они лишними людьми, не востребованными в результате экономической перестройки регионов? Явились ли они для того, чтобы оживить подпольную вооруженную деятельность? Может быть, они пренебрегут отсутствием поддержки испанского общества? Какого ответа они ждут?

В ситуации неопределенности институт монархии гарантирует достижение консенсуса. Испанцы принимают монархию безоговорочно. Вспомним Францию времен Луи-Филиппа: монархию считали «лучшей из республик». В то же время круг аристократических и богатых семей остается узким. Но успех таких мероприятий, как Олимпийские игры в Барселоне или открытие музея Гуггенхайма в Бильбао, свидетельствует о том, что переходный период в Испании завершен. В немалой степени этому способствовала эмиграция трудящихся, наплыв туристов и инвестирование иностранного капитала в испанские предприятия. Превознося до небес режиссера Альмодовара, иностранные зрители плохо осознают тот факт, что его бросающийся в глаза «постмодернизм» имеет глубокие корни, ведь Испания не исчерпывается эксцентричностью *мовиды**. Во времена Гражданской войны, став-

*Мовида – социальная и культурная революция 80-х годов, известная под названием «movida madrileña» («мадридское движение»).

шей прообразом катастроф XX столетия, все люди доброй воли, как говорил Неруда, хранили Испанию «в своем сердце». Лорка, Фалла, Пикассо, Миро привнесли испанский дух в мировую культуру. Именно благодаря сложности своей истории Испания преподнесет миру еще не один урок.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.	ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР И ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ	5
	I. Природный фактор	5
	II. Заселение территории и рождение цивилизации	10
Глава II.	ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	14
	I. Мусульманская Испания	14
	II. Испания в эпоху Реконкисты	19
	III. «Осень Средневековья»: факторы дробления и факторы объединения	32
Глава III.	ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИСПАНСКОЙ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: НОВОЕ ВРЕМЯ	39
	I. Политическое устройство	39
	II. Колониальный и экономический прорыв	54
	III. Апогей духовного развития. «Золотой век»	58
	IV. Упадок великой империи	65

Глава IV. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСЛЕДНИХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ ИСПАНИИ 11

I. XVIII век и просвещенный абсолютизм	12
II. Война за независимость	84
III. XIX век: пробы и ошибки	91
IV. Фундаментальные проблемы	108

Глава V. КРИЗИСЫ СОВРЕМЕННОСТИ140

I. Кризис монархии (1917–1931)	140
II. Республика (1931–1936)	150
III. Гражданская война (1936–1939) . .	174
IV. Режим генерала Франко (1939–1975)	197
V. Первые шаги конституционной монархии	212
VI. Испания сегодня	217

Научно-популярное издание

Пьер Вилар
ИСТОРИЯ ИСПАНИИ

Настоящее издание представляет собой перевод оригинального издания
Histoire de l'Espagne, отпечатанного во Франции издательством
Vendôme Impressions Groupe Landais 73, avenue Ronsard,
41100 Vendôme в декабре 2002 г.

Перевод с французского *И. Борисовой*

Зав. редакцией *А.Ю. Голосовская*
Редактор *В.Б. Зусева*
Технический редактор *Н. И. Духанина*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
170000 Россия, г. Тверь,
пр-т Чайковского, д. 19а, оф. 214

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

*Университетская библиотека —
это серия книг для высших учебных заведений
по всем основным областям знаний
Все книги серии написаны ведущими
специалистами в своих областях*

В истории Испании был не один золотой век:
с римских времен до арабского завоевания, с периода
Реконкисты до Великого века, со времен колониальной
империи до экономической экспансии последних лет.

Испания не раз переживала и трудные времена:
гражданскую войну, период франкизма. В этой книге,
которая во Франции переиздавалась двадцать раз,
история Испании изложена во всей ее полноте
и сложности; это история земли, которую,
по словам Пабло Неруды, все люди доброй
воли хранят в своем сердце.

Пьер Вилар — историк, почетный профессор
Парижского университета I.

ИНН 4502016636 ООО "Меридиан-АСТ"
ун. биб. История Испании

Цена: 63р.00к.

9785170366057 10.05.06